

Журнал «Казахстан-Спектр» включен в перечень научных изданий Комитета по надзору и аттестации в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан для публикации основных научных результатов кандидатских и докторских диссертаций по специальностям:

07.00.00 — ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
 08.00.00 — ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
 09.00.00 — ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
 22.00.00 — СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
 23.00.00 — ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Содержание

ЗА СТРОКОЙ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА КАЗАХСТАНА

Морозов А.А. Послания Президента народу Казахстана — ответы на вызовы времени 5

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Сыроежкин К.Л.,
 Ауган М.А.
 Ашинова Ж.Е. Китайско-американские отношения: концептуальные подходы 10
 Казахстанский вектор центральноазиатских экономических интересов Японии и Китая: сравнительный анализ 19
 Джалилов З.Г.
 Ауган М.А. Нетрадиционные исламские движения в Центральной Азии 28
 ЮВА — зона экономических и военно-политических интересов Китая 37

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Галиев Т.Т.,
 Байгелди Г.С.
 Дуненкулова Г.А. Системная технология административно-правового регулирования государственного менеджмента 48
 Основные направления, проблемы и перспективы развития женского движения в Республике Казахстан 53

ЭКОНОМИКА

Сырлыбаева Б.Р. Устойчивое развитие: проблемы определения и реализации 59

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Гаипов З.С. Возрастание роли индивида как актора политической модернизации в Республике Казахстан 69
 Курмангалиева С.К. К вопросу исследования содержания понятия «качество экономического роста» в советской и современной экономике 73
 Нуртазина Н.Д. Наступление на ислам: антирелигиозная политика Голощекина в Казахстане и ее последствия 80
 Кусаннов Ш.К.
 Ямаева Л.А.
 Алпысбаев Т.М. Ранняя история суфизма в Туркестане 88
 О чертах тюркской кочевой ментальности в менталитете башкир 93
 Социальные конфликты в воинских коллективах: взгляды военных ученых 100

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т. Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации 110

SUMMARY 116

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 120

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
 СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
 ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
 РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К. СУЛТАНОВ**,
 директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск Н.Б. Сейдин
 Редактор-корректор Н.И. Шестакова
 Дизайн и верстка: А.К. Садуакасов, А.А. Жумагалиева
 Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87-Б.
 Телефон: (727) 264-34-04. Факс: (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
 Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.
 При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
 Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.» г. Алматы. Тираж 500 экз.

Contents

BETWEEN THE LINES OF THE KAZAKH PRESIDENT'S STATE-OF-THE-NATION ADDRESS

- Moro zov A.A. Address of the President to the People of Kazakhstan — Answers to the Challenges of Time 5

INTERNATIONAL RELATIONS AND SECURITY

- Syroezhkin K.L., Augan M.A., Ashinova Zh.Ye. China-American Relations: Conceptual Approaches 10
 Ashinova Zh.Ye. Kazakhstan's Vector of Central Asian Economic Interests of Japan and China: Comparative Analysis 19
 Jalilov Z.G., Augan M.A. Non-traditional Islamic Movements in Central Asia South-East Asia — the Zone of Economics and Military-Political Interests of China 37

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES

- Galiev T.T., Baygeldy G.S. System Technology of Administrative Legal Regulation of the State Management 48
 Dunenkulova G.A. The Priority Directions, Problems and Prospects of Woman Movement Development in the Republic of Kazakhstan 53

ECONOMY

- Syrlybayeva B.R. Sustainable Development: the Issues of Definition and Realization 59

THEORETICAL PAPERS

- Gaipov Z.S. Growth of Individual's Role as an Actor of Political Modernization in the Republic of Kazakhstan 69
 Kurmangalleva S.K. The Issue of Research of Concept Content of "Quality of Economical Growth" in Soviet and Modern Economy 73
 Nurtazina N.D. Offensive to Islam: Anti-religious Policy of Golushchekin in Kazakhstan and its Consequences 80
 Kusalnov Sh.K. Early Sufis History in Turkestan 88
 Yamayeva L.A. About Turkic Nomadic Mentality Feature in Character of Bashkir 93
 Alpsybayev T.M. Social Conflicts in Military Collectives: View of Military Scholars 100

BOOK REVIEW

- Laumullin M.T. Zhukov S.V., Reznikova O.B. Central Asia and China: Economical Interaction in Conditions of Globalization 110

SUMMARY 116

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 120

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE FOR STRATEGIC STUDIES UNDER THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
 Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief B.K. SULTANOV,
 Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication N.B. Seidin
 Editor-collector N.I. Shestakova
 Design & Layout A.K. Sadyrasov, A.A. Zhumagalova
 Address: 87-b Dostyk Ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
 Phone (727) 264-34-04, Fax (727) 264-48-95, E-mail: office@kzi.kz.
 The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644.
 All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
 Printed in printhouse of IE "Volkova Ye. V." Almaty. Copies 500.

Редакционный совет

- Султанов Б.К. — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук
 Музапарова Л.М. — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
 Абишева М.А. — заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
 Абусентова М.Х. — директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
 Ашимбаев М.С. — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, кандидат политических наук
 Закржевская О.Г. — профессор кафедры международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
 Ибрашев Ж.У. — доктор исторических наук, профессор
 Лаумуллин М.Т. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
 Нысанбаев А.Н. — директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
 Пужоль К. — профессор Института восточных языков и цивилизаций (INALCO) Париж, Франция
 Сыроежкин К.Л. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
 Тажин М.М. — помощник Президента — Секретарь Совета Безопасности РК, доктор социологических наук, профессор
 Чуфрин Г.И. — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, KazISS under the President of the RK, Doctor of History
- Muzaparova L.M.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Economics
- Abisheva M.A.** — Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at the Ministry of Education and Science of the RK, Doctor of History, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy Head, Administration of the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Chair, Kazakh National University named after al-Farabi, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Doctor of History, Professor
- Laumulin M.T.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Nyissanbayev A.N.** — Director, Institute of Philosophy and Political Sciences at the Ministry of Education and Science of the RK, Academician of the National Academy of Sciences of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Poujol C.** — Professor of the Institute of Eastern Languages and Civilizations (INALCO) Paris, France
- Syrovezhkin K.L.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Tazhin M.M.** — Presidential Aide — Secretary of the Security Council, Doctor of Science in Sociology, Professor
- Chufrin G.I.** — Corresponding-Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Послания Президента народу Казахстана — ответы на вызовы времени

МОРОЗОВ А.А.

Обращение Главы государства к народу — всегда заметное политическое событие в любой стране. Послание является важнейшим документом, задача которого — определить не только место страны на карте современного мира, но и дальнейший маршрут движения.

Несмотря на небольшую, по историческим меркам, практику посланий Президента Казахстана народу, это событие по праву считается одним из знаковых, поскольку оно дает старт политическому сезону, оказывает определяющее влияние на политические и экономические процессы.

Впервые Президент РК Н. Назарбаев выступил с Посланием народу Казахстана «Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» в октябре 1997 г., которое сегодня более известно как Стратегия «Казахстан-2030». Приоритеты Стратегии «Казахстан-2030» — национальная безопасность, экономический рост, энергоресурсы, инфраструктура (в особенности, транспорт и связь), профессиональное государство — обозначили основные пути решения проблем, с которыми Казахстан сталкивается в настоящий момент. Именно благодаря Стратегии мы не растерялись перед угрозами и рисками глобализации.

Надо подчеркнуть, что Казахстан первым на всем постсоветском пространстве выбрал путь стратегического планирования — признанный в мировой практике инструмент государственного развития. До Президента Н. Назарбаева ни один из лидеров стран постсоветского пространства не воспользовался возможностью инициировать создание долгосрочной программы развития и применить ее в целях модернизации экономики и улучшения благосостояния общества. Это Послание заложило новые принципы государственного планирования и оформило саму идею государственного строительства в республике.

Дальнейшие послания Президента народу Казахстана шли в русле Стратегии «Казахстан-2030», способствуя достижению основных приоритетов развития республики.

Следующий 1998 г. для Казахстана был непростым во всех отношениях. Не успев выйти из общеэкономического и трансформационного кризиса, вызванного болезненным переходом от командной к рыночной экономике, республика попала в его новый виток, спровоцированный финансовым кризисом в Юго-Восточной Азии и России. Задержки выплат заработной платы и пенсий, высокий уровень безработицы, замерзающие зимой города и отключения электроэнергии стали реальностью.

Очень не просто складывалась внешнеполитическая обстановка — достаточно вспомнить очередной виток Кашмирского кризиса, террористические акты «Аль Каиды» против американских посольств в Африке и связанные с этим ракетные удары США по Афганистану.

В этот момент Н. Назарбаев обратился к народу с Посланием «Демократизация общества, экономическая и политическая реформа в новом столетии», которое можно охарактеризовать как одно из самых эмоциональных обращений Н. Назарбаева: «Казахстанцы! Мы собрались сегодня, в этот решающий для нашего будущего момент, на поворотном этапе, на распутье.

И день нашей сегодняшней встречи — это время надежды, но это и время страха; время опасное и вместе с тем дающее нам уникальный шанс; время испытаний, когда проверяется, на что мы способны как нация, как народ, как одна из сил, идущих в авангарде стран Центральной Азии».

Не отрицая всей сложности задач, стоящих перед Казахстаном, Н. Назарбаев выдвинул тезис, ныне ставший визитной карточкой Казахстана: страна, в которой нет места религиозному, национальному и политическому экстремизму.

Также были даны поручения правительству — по стабилизации ситуации и преодолению последствий кризиса. В скором времени проблемы были решены. Кроме того, данное Послание обозначило основные векторы политического реформирования. Ядро политической реформы в Казахстане с этого момента составили семь основополагающих элементов демократизации и политической либерализации: свободные выборы; усиление роли партий; усиление роли парламента; укрепление «третьего сектора»; совершенствование судебной системы; развитие СМИ и усиление роли женщин.

По сути, 1998 г. стал началом нового этапа политических реформ, в соответствии с которыми прошли первые выборы в Парламент страны по партийным спискам, а также были внесены изменения в Основной закон.

Следующий 1999 г. был наполнен драматическими событиями, потрясшими мировое сообщество: в марте началась военная операция НАТО в Югославии, в сентябре прогремели взрывы в Москве, Буйнакске и Волгодонске, напряженность между Индией и Пакистаном вылилась в Каргильский вооруженный конфликт. Послание Н. Назарбаева не случайно было пронизано тревогой за состояние безопасности Казахстана и называлось: «Стабильность и безопасность страны в новом столетии».

Н. Назарбаев отметил: «Наличие вооруженных конфликтов на территории соседних стран и потенциальная опасность их переноса в Казахстан — это главный вызов нашей безопасности в ближайшие годы. Это — реальная угроза, а не теория. Эта угроза может принять конкретные очертания в форме наплыва беженцев, провокаций с целью вовлечения Казахстана в вооруженный конфликт, террористических акций на территории страны, осложнения ситуации на границе».

После этого были заложены основы внешней безопасности Казахстана, определены основные стратегические партнеры — Россия, Китай и США.

Послание 2000 г. называлось «К свободному, эффективному и безопасному обществу». В сущности, этот год в развитии Казахстана стал переломным. Именно в 2000 г. Казахстан вышел на траекторию устойчивого экономического развития, началась системная реализация основных положений Стратегии «Казахстан-2030».

Президент обозначил три основных направления развития страны — экономика, политика, национальная безопасность. В Послании 2000 г. Глава государства констатирует: хотя на пути реформирования ставка и была высока — «... быть или не быть независимому Казахстану», мы справились. По сути, системная реализация основных положений Стратегии развития «Казахстан-2030» началась с 2000 г.

Средства, появившиеся у страны, позволили осуществить ряд проектов, направленных на развитие и совершенствование таких отраслей, как промышленность, инфраструктура и социальная сфера, прежде страдавших от финансовых затруднений.

После 2000 г. стилистика ежегодных посланий Президента народу Казахстана существенно изменилась: помимо констатации фактов и определения основных векторов развития, в них начали звучать конкретные поручения государственным органам. Обусловливалось это тем, что к 2001 г. основные реформы в экономике были завершены и в целом в Казахстане была создана рыночная экономика с соответствующей инфраструктурой.

Параллельно в стране шло создание среднего класса, начали появляться более или менее высокодоходные страты, то есть, успешно решив задачу элементарного выживания, Казахстан перешел к стратегии развития.

В сентябре 2001 г., выступив с очередным Посланием «О положении в стране и об основных направлениях внутренней и внешней политики на 2002 г.», Н. Назарбаев подвел предварительные итоги первых лет независимого развития. Успехи страны позволили ставить долгосрочные и амбициозные задачи.

По поручению Президента РК был разработан десятилетний стратегический план развития Казахстана, учитывающий все внешние и внутренние возможности, угрозы и риски и определивший магистральные направления развития в политической, экономической и социальной сферах.

Забегая вперед, отметим, что с рядом задач, которые предстояло решить к 2010 г., Казахстан справился досрочно. Например, задача удвоения ВВП была выполнена в 2007 г. Фактически выполнена основная внешнеполитическая задача: Казахстан прочно интегрирован в мировое сообщество, среди наших стратегических партнеров — ведущие мировые державы. Об усилении роли Казахстана в мировой системе геополитических координат свидетельствует предстоящее председательство в ОБСЕ.

Следующий 2002 г. — юбилейный для Казахстана. Подводя в своем Послании итоги десятилетнего развития страны, Н. Назарбаев отметил: «Основной итог наших дел за эти годы заключается в том, что наша республика состоялась как самостоятельное и самодостаточное государство, как равноправный партнер мирового сообщества».

Особенностью данного Послания стало то, что оно впервые было озвучено в ходе процесса формирования бюджета, а не после его завершения, как это было раньше. То есть бюджетные средства выделялись на реализацию конкретных поручений Н. Назарбаева, озвученных в ходе настоящего Послания. Например, в 2002—2005 гг., объявленных периодом подъема села, из государственного бюджета для поддержки сельчан было выделено 139,4 млрд тенге.

Политическая жизнь Казахстана в 2002 г. также была насыщена событиями: был принят новый Закон РК «О политических партиях», прошли довыборы в

Мажилис Парламента РК, была создана «диалоговая площадка» республиканского формата — постоянно действующее Сопровождение (ПДС) по выработке предложений по дальнейшей демократизации и развитию гражданского общества. Таким образом, реализовывались планы политической модернизации.

В 2003 г. экономическое развитие страны позволило не только обеспечивать нормальное функционирование государства, но и вкладывать средства в перспективные проекты. Так, в Послании 2003 г. был впервые озвучен тезис об индустриально-инновационной экономической политике, заключающейся в постепенном отходе от сырьевой направленности.

По поручению Н. Назарбаева была разработана Индустриально-инновационная стратегия, предполагающая направление значительной части средств от продажи природных ресурсов на развитие перерабатывающей промышленности, наукоемких технологий, производственной инфраструктуры и агропромышленного сектора. В течение следующего года в рамках этой стратегии было реализовано очень много прорывных проектов: Казахстан приступил к строительству первого космического спутника «KazSat», позже удачно отправленного в космос, вступили в строй пять нефтехимических предприятий, были введены в эксплуатацию: заводы по производству цинка (в Балхаше), полиэтиленовых труб (в Атырау), дизельный завод (в Костанайской области), причал и порт (на Каспийском море).

Послание 2004 г., получившее название «К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации», стало наравне со Стратегией «Казахстан-2030» установочным. Особенность этого документа в том, что задачи, поставленные в нем, были ориентированы не на то, чтобы догнать развитые страны, а на мощный рывок. В числе основных шагов, направленных на достижение этой амбициозной цели, была названа и необходимость развития человеческого капитала.

Послание Президента РК Н. Назарбаева 2005 г. отличали предельные конкретика и деловитость. Продолжающиеся широкомасштабные реформы, затрагивающие как социально-экономическую, так и политическую сторону жизни общества, требовали наличия детально проработанных программ. А симбиоз конкретных цифр, статистических данных, реальных поручений исполнительной власти стал для администрации годовым планом мероприятий.

Однако наиболее заметным в новейшей истории Казахстана стало мартовское Послание 2006 г., названное «Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии». Не будет преувеличением сказать, что этот документ стал символом вступления Казахстана в новый этап развития.

Эмоциональный заряд, содержащийся в этом документе, его конечные цели позволили экспертам говорить о нем, как о составной части национальной идеи. В этом документе Н. Назарбаев сделал акцент не только на развитии конкурентоспособной и открытой рыночной экономики, но и на необходимости строительства социально ориентированного общества, обеспечивающего высокое качество и передовые социальные стандарты жизни всех казахстанцев.

Задача вхождения в число 50-ти конкурентоспособных государств мира стала своего рода моделью казахстанской модернизации, поскольку параметры, по которым оценивается конкурентоспособность, носят всеобъемлющий характер. Речь идет не только о показателях роста экономики, но и о параметрах качест-

венного роста, в том числе и уровня жизни населения. Так же как и Стратегия «Казахстан-2030», Послание 2006 г. содержит семь приоритетных направлений развития страны, что является свидетельством преемственности этих основополагающих документов.

Послание 2007 г. «Новый Казахстан в новом мире», помимо своей традиционной цели, заключающейся в обозначении «социально-политической и экономической повестки» на следующий год и определении конкретных поручений правительству, имело важный функциональный момент: оно подвело итоги десяти лет реализации Стратегии «Казахстан-2030».

Поскольку за эти годы Казахстан прошел огромный путь, то настоящее Послание (2007 г.) получилось объемным, наиболее ярким элементом которого стал социальный блок, включающий: повышение пенсий, зарплат, пособий; меры по поддержке молодых семей; меры по повышению статуса работников бюджетной сферы; поручение начать строительство новых школ и больниц. Все это нашло живой отклик в сердцах казахстанцев.

Без преувеличения, сенсационным стал и политический блок. Учитывая объективно назревшую потребность в политических реформах, Н. Назарбаев изложил конкретные направления модернизации политической системы страны, включающие: усиление роли политических партий; расширение полномочий парламента; развитие маслихатов и создание на их основе системы местного самоуправления. Все это позволило международным экспертам говорить о «политической революции сверху», о «казахстанской модели развития».

Послание 2008 г. «Рост благосостояния граждан — главная цель государственной политики» было посвящено совершенствованию социальной политики государства. Уже тогда эксперты обратили внимание на массивный социально-экономический блок. Задачи укрепления социальной сферы, поставленные Н. Назарбаевым, нашли отражение в бюджете страны. В частности, речь шла о поэтапном увеличении среднего размера пенсий в 2,5 раза, заработной платы работников бюджетной сферы.

Послание 2009 г. «Через кризис к обновлению и развитию» дало ответы на вопросы: как Казахстан собирается противостоять кризису, какие шаги будут предприняты и в какой последовательности. Не случайно эксперты назвали данное Послание документом оперативного действия, направленным на осуществление антикризисных мер.

Конечно, Послание 2009 г. нельзя отнести к таким долгосрочным стратегическим документам, как Стратегия «Казахстан-2030» или программа по вступлению республики в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. Однако цели и задачи, о которых говорится в Послании 2009 г., логически продолжают курс, определенный в перечисленных программных документах. Собственно, Послание «Через кризис к обновлению и развитию» — это определенные задачи, поставленные на год, которые необходимо решать в соответствии с ситуацией, существующей на данный момент.

Все послания Главы государства отражали существующие реалии, были в первую очередь ресурсом, а не предметом для обсуждения, «дорожной картой» страны, помогали преодолевать трудности и придерживаться траектории устойчивого развития.

Китайско-американские отношения: концептуальные подходы

СЫРОЕЖКИН К.Л., АУГАН М.А.

Американо-китайский стратегический экономический диалог, прошедший в августе, и визит Барака Обамы в Китай в ноябре 2009 г. в очередной раз продемонстрировали несколько ставших уже давно почти очевидными обстоятельств. Во-первых, растущие силы, а следовательно, и амбиции Китая. Во-вторых, усиливающееся ослабление США, прежде всего, экономическое, а вместе с ним и снижение их возможностей следовать и дальше принципам унилатерализма. В-третьих, ограниченные возможности (а вероятно, и нежелание) Китая «делить» с США ответственность за будущее мира. Наконец, вполне очевидное стремление США оставить за собой роль мирового гегемона. Возможно, они и желали бы с кем-то «поделиться ответственностью», но это отнюдь не означает, что своим мессианским сознанием и мессианской политикой.

Отсюда и та неопределенность, которая наблюдается в последние годы в китайско-американских отношениях, которые напоминают ситуацию не столько сотрудничества, сколько соперничества. Главная для США проблема — «чрезмерно стремительный рост Китая». И, скорее всего, ее решение видится в двух направлениях. Во-первых, сдерживание Китая с позиций Центральной Азии (прежде всего, за счет ограничения доступа к ее энергетическим ресурсам). Во-вторых, возвращение конкурента Китаю в Южной Азии. Судя по расторопности, с которой Белый дом изменил свои взгляды на индийские ядерные амбиции, именно этой стране, обладающей пока довольно скромным, по сравнению с Китаем, военным и экономическим потенциалом, но не менее внушительными людскими ресурсами, уготована эта роль. Насколько это реализуемо, покажет время, однако у Индии нет особого желания втягиваться в конфронтацию с Китаем. Во всяком случае, именно об этом говорит переговорный процесс, имеющий место между двумя азиатскими гигантами в последние годы.

Изменение концептуальных подходов

Политика США в отношении Китая противоречива. В США традиционно конкурируют три точки зрения по поводу того, как реагировать на процесс возвышения Китая. Сторонники первой предлагают как можно более интенсивно осуществлять «вовлечение» (*engagement*) Китая в международные экономические, политические, финансовые структуры (МВФ, ВТО, G20 и др.), не связывая уровень взаимодействия с ним с его недемократическим внутренним устройством.

Приверженцы второй точки зрения выступают за осуществление стратегии сдерживания в отношении КНР, поскольку, согласно их мнению, это единственный способ нейтрализовать угрозы, исходящие от тоталитарного азиатского гиганта. Приверженцами этой точки зрения, главным образом, являются представители Пентагона, предлагающие в отношениях с Китаем стратегию «изоляции» (*fencing*) или «огораживания» (*hedging*), которая предусматривает уплотнение системы военных союзов на всем пространстве АТР, «как часть скрытой стратегии, направленной на укрепление позиций США и союзных сил с тем, чтобы сдержать или разгромить Китай» [1]. Не случайно во всех документах Пентагона, в том числе и в самых последних, Китай рассматривается как одна из главных угроз национальным интересам США в ряде регионов мира [2].

Третья точка зрения представляет собой соединение двух первых: предлагается вовлечь Китай в международную систему, особенно в экономические структуры, с тем, чтобы ему было невыгодно идти на конфронтацию, однако при этом быть в готовности сдерживать его возможные дестабилизирующие действия и отразить гипотетическую военную угрозу. Эта позиция выражается концепцией «*congagement*», название которой вполне раскрывает ее суть, сочетающую в себе элементы политики классического «сдерживания» (*containment*) и «вовлечения» (*engagement*). Иногда эту концепцию называют политикой «пристального наблюдения; предостережения» [3].

В сентябре 2005 г. в дополнение к этим двум стратегиям была выдвинута еще одна концепция «ответственного акционера» (*responsible stakeholder*). Любопытно, что ее разработчиком стал один из авторов концепции «стратегического окружения» — в то время заместитель госсекретаря США Р. Зеллик. Акцент в концепции сделан на вовлечение Китая в существующую систему международных отношений в качестве ее легитимного члена — «держателя акций», заинтересованного в сохранении данной системы [4].

Обосновывая возможность интегрировать Китай в существующую мировую систему, Р. Зеллик выделил отличия последнего от бывшего СССР: Пекин не распространяет по миру радикальную антиамериканскую идеологию; стремится не к свержению существующего мирового порядка, а к тому, чтобы занять в нем свое место; хотя сам пока еще и не демократизировался, но не намерен бороться против демократии и капитализма на глобальном уровне.

Это предопределяет то, что Китай может стать «ответственным акционером» существующего мирового порядка, но при выполнении им ряда условий и принятии правил игры. Китай должен отказаться от меркантилизма (государственного контроля) и защиты своего рынка в экономической политике в пользу открытой конкуренции*, от нечестной деловой практики: пиратства, особенно в области интеллектуальной собственности, выпуска контрафактной продукции и т.д.

Он должен перестать поддерживать «проблемные» государства, прежде всего, КНДР, Иран и др.

Китай должен обеспечить прозрачность своих военных расходов, военных доктрин и учений; сократить свое огромное положительное сальдо в торговле с США, странами ЕС; умерить агрессивное проникновение на мировые рынки нефти.

* Кстати, сегодня именно по данному вопросу уже Китай критикует США, обвиняя их в чрезмерной государственной опеке американских предприятий и нерыночных подходах в отношении внешней торговли с Китаем.

И, наконец, Китай должен проводить политическую реформу, понимая, что сохранение монополии КПК и ставка на национализм — опасная стратегия [5].

Пекин, естественно, проявил серьезный интерес к данной доктрине, хотя при этом он задает резонные вопросы: нас приглашают в рядовые акционеры, но не в совет директоров компании, следовательно — в качестве младшего партнера без права решающего голоса. Так, эксперт Шанхайского института международных проблем Нью Хайбинь считает «теорию ответственности» вызовом для китайской дипломатии. В отличие от предыдущих «теорий», она более нейтральна и объективна, ставит на первое место диалог и консультации вместо механизмов сдерживания. Вместе с тем она окрашена в либеральные тона и лишена реалистичности. КНР не может отказаться от ответственности, но, согласно мнению эксперта, «необходимо проводить четкое разделение между обязательствами перед США и перед мировым сообществом в целом».

Соединенные Штаты хотят, чтобы Китай «взял на себя издержки по защите американской гегемонии». Евросоюз добивается прогресса в сферах энергетики, открытости рынка и прав человека. Развивающиеся страны ждут от КНР снижения взаимной торговой конкуренции, помощи и льготных кредитов. Это означает, что Китай будет нести международную ответственность, но не в том виде, как ее определит для него небольшое число развитых стран, а исходя из национальных интересов и внутривластного приоритета ответственности властей за развитие страны [6].

Согласно мнению профессора Института международных стратегических исследований Центральной партийной школы КПК, заведующего сектором дипломатии Китая Лю Цзяньфэя, «среди крупных стран Запада провозглашение «теории ответственности Китая» имеет двоякий смысл. С одной стороны, оказавшись перед фактом возвышения Китая, они пытаются заново сконструировать свои отношения с нами, вовлечь Китай в возглавляемую ими систему международных отношений, сделать его «участником, разделяющим ответственность», с тем, чтобы он вместе с ними поддерживал существующий мировой порядок. С другой стороны, по мере того, как «теория краха Китая» и «теория китайской угрозы» теряют популярность, на Западе пытаются найти новые слова, чтобы эффективнее влиять на Китай, «а если говорить более прямо — они хотят раскатать Китай и задушить его до смерти <...> для США выдвижение «теории ответственности Китая» имеет глубокое стратегическое содержание: согласившись с этой концепцией, Китай должен будет ориентироваться на США и прочие западные страны и соответствующим образом изменить способ действий, ценностные воззрения и политическую систему, то есть осуществить полную «трансформацию». По мнению Лю Цзяньфэя, подчеркивая «ответственность Китая», США делают это односторонне — они говорят об ответственности Китая перед Америкой, но не об ответственности Америки» [7].

Ощущение перспективы мирового кризиса и изменения ролей США и Китая как одного из его следствий подтолкнуло американских экспертов к новым идеям по «вовлечению» Китая. Слабость позиции Р. Зеллика заключалась в том, что он предложил Китаю «доплатить» задним числом за те преимущества, которые уже были получены от расширения торговли с Западом. Китай вполне обоснованно считает, что, взяв на себя обременительные обязательства при вступлении в международные организации и выполняя их, он уже «рассчитался по долгам».

И сегодня, согласно мнению Ху Цзиньтао, «Китай и США не только являются заинтересованными участниками, они должны еще стать и партнерами по конструктивному сотрудничеству» [8]. Обосновывая эту точку зрения, китайские эксперты пишут о том, что конструктивный характер двусторонних отношений предполагает обязательное наличие в их структуре принципов равноправия, взаимной выгоды и взаимного выигрыша. Одновременно с этим конструктивное сотрудничество не должно быть направлено против третьих стран, а также не должно оказывать негативного влияния на мир и стабильность в регионе [9].

Имеют место в китайской прессе и более радикальные подходы, свойственные новому поколению китайских международных и политологов. Так, в соответствии с мнением Хуан Хэ и Чжу Ши, «совместное господство» (*гун чжу*) Китая и Америки вполне возможно и весьма желательно.

Их рассуждения отталкиваются от западной теории «гегемонистской стабильности», согласно которой для поддержания устойчивости мировой системы требуется государство-гегемон, которое может и хочет предоставлять мировому сообществу общественные блага. После окончания «холодной войны» эту миссию выполняли США в рамках концепции «однополярной стабильности». Однако в период упадка гегемонии предоставление международных общественных благ требует участия других стран. Америке на этом поприще необходим «соратник», которым и может стать Китай.

Хуан Хэ и Чжу Ши полагают, что «усиление ведущей роли КНР в мировых делах вовсе не обязательно несовместимо с американским руководством мировым порядком, как вода и огонь». Если новый порядок будет достаточно гибким и позволит «провести урегулирование на глобальном уровне в соответствии с переменами в распределении сил», то обе страны могут наладить плодотворное взаимодействие. «Будущая мировая стабильность требует «совместного господства» Китая и США. Благо сотрудничества двух сильных состоит в прочной стабильности. Ведь у сильных стран, способных поддерживать сотрудничество, мощь сохраняет устойчивое равновесие, и поэтому сравнительно мала вероятность того, чтобы у двух сотрудничающих в защите мирового порядка государств мощь одновременно находилась в цикле упадка. Следовательно, поскольку поддерживает порядок не одно, а много государств и не существует одного государства со всеподавляющими преимуществами, то все вопросы придется решать на основе консультаций. В соответствии с этим на поддержание международного общественного блага ведущие страны вместе выделяют деньги, выделяют людей». Таким образом, авторы считают, что для Пекина сотрудничество с Вашингтоном в руководстве мировым порядком является выражением «внутренней потребности экономического развития в мирных и стабильных международных условиях» [10].

Аналогичная точка зрения в последнее время высказывается и ведущими аналитиками США. Так, идею разделения глобальной ответственности между США и Китаем высказал профессор Гарвардского университета Н. Фергюссон, облекший ее в довольно провокационную для западных аналитиков форму «Чимерики» (*Chimerica*) [11]. В соответствии с его мнением, Вашингтону следовало бы приоткрыть как можно более полное участие Китая в процессах, формирующих современный глобальный политэкономический порядок, одновременно поощряя переход КНР к более прозрачной и демократической системе внутри страны.

В августе 2008 г. в журнале *Foreign Affairs* появилась статья Фреда Бергстена, в которой на основе анализа новой роли Китая в мировой торговле и международных отношениях содержалось предложение сформировать новый альянс — «Большую двойку». Так, Фред Бергстен подчеркивал: «Решение старых или новых проблем, опасность выхода ситуации из-под контроля настоятельно требуют развития сотрудничества между США и Китаем в формате “большой двойки” (G2)». В некоторых случаях, согласно его мнению, необходимо привлекать к участию в решении глобальных проблем и другие крупные организации и державы, в частности Европейский Союз и Японию, однако любой действенный системный ответ на международные экономические вызовы в современном мире должен начинаться с активного и плодотворного сотрудничества между двумя ведущими экономиками мира — Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой. При этом, чтобы данная стратегия начала работать, «США придется отдать Китаю приоритет в качестве важнейшего партнера по управлению мировой экономикой и в каком-то смысле отодвинуть Европу на второй план. На меньшее Пекин вряд ли согласится, да и Соединенные Штаты не смогут в полной мере осуществлять действенное руководство, в котором весь мир так отчаянно нуждается» [12].

В самый разгар финансового кризиса в номере журнала *Foreign Affairs* за сентябрь — октябрь 2008 г. вышла статья главы Казначейства США Генри Полсона «Стратегическое экономическое ангажирование: укрепление американо-китайских связей». В начале статьи Г. Полсон пишет: «Одним из первых вызовов, с которым придется столкнуться следующему президенту США, станет вопрос о том, как реагировать на обретение Китаем статуса мировой державы. Некоторые полагают, что Китай представляет угрозу, которой надо противостоять либо сдерживать ее. Другие возражают, что рост экономики Китая открывает новые возможности для экономики США и что Вашингтону следует подходить к этой растущей державе с позиций ангажирования. Я убежден, что ангажирование — это единственный путь к успеху».

Как бы упреждая попытки изменить политику на китайском направлении при будущей администрации, Генри Полсон адресует последние абзацы статьи новому президенту США, призывая его избегать карательных мер в отношении Китая, проводить политику ангажирования и разрешать все споры на двусторонней или многосторонней основе, как делает нынешняя администрация, что в итоге позволит «расширить стратегический экономический диалог и вывести американо-китайские отношения на новый уровень» [13].

В начале января 2009 г. идею о выстраивании отношений между Китаем и Америкой в формате «двойки», которые «должны носить характер всеобъемлющего партнерства — такой же, как наши отношения с ЕС и Японией», поддержал Збигнев Бжезинский. В соответствии с его мнением (одного из основоположников современной американской геополитики), основой этих отношений должны быть не только меры, предпринимаемые для преодоления глобального кризиса, но и геостратегическое сотрудничество, наиболее очевидными региональными проявлениями которого могли бы стать усилия по свертыванию ракетно-ядерных программ КНДР и Ирана, налаживание диалога между Индией и Пакистаном, включение Китая в процесс урегулирования израильско-палестинского конфликта. И именно для решения всех этих задач США и Китай нуждаются в постоянно действующем механизме в формате G2 [14].

В конце января к кругу поклонников этой идеи присоединился другой мэтр американской дипломатии — Генри Киссинджер, по мнению которого, поскольку от характера взаимоотношений между США и Китаем зависит ответ на вопрос, какой глобальный экономический порядок возникнет в будущем, «китайско-американские отношения нужно поднять на новый уровень». В противном случае, «разочаровавшись в США, Пекин может начать присматриваться к исключительно азиатской региональной структуре, база для которой уже существует в виде формата АСЕАН плюс три» [15].

В марте по данному вопросу высказался Роберт Зеллик. В опубликованной в *Washington Post* статье он недвусмысленно восклицал: «Если не будет сильной G2, G20 принесет лишь разочаровывающие результаты». Так, авторы настоящей статьи считают, что крупнейший глобальный потребитель (США) и крупнейший резерв свободных валютных средств (Китай) должны, прежде всего, объединить усилия с тем, чтобы предотвратить длительный глобальный спад. Во-вторых, следует провести «перезагрузку» повестки стратегического экономического диалога между Китаем и США, который должен сосредоточиться на том, как уменьшить структурную неустойчивость обеих экономических систем [16].

Отражением этих новаций в экспертных подходах к китайско-американским отношениям стал также доклад «США и Азиатско-Тихоокеанский регион: стратегия безопасности для администрации Б. Обамы», подготовленный сотрудниками Центра новой американской безопасности в феврале 2009 г. Проект возглавил Джеймс Келли — один из старейших американских дипломатов, специализировавшихся на азиатской проблематике, занимавший пост заместителя секретаря по АТР в 2001—2005 гг. и входивший в госдепартаменте в так называемую «команду Пауэлла — Зеллика», выступавшую за более взвешенный подход к выработке внешнеполитических приоритетов администрации Дж. Буша-мл. В основу подхода нынешней вашингтонской администрации к Китаю, как считают авторы доклада, должно лечь формулирование «реалистичной и прагматичной китайской политики». Определение форм взаимодействия на новой фазе отношений требует трех шагов.

Во-первых, возвышение Китая, его политическое и культурно-цивилизационное влияние в АТР следует принять как свершившийся факт, с которым должна считаться внешняя политика США.

Во-вторых, следует сосредоточить стратегию Вашингтона на сферах экономического, политического и культурного сотрудничества с КНР и конкуренции с Пекином в области распространения собственной «умной силы».

В-третьих, Вашингтон должен определиться и с иерархией собственных озбоченностей, касающихся Китая. Такие проблемы, как права человека, военная модернизация, конкуренция в сфере потребления энергоресурсов, и проблемы охраны окружающей среды требуют использования различных внешнеполитических инструментов, равно как и различных уровней акцента со стороны правительства США [17].

При этом, правда, авторы доклада оговариваются, что основным средством подтверждения США своего стратегического присутствия в регионе должно стать укрепление двусторонних отношений с традиционными региональными союзниками, прежде всего Японией, Южной Кореей и Австралией, что не вносит никаких существенных изменений в региональную повестку по сравнению с

предыдущими десятилетиями. Притом союзнические отношения с Японией по-прежнему именуется «фундаментом американского присутствия в АТР» [18].

Насколько администрация Б. Обамы последует всем этим советам, сказать трудно. С одной стороны, в последнее время в китайско-американских отношениях вроде бы наметился определенный успех. Во всяком случае, об этом свидетельствует прошедший 27—28 июля 2009 г. в Вашингтоне стратегический и экономический диалог между американскими и китайскими экспертами^{*}, участие в котором приняла не только госсекретарь США Хиллари Клинтон, но и сам Барак Обама.

Хотя не все так однозначно. Визит Б. Обамы в Китай 15—18 ноября 2009 г. большинством экспертов (в т.ч. и американских) оценивается далеко не в радужных тонах. Нельзя, безусловно, не признать, что подписанное по итогам визита коммюнике затрагивает огромный спектр вопросов, по которым Китай и США готовы сотрудничать, однако часть из проблем все-таки осталась за кадром.

Китай не ответил на просьбу США девальвировать юань, чтобы сделать двустороннюю торговлю более сбалансированной (США покупают на 266 млрд долл. больше китайских товаров, чем продают американских в КНР). Американский президент попытался убедить китайское руководство с большим уважением отнестись к правам человека. Тем не менее, отказав в трансляции его выступления перед студентами Шанхая по национальному телевидению, ему намекнули, что у Китая по данному вопросу иная точка зрения. Б. Обама, по-видимому, сигнал понял верно — он так и не встретился ни с одним из правозащитников КНР, хотя такие контакты были в расписании его визита. Корейскую и иранскую ядерную проблему лидеры США и Китая не могли обойти вниманием, и эти темы вошли в совместное коммюнике. Однако вошли они в китайской интерпретации.

Но, главное, Б. Обаме так и не удалось убедить китайское руководство «разделить бремя мирового лидерства» и создать «Большую двойку». Вэнь Цзябао дал понять американскому президенту, что у Пекина хватает внутренних проблем и, вообще, не двум странам решать вопросы, которыми должны заниматься все государства мира. «Мы должны все время сохранять трезвость ума. Китай проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику и не намерен вступать в союз с другой страной или с группой стран, — сказал китайский премьер. И далее Вэнь Цзябао подчеркнул: «Глобальные проблемы должны решаться всеми государствами мира, а не одной или двумя странами» [19]. И это не просто

слова. Китайские руководители отдают себе полный отчет в том, что усиление роли их страны на международной арене может привести не только к проблемам в отношениях с соседями Китая, но и к серьезной внутренней дестабилизации.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что и при новой администрации кардинально подходы США не изменились — они по-прежнему предпочитают делать то, что отвечало бы их национальным интересам и гарантировало бы доминантное присутствие в зонах этих интересов. Сегодня, когда экономика США находится не в лучшем состоянии, а экономика КНР демонстрирует рост, они готовы «вовлечь» Китай в сферу своей политики и, возможно, поделиться с ним не только ответственностью, но и дивидендами от глобального лидерства.

Хотя, честно говоря, в искренность их намерений верится с большим трудом. США в последнее десятилетие отвыкли жить в мире, в котором, кроме них, будет еще и другой лидер. Поэтому ближе к реальности, по-видимому, доклад Национальной разведки США, в котором, наряду с КНДР и Ираном, в качестве стран, угрожающих интересам США, выделены Россия и Китай. Россия не устраивает американскую разведку по той причине, что «может продолжить изыскивать способы усилить свою мощь и свое влияние таким образом, что способна осложнить реализацию интересов США», а Китай — поскольку «усиление его, ориентированное на ресурсы дипломатии, и военная модернизация делают его комплексным глобальным вызовом» [20].

Другими словами, несмотря на новую риторику части политического истеблишмента США, доминирующим, по-видимому, остается прежний подход, согласно которому видеть Китай сильным и самодостаточным государством, способным защищать собственные национальные интересы, США не желают, а потому, по-видимому, попытаются сделать все возможное, чтобы не допустить такого развития событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gertz, B. New U.S. Strategy Anticipates China As Threat // Washington Times. — 2006, April 20; Neil King Jr. As China Boosts Defense Budget, U.S. Military Hedges Its Bets // Wall Street Journal. — 2006, April 20.
2. Military Power of the People's Republic of China 2007. Annual Report to Congress. Office of the Secretary of Defense // <http://www.defenselink.mil>; Military Power of the People's Republic of China 2008. Annual Report to Congress. Office of the Secretary of Defense // <http://www.defenselink.mil>.
3. Jay, S. U.S. Increasingly Pursues Two-Track China Policy // Wall Street Journal. — 2005, November 17; Khalizad, Z., Shulsky, A. The United States and a Rising China: Strategic and Military Implications // RAND. — Santa Monica (U.S.A.), 1999. — P. 72.
4. Dumbaugh, Kerry. China — U.S. Relations: Current Issues and Implications for U.S. Policy // Congressional Research Service. The Library of Congress. — 2006, January 20 // <http://www.fpc.state.gov/documents>.
5. Zoellick, Robert B. Whither China: From Membership to Responsibility? // Remarks to National Committee on U.S. — China Relations. — New York City, 2005, September 21 // <http://www.ncuscr.org>.
6. Ломанов А.В. Многополярная гегемония // Россия в глобальной политике. — 2008, сентябрь — октябрь. — №5.
7. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая. — С. 44—45.
8. Тимофеев О.А. Состояние и перспективы американо-китайских отношений в оценках политологов КНР // США — Канада. Экономика, политика, культура. — 2008. — №3. — С. 26.
9. The Rise of China and the Sino-U.S. Relations // International Review. — 2006. — Vol. 42 (Spring). — Pp. 55, 64—65.
10. Хуан Хэ, Чжу Ши, Лун Чжун мэй «гунн чу» ды кэнэнсин (О возможности «совместного господства» Китая и США) // Сяньдай гоци гуаньси. — 2008. — №2. — С. 28—32.

* Китайско-американский стратегический диалог был начат согласно договоренности, достигнутой Ху Цзиньтао и Дж. Бушем-мл. 1 января 2004 г. в ходе встречи в Сантьяго, для дальнейшего содействия китайско-американскому конструктивному сотрудничеству. В августе 2005 г. в Пекине состоялся первый китайско-американский стратегический диалог. С тех пор Китай и США проводят его по очереди, к 2009 г. состоялось шесть диалогов.

Начало стратегическому экономическому диалогу было положено при активном содействии Генри Полсона. После его назначения министром финансов Дж. Буш-мл. и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали соглашение о стратегическом экономическом диалоге. Сопредседателями диалога были Генри Полсон и заместитель премьера Госсовета КНР У И. Встречи проводились дважды в год поочередно в столицах обеих стран. Первая встреча прошла в сентябре 2006 г. в Пекине. Главная цель США состояла в том, чтобы добиться отмены жестко фиксируемого Центробанком Китая курса юаня по отношению к доллару, который, согласно мнению американских экономистов, был искусственно занижен и тем самым создавал неравные условия для конкуренции китайских экспортных товаров на американском рынке перед товарами американского производства.

Б. Обама и Ху Цзиньтао 1 апреля 2009 г. во время встречи в рамках саммита «G20» решили повысить уровень контактов, организовав новый американо-китайский стратегический и экономический диалог. В нем участвуют должностные лица более высокого уровня, чем в предыдущем диалоге. У него и более широкая повестка, включая дискуссии по целому ряду политических, стратегических и экономических вопросов, не ограничиваясь лишь экономическими и финансовыми отношениями. Сопредседателями диалога являются: специальный представитель председателя КНР Ху Цзиньтао, вице-премьер Госсовета КНР Ван Цишань и член Госсовета КНР Дай Бинго — с китайской стороны; специальные представители президента США Барака Обамы: госсекретарь США Хиллари Клинтон и министр финансов США Тимоти Гайтнер — с американской.

11. Ferguson, N., Schularick, M. «Chimerica» and the Global Asset Market Boom // *International Finance*. — 2007. — №3. — Pp. 215—239.
12. Бергстен Ф. Партнерство равных // *Россия в глобальной политике*. — 2008, сентябрь — октябрь. — №5.
13. Paulson, Jr., Henry M. A Strategic Economic Engagement: Strengthening U.S. — Chinese Ties // *Foreign Affairs*. — 2008, September — October.
14. Brzezinski, Zbigniew. The Group of Two that could change the world // *The Financial Times (UK)*. — 2009, January 4.
15. Kissinger, Henry A. The world must forge a new order or retreat to chaos // *The Independent (UK)*. — 2009, January 22.
16. Zoellick, R.B., Lin, J.Y. Recovery Rides on the «G2» // *Washington Post*. — 2009, March 6.
17. The United States and the Asia-Pacific Region: Security Strategy for the Obama Administration. — Washington: Center for a New American Security, 2009. — P. 49.
18. Ibid. Pp. 41—43.
19. Встреча Вань Цзябао с президентом США // *Жэньминь жибао*. — 2009, 19 ноября.
20. The National Intelligence Strategy of the United States of America. — Washington, August 2009. — P. 3 // <http://www.dni.gov/reports/2009>.

Казахстанский вектор центральноазиатских экономических интересов Японии и Китая: сравнительный анализ

АШИНОВА Ж.Е.

В новом столетии роль Центральной Азии в международной политике значительно возросла. Регион превращается в арену столкновения интересов и соперничества ведущих держав. Общая геополитическая ситуация в Центральной Азии определяется ростом противоречий на международной арене между великими и региональными державами и обострением борьбы за геополитическую ориентацию и природные ресурсы Центральной Азии, в центре которой по объективным причинам находится Казахстан.

Анализируя ситуацию в регионе, Глава нашего государства Н.А. Назарбаев отмечал: «С обретением независимости впервые за последние 500 лет наш регион опять становится экономически важным для мировой экономики. Мы укрепляем свои транзитные возможности, становимся поставщиком ценных на мировом рынке товаров — нефти, газа, руды и сельскохозяйственного сырья. Уже видны контуры новых нефтегазопроводов, авто- и железных дорог XXI века, которые идут примерно по маршрутам древнего «Шелкового пути». <...> Сейчас перед нами выбор: оставаться вечным сырьевым придатком мировой экономики, ждать прихода следующей империи или пойти на серьезную интеграцию Центральноазиатского региона» [1].

И сегодня совершенно естественно, что Япония и Китай уделяют региону все возрастающее внимание в своих внешнеполитических курсах. Япония и Китай с их постоянно растущими потребностями в сырьевых ресурсах начинают более активно проводить политику по отношению к республикам Центральной Азии. Вместе с тем важно заметить, что интересы Японии и Китая с XXI в. пересекаются также в Центральноазиатском регионе.

Можно вычленил достаточно четкое осознание общего интереса Японии и Китая по отношению к Центральной Азии, проявляющееся в том, что для них наиболее желательным вариантом было бы превращение Центральной Азии в «проектию» Азиатско-Тихоокеанского региона. Они стремятся к увеличению АТР путем привлечения в него центральноазиатских стран. Последние воспринимаются как его естественный резерв в материковом хинтерланде. Это связано с желанием приобрести новых партнеров, новые источники сырья, новые резервы

регионального роста. Для проведения политики «расширения» АТР активно используются и различные международные организации, прежде всего Азиатский банк развития. Китай активно использует ШОС, в рамках которого продвигаются такие проекты, как «энергетический клуб» и «зона свободной торговли» [2].

К середине — концу 1990-х гг. стали наблюдаться новые тенденции в политике Китая в Центральной Азии. Появились элементы перехода от стабилизационной политики к интеграционной. Несколько позднее суть политики КНР в регионе, согласно формулировке китайских аналитиков, была определена следующим образом: «... в результате долгого поиска и тщательной подготовки центрально-азиатская стратегия Пекина определилась. Она направлена на то, чтобы, опираясь на ШОС, активно участвовать в решении проблем региона, развивать отношения с его странами, способствовать стабильности и процветанию, а также осуществить свои стратегические интересы, которые, прежде всего, сосредоточены в сфере освоения ресурсов Центральной Азии» [3].

Для Японии вызывает беспокойство продвижение на запад и динамика присутствия Китая в Центральной Азии. Стремительными темпами развивающаяся экономика Китая нуждается в природных ресурсах для обеспечения устойчивого роста, и относительно дешевые источники их поступления находятся в сопредельных центральноазиатских странах глубоко внутри Евразийского континента, где они труднодоступны для Японии, что также вызывает ее озабоченность. Кроме того, создание и деятельность ШОС — нового центра силы на Востоке — для Японии сопряжены с возвышением Китая, вокруг политики которого в ближайшие 10—15 лет начнут вращаться окружающие его малые и средние государства.

В политике Японии в ЦА большой территориальный разрыв и отсутствие исторических традиций сотрудничества, что обрекает ее на преимущественное использование экономических инструментов. При этом у Японии есть общие геэкономические интересы в регионе с Китаем: направить вектор развития ЦА в сторону АТР.

Традиционное военно-политическое партнерство США с Японией находит свое воплощение в ЦА в том, что японцы поддерживают различные американские проекты (строительство Великого Шелкового пути, борьба с терроризмом) экономическими и гуманитарными мерами. Япония пытается найти пункты согласования между своими интересами как члена западной коалиции и своими интересами в качестве державы АТР. Проект Великого Шелкового пути — один из наилучших способов такой гармонизации [4].

Современные западные исследователи, анализируя особенности внешнеполитического курса Японии в ЦА, делают вывод, что маршрут Шелкового пути в обход России, построение которого активно продвигает Япония совместно с США и ЕС, не только предпочтителен с точки зрения меньшей его протяженности, но и политически выгоден, поскольку способствует переориентации стран Центральной Азии на Запад. Однако, в связи с неразвитостью транспортной инфраструктуры в странах Центральной Азии, этот проект требует больших капиталовложений. И даже Япония, несмотря на существенное финансовое содействие, не способна это сделать самостоятельно, но совместно, с усилиями других стран, может играть особую роль в осуществлении этого плана. Авторы едины во мнении, что проблема обеспечения безопасности требует первоочередного решения в общей идее восстановления Шелкового пути [5].

Япония (и в значительной мере контролируемый ею Азиатский банк развития) является крупнейшим инвестором в регионе. Она прямо или косвенно финансирует практически все реализующиеся в ЦА проекты развития транспортных сетей (железнодорожной, автомобильной, оптико-волоконной и авиационной). Основная идея, которая при этом выдвигается, заключается в формировании транспортных магистралей, связывающих АТР с Европой, в контексте идеи Великого Шелкового пути. В 1997 г. Япония так и сформулировала свой курс в ЦА, назвав его «дипломатией Великого Шелкового пути». В 2004 г. был выдвинут новый план развития отношений. Важным его аспектом явилась идея трансформации ЦА в «коридор мира и стабильности» [6]. Для реализации этой цели была создана консультативная группа «Япония + все центральноазиатские государства» [7].

В Японии, как уже отмечалось, деятельность ШОС расценивается как серьезный вызов ее стратегическим интересам, требующим адекватного ответа. Между тем в Центральной Азии геополитическая активность Японии будет представлять «игру на чужом поле», и, чтобы вести ее эффективно, необходимо располагать определенными политико-дипломатическими рычагами, которых у Японии недостаточно. В первую очередь это проблема дефицита участия и вовлеченности. Не случайно 28 августа 2006 г. заместитель пресс-секретаря министра иностранных дел Японии Нориюка Шиката заявил о намерении своей страны принять 2 тысячи студентов из Центральной Азии. По примеру США и европейских государств Япония начинает через образовательные программы работать с перспективной молодежью из центральноазиатских стран для формирования генерации будущих политиков и бизнесменов, знакомых с японской ментальностью, у которых Япония не вызывает культурного отторжения и готовых с ней взаимодействовать. Это важный эксперимент для Японии [8].

Вместе с тем ни для кого не секрет, что Токио в Центральной Азии привлекает наличие природных ресурсов. Основным центром внимания Японии стал Казахстан, известный запасами природных ископаемых, в том числе и урановых залежей. На сегодня Казахстан, по разным оценкам, располагает порядка 30% мировых запасов урана. Учитывая постоянную тенденцию роста цен на уран на мировом рынке, подобный интерес к Казахстану со стороны Японии вполне оправдан.

Кроме того, Япония заинтересована в налаживании более тесного сотрудничества с Казахстаном и в других областях. В настоящее время на территории Казахстана действуют около 15-ти японских компаний, в числе которых можно увидеть «Мицубиси», «Итоху», «Мицуй» и другие, которые занимаются также и разведкой нефтяных месторождений, и транспортировкой энергоносителей. Учитывая тот факт, что экономика Японии более чем на 85% зависит от стран Ближнего Востока, то есть от арабской нефти, становится очевидным интерес Токио к республикам Центральной Азии, прежде всего к Казахстану [9].

Итак, в основе интереса Японии к Казахстану, согласно мнению ведущих отечественных исследователей, лежит, во-первых, заинтересованность в обеспечении контроля над нефтегазовым потенциалом региона с целью поддержания стабильности мирового энергетического рынка, во-вторых, использование в перспективе транзитно-коммуникационного потенциала региона (создание новых маршрутов, связывающих его с Европой) и, в-третьих, обеспечение политической поддержки Японии на международном уровне (увеличение числа государств, поддержи-

вающих ее претензии на членство в Совете Безопасности ООН). Это отражает приоритетный порядок насущных внешних интересов «страны восходящего солнца»: обеспечение бесперебойности поставок нефти для экономики страны и стабильности мирового рынка нефти, создание дополнительных возможностей для японских компаний на внешних рынках, а также усиление международного политического влияния Японии и доведение его до соответствия уровню финансово-экономического влияния страны в мире [10].

Общеизвестно, что традиционной сферой интересов Японии является АТР и для нее слишком территориально отдаленная ЦА не совсем относится к традиционной сфере интересов. Однако Япония в настоящее время находится в состоянии пересмотра всей системы своих внешнеполитических отношений, сложившейся в послевоенный период. В этом контексте центральноазиатское направление может стать одним из перспективных направлений развития японской внешней политики.

Экономическое присутствие Китая в Казахстане в первой половине 1990-х гг. ограничивалось исключительно торговой сферой. В период с 1992 по 1995 г. объемы китайских поставок товаров находились в пределах 130—250 млн долл. США в год (а двусторонний товарооборот — 210—450 млн долл. ежегодно). Причем торговля имела и стихийный, неконтролируемый характер (т.н. челночная торговля). Китайские поставки, включавшие в основном товары широкого потребления, осуществлялись через созданные в 1992 г. на границе Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР с РК шесть пограничных переходов: Хоргос, Достык (Дружба) — Алашанькоу, Бахты, Джеминау, Алексеевка — Акчюп, Долаты.

Поставки китайских товаров широкого потребления играли и до сих пор продолжают играть ключевую роль в насыщении потребительского рынка Казахстана. Первоначально это было связано с тем, что вследствие распада СССР перерабатывающие отрасли промышленности РК (и других постсоветских стран — традиционных торговых партнеров республики) практически прекратили функционировать, и по этой причине китайская продукция (в т.ч. даже низкого качества) пользовалась широким спросом на казахстанском рынке. Кроме того, Казахстан еще стал получать дополнительную прибыль от реэкспорта китайских товаров в соседние страны, в первую очередь в Узбекистан и Россию.

Для Китая же торгово-экономические отношения с Казахстаном стали превращаться постепенно в ключевой фактор развития Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР. В целом в сфере торговли Казахстан является основным внешнеторговым партнером Китая среди стран ЦА [11].

В общей сложности Казахстан по-прежнему является главным объектом экономического интереса Китая в Центральной Азии. Масштабы присутствия КНР в РК на протяжении постсоветского периода поступательно растут и уже представляются значительными. Причем если первоначально китайский экономический интерес затрагивал преимущественно торговую сферу, что лишь в несущественной степени сопровождалось развитием транспортно-коммуникационных связей, то со второй половины 90-х гг. XX в. уже стали отчетливо просматриваться системные усилия КНР по активизации проектно-инвестиционной деятельности в РК. Основными направлениями этих усилий продолжает выступать нефтегазовая отрасль и обслуживающий ее транспорт и коммуникации.

Кроме того, с начала XXI в. стала наблюдаться и все более устойчивая тенденция диверсификации китайского присутствия в Казахстане по отраслям экономики. РК, в свою очередь, всячески содействует дальнейшему проникновению КНР в свою экономику, а в последние годы пытается нацеливать китайский интерес на несырьевые и промышленно-инновационные секторы.

В апреле 2009 г. в ходе визита Президента Казахстана Н.А. Назарбаева в Китай была достигнута очередная договоренность о предоставлении Казахстану кредита, но уже в размере 10 млрд долл. США (5 млрд долл. США — для НК «КазМунайГаз», а остальные 5 млрд — скорее всего для поддержания ликвидности банковской системы РК). Основная цель такого беспрецедентного по размерам кредита, по-видимому, предполагает поддержку весьма хрупкой в период активной фазы глобального кризиса казахстанской экономики. Взамен же Китай получает более свободный доступ к минеральным ресурсам Казахстана, в первую очередь в отрасли ТЭК РК. С учетом же мирового финансово-экономического кризиса, трудно прогнозировать дальнейший характер китайского экономического проникновения в Казахстан [12].

Итак, если провести сравнительный анализ экономических интересов Японии и Китая в Казахстане, то можно сделать следующие выводы:

Казахстан является главным объектом экономического интереса Японии и Китая в Центральной Азии. И, как справедливо отмечают некоторые исследователи [13], между основными центральноазиатскими игроками из АТР установилось даже своеобразное «разделение труда». Китай играет роль ведущего торгового партнера, а Япония выступает в качестве главного кредитора.

Интересы Японии в Казахстане концентрируются вокруг экономических проектов и выражаются, как уже указывалось выше, в заинтересованности в установлении контроля над нефтегазовым потенциалом региона с целью поддержания стабильности мирового энергетического рынка, в использовании в перспективе транзитно-коммуникационного потенциала региона и в предоставлении политической поддержки Японии на международном уровне, что, в свою очередь, отражает приоритетный порядок ее насущных внешних интересов. Это и обеспечение бесперебойности поставок нефти для экономики страны и стабильности мирового рынка нефти, и создание дополнительных возможностей для японских компаний на внешних рынках, а также усиление международного политического влияния Японии и доведение его до соответствия уровню финансово-экономического влияния страны в мире [14].

Что касается КНР, то сотрудничество в энергетическом секторе является одной из приоритетных областей кооперации между Казахстаном и Китаем и, более того, оно является отправной точкой все более расширяющегося двустороннего экономического сотрудничества в целом. Экономические интересы Китая в Казахстане тесно связаны с его энергетической политикой, со стремлением превратить нефтеносные зоны нашей страны в постоянный и надежный источник топлива для растущей китайской экономики. В целом анализ потенциала казахстанско-китайского энергетического сотрудничества показывает, что экономические интересы в отношении Казахстана подчинены главной цели — обеспечению гарантированного доступа к нефтяным запасам региона через получение прав на их добычу и транспортировку. Кроме того, полученные оценки дают основание полагать, что нефтяной фактор станет

мощным объективным катализатором значительной экономической активизации Китая в регионе [15].

В ядерно-энергетической сфере сотрудничеству с Казахстаном особое внимание уделяют и Китай, и Япония. И в этом направлении их интересы пересекаются.

Так, в 2007 г. между казахстанской госкомпанией «КазАтомПром» и китайской государственной Гуандунской атомно-энергетической корпорацией (China Guangdong Nuclear Power Holding — CGNPC) было заключено соглашение «О расширении и углублении стратегического сотрудничества» в области изготовления ядерного топлива для АЭС Китая, а также ресурсного снабжения развивающейся атомной энергетики КНР. Сейчас компания «КазАтомПром» сотрудничает с КНР через свое дочернее предприятие, которое поставляет Китаю продукцию на основе бериллия. Помимо Казахстана, такая продукция производится только в США.

Что касается японской стороны, то, в целях укрепления дальнейшего сотрудничества, 5 мая 2008 г. министр энергетики и минеральных ресурсов Казахстана Сауат Мынбаев и вице-министр экономики, торговли и промышленности Японии Канае Ямамото подписали меморандум об усилении стратегического партнерства в области мирного использования атомной энергии. В рамках продвижения энергетического партнерства Казахстан и Япония достигли договоренности о подписании межправительственного соглашения о мирном использовании атомной энергии — базового документа, который будет определять основные принципы и направления сотрудничества в данной сфере.

Вообще, энергетический фактор приобретает все большее значение в отношениях Казахстана с Китаем и Японией. В этой связи казахстанские исследователи вполне определенно предполагают, что он станет в перспективе преобладающим в вопросах сотрудничества Казахстана как с Японией, так и Китаем.

Уделяя внимание вопросу торгово-экономического сотрудничества, можно определенно сказать, что особое значение для Казахстана имеют торгово-экономические отношения с Китаем. Общая протяженность границ Казахстана с Китаем составляет 1700 км. Между Казахстаном и Китаем не существует никаких пограничных спорных моментов, прямая автомобильная, авиационная и железнодорожная связь. Товарооборот между двумя странами из года в год растет. Китай для Казахстана — наиболее перспективный рынок с учетом превращения его в мировую фабрику: он является транспортным коридором для казахстанских грузов на мировой рынок.

По итогам 2008 г. товарооборот между Китаем и Казахстаном вырос примерно на 29% по сравнению с предыдущим годом и составил 15,9 млрд долл. США (около 14,5% казахстанского и 0,6% китайского товарооборота). Объемы казахстанских поставок в Китай достигли 7,6 млрд долл. США (10,6% экспорта Казахстана, 0,7% импорта Китая), а китайских поставок в Казахстан — порядка 8,3 млрд долл. США (21,7% импорта Казахстана, 0,58% экспорта Китая) [16].

В торговле Казахстана с Японией дело обстоит иначе. Объем товарооборота между Казахстаном и Японией лишней раз доказывает, что страны еще не могут называть друг друга торговыми партнерами в полном смысле этого слова. В торможении торгово-экономических отношений, как уже отмечалось, выступает транспортная проблема, поскольку большинство перевозок совершается транзит-

ным путем. Также здесь можно отметить высокотехнологичность и соответствующую дороговизну японских товаров по сравнению с китайскими.

Определенное воздействие на поддержание японского экспорта товаров производственного назначения оказывало распространение на заключаемые сделки правительственных страховых гарантий, включенных японской стороной в общую программу экономического содействия. Министерство промышленности и внешней торговли Японии открыло торговую страховую линию в размере 300 млн долл. США для расширения экспорта в Казахстан [17].

Согласно данным Министерства индустрии и торговли РК, по итогам I-го квартала 2008 г. объем двустороннего товарооборота увеличился на 5,5% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 151,3 млн долл. США, из них казахстанский экспорт — 114,9 млн долл. США (увеличился на 37%), импорт из Японии — 36,4 млн долл. США (сократился на 38,8%) [18].

Итак, Китай, в отличие от Японии, является важным торговым партнером Казахстана. Однако быстрый рост экономики Китая и длительный экономический кризис в Казахстане могут поставить их на разные уровни, и Казахстан из равноправного и равноценного партнера может остаться сырьевой базой. Поэтому важно учесть это обстоятельство при проведении экономического направления внешнеполитического курса Казахстана в перспективе.

Анализируя инвестиционное сотрудничество, следует отметить, что из года в год инвестиционные вклады в казахстанскую экономику как со стороны Японии, так и со стороны Китая идут по возрастающей.

Главным объектом интереса КНР, при одновременном росте масштабов проектно-инвестиционной активности китайских компаний, по-прежнему остается нефтегазовая отрасль Казахстана, где характерной особенностью проникновения туда со стороны китайских компаний стала политика по приобретению зарубежных (преимущественно западных) активов. Дело в том, что к 2001 г. основные нефтегазовые месторождения Казахстана были уже практически поделены между западными и российскими энергетическими компаниями. Начиная же с 2003 г., многие западные компании (главным образом, британские, канадские и американские) стали продавать свои активы, чем воспользовался, прежде всего, Китай. Кроме того, у Пекина и китайского бизнеса появился интерес к усилению своего присутствия в других секторах казахстанской экономики. В итоге, после 2003 г., экономическое проникновение КНР в РК развивается по нарастающей, а проектно-инвестиционная деятельность китайских компаний, помимо нефтегазовой отрасли, все более затрагивает и целый ряд других отраслей экономики Казахстана. При этом Китай начал проводить и более активную кредитную политику, финансируя на льготных условиях те или иные проекты, где основная часть кредитов осваивается именно китайскими компаниями. По состоянию на конец 2008 г. количество китайско-казахстанских совместных предприятий (СП) составило более 480 (действуют предпочтительно в сфере приграничной торговли и нефтегазовой отрасли), а китайские инвестиции и кредиты в РК оцениваются в объеме не менее чем 8,5 млрд долл. США. При этом в 2009—2010 гг. объемы китайских кредитов могут возрасти еще на 10 млрд долл. США, включая 5 млрд для НК «КазМунайГаз», о чем была достигнута договоренность в апреле 2009 г. в ходе визита Президента РК в КНР [19].

Что касается японской инвестиционной политики в Казахстане, то она развива-

ется по поступательной и поначалу не выходила за рамки общей финансово-экономической помощи всем государствам бывшего СССР. Как правило, эта помощь оказывается через японские правительственные организации — Агентство по международному сотрудничеству (JICA) и Фонд экономического сотрудничества с зарубежными странами (OECF). Так, с помощью программ правительства Японии в рамках официальной помощи в Казахстане реализуется ряд проектов, подлежащих финансированию из Фонда экономического сотрудничества. Также японское правительство предоставляет Казахстану безвозмездную помощь по линии Японского агентства международного сотрудничества (ЯАМС) и культурные гранты по линии МИД Японии.

В настоящее время Япония является ведущей страной-донором для Казахстана в сфере финансовой и технической помощи. При этом Казахстан занимает лидирующее положение по объему японской Официальной помощи развитию в регионе Центральной Азии и Закавказья. Японская правительственная программа Официальной помощи развитию является важным инструментом в экономическом сотрудничестве между Японией и Казахстаном.

В заключение можно констатировать наличие определенного параллелизма в политике Китая и Японии в Казахстане и в Центральной Азии в целом. В обоих случаях имеет место постепенный и неуклонный рост экономического влияния, сопровождающийся конкретизацией политики и расширением сфер сотрудничества. В какой-то момент от простого стремления стабилизировать регион для того, чтобы обеспечить эффективное взаимодействие, на достигнутой экономической основе происходит переход к созданию интеграционных институтов. При этом активно используются различные институциональные структуры многостороннего сотрудничества. Со своей стороны Казахстан делает уверенные шаги навстречу, о чем свидетельствует речь Главы государства Н.А. Назарбаева. В своем очередном Послании народу Казахстана «Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира» Президент Казахстана заявил: «Казахстан может и должен участвовать в многосторонних международных экономических проектах, которые способствуют нашей интеграции в глобальную экономику и опираются в том числе на наше выгодное экономико-географическое положение и имеющиеся ресурсы» [20].

Для Казахстана активизация отношений и с Китаем, и с Японией может дать крупные политические и экономические дивиденды, учитывая политико-экономический вес этих экономических гигантов в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире, что является перспективным для внешнеэкономической деятельности Казахстана. Также японские и китайские инвестиции, безусловно, будут способствовать дальнейшему развитию, прежде всего, нефтегазовой отрасли Казахстана (даже в условиях глобального кризиса) и как-то стимулировать развитие экономики РК в целом. С другой стороны, Казахстан рискует попасть в еще более жесткую зависимость от Китая или Японии, в значительной степени утратив контроль над своими минеральными ресурсами. Поэтому вопрос о том, в какой степени Китай и Япония будут способствовать комплексному промышленно-инновационному развитию Казахстана, а не только освоению его сырьевых ресурсов, все еще остается открытым. Многое будет зависеть от того, каким выйдет весь мир (и в т.ч. Казахстан) из финансово-экономического кризиса, а также какие коррективы внесут Пекин и Токио в свою экономическую стратегию в Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана. Казахстан на пути ускоренной экономической, социальной и политической модернизации. Астана, 18 февраля 2005 г. // <http://www.akorda.kz>.
2. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. — М.: МГИМО-Университет, 2008. — 381 с. (С. 343).
3. Ли Лифань. Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 2004. — №3. — С. 164—165.
4. Казанцев А. Политика стран Запада в Центральной Азии: проекты, дилеммы, противоречия. — М.: МГИМО-Университет, 2009. — 186 с. (С. 178).
5. Hutchings, Raymond. Japan's Economic Involvement in Eastern Europe and Eurasia. — N.Y.: St. Martin's Press, 1999; Hickok, Michael Robert. The Other End of the Silk Road: Japan's Eurasian Initiative // Central Asian Survey. — 19 no. 1, March 2000; Ferguson, R. James. Eurasia, Lecture 10: Geopolitics of the Silk Road: New Economic and Strategic Opportunities // The Department of International Relations, SHSS, Bond University. — Queensland, Australia. — 2002; Tennenbaum, J. The New Eurasian Land Bridge. Infrastructure Takes Shape. — Schiller Institute. — November 2, 2001.
6. Усубалиев Э. О возможной новой роли Японии в Центральной Азии // <http://www.easttime.ru>.
7. Усубалиев Э. «Трансформация Центральной Азии в коридор мира и стабильности» — новая инициатива Японии // <http://www.easttime.ru.analitic>.
8. Аскар Нурша. Визит премьер-министра Японии в Казахстан: ожидания и итоги, 2006 г. // <http://www.eurasianhome.org>.
9. Сидоров О. Интересы Японии в Центральной Азии: казахстанский вектор // Газета АПН Казахстан. — 2006, 20 ноября // www.apn.kz.
10. Политика и интересы мировых держав в Казахстане / Под ред. Б. Султанова. — Алматы: Дайк-Пресс, 2002. — 238 с. (С. 176).
11. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия... С. 342—366.
12. Экономическое присутствие Китая в Казахстане / В. Парамонов, А. Строков, О. Столповский // <http://www.easttime.ru.analitic>. — 2009, 27 мая.
13. Резникова О.В. Центральная Азия и Азиатско-Тихоокеанский регион // Мировая экономика и международные отношения. — 1999. — №4. — С. 100—108.
14. Политика и интересы мировых держав в Казахстане...
15. Музапарова Л. Казахстанско-китайское энергетическое сотрудничество: оценка потенциала и направления развития // Казахстан и Китай: стратегическое партнерство в целях развития: материалы междунар. конф. — Алматы: ИМЭП, 2006. — С. 17—27 (С. 17).
16. Экономическое присутствие Китая в Казахстане / В. Парамонов, А. Строков, О. Столповский...
17. Политика и интересы мировых держав в Казахстане... С. 184—185.
18. <http://www.inform.kz>.
19. Экономическое присутствие Китая в Казахстане / В. Парамонов, А. Строков, О. Столповский...
20. Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. — Караганда, 2006. — 372 с. (С. 40).

Нетрадиционные исламские движения в Центральной Азии

ДЖАЛИЛОВ З.Г.

Как известно, сложившаяся в Казахстане в конце 1980-х — начале 1990-х гг. ситуация была чрезвычайно сложной и во многом неповторимой. Наряду с типичными для многих центральноазиатских республик экономическими, социальными и политическими проблемами, в стране первостепенное значение приобрели вопросы весьма специфические, обусловленные как внутренними, так и внешними обстоятельствами. Речь идет о появлении в республике нетрадиционных исламских движений и течений, в том числе и радикально-религиозных, усугубивших своей деятельностью религиозную ситуацию, внесших раскол среди местного мусульманского населения [1].

Тревожным симптомом обострения религиозной ситуации в конце 1980-х гг. стало появление первых, еще небольших по численности, ваххабитских групп [2]. Уже в начале 1990-х гг. из различных районов южных областей Казахстана стала появляться информация об их активной деятельности.

По мере ухудшения социально-экономической ситуации, увеличения числа безработных в республике в начале 90-х гг. XX в. все явственнее проявляла себя тенденция к политизации ислама. Наряду с этим, усилился вопрос о статусе религии в государственной системе. Отмеченные тенденции вкупе с рядом факторов привели к появлению и распространению в регионе фундаменталистских и радикалистских течений, религиозных групп и сект. Среди них: «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «ат-Такфир ва-л-хиджра», «Таблиги джама'ат» и др. В истории этих религиозных течений и движений немало нерешенных проблем и «белых пятен». Если исходить из географии распространения подобных организаций по региону, то Казахстан оказывается в числе наименее изученных республик. Между тем Казахстан не только дает соответствующий материал для изучения их методов и способов вовлечения отдельных групп населения в свои ряды, но и позволяет проследить эволюцию типичного для стран Центральной Азии целостного процесса их появления, распространения и развития, происходящего на определенной территории и в относительно небольшой период времени.

Строгая дисциплина, налаженная организация, беспрекословное подчинение младших старшим и простым членам руководителей, сплоченность и взаимопомощь, ярко прохалифатская направленность делали «Хизб ут-Тахрир» реальным и весьма опасным для всех республик Центральной Азии. Как известно, популярность движения под знаменем этой партии обуславливалась не практическим осуществлением ее принципов, а лозунгами социального переворота, что, соот-

ветственно, привлекало в ее ряды малообеспеченные слои населения. Кстати сказать, позже наблюдались попытки эмиссарами этой организации вовлечь в ее ряды государственных служащих, бизнесменов, творческих работников и студентов [3]. Группировка «Хизб ут-Тахрир» свою деятельность на территории Казахстана начала с 1998 г. в южных регионах страны. В последующем их деятельность стала постепенно распространяться и в другие регионы. С марта 2005 г. эта организация была признана экстремистской, а ее деятельность запрещена [4].

Некоторые наблюдатели считают ее боевой организацией так называемой «Ассоциации братьев-мусульман» [5]. Однако, как нам известно, ее представители не раз заявляли о ненасильственном методе распространения своей идеологии. После смерти Такыюддина Ан-Набаханий, эмиром (верховным лидером) партии в декабре 1977 г. стал Абдул-Кадим Заллум, 1925 г. рождения. После смерти Заллума, эту организацию в 2003 г. возглавил Ата Абу Рашта, 1943 г. рождения, имеющий техническое образование.

По своей структуре «Хизб ут-Тахрир» является организацией с жестким вертикальным подчинением. В каждую ее ячейку входит по пять человек и халька (партийное ядро). На первом этапе вовлечения в партию вновь прибывшим присваивают звание «дарис». «Дарис» — это человек, добровольно изучающий структуру партии, ее цели и задачи, методы и принципы деятельности. Дарисы одной пятерки не знают дарисов из другой.

Будущих членов партии обучает специально выделенный наставник — мушриф. Его задача — воспитание их таким образом, чтобы они приняли идеи, путь партии. В перечень преподаваемых предметов входит политика, экономика, социология, география и религия. Последней дисциплине отводится не более 10—15 процентов времени от всего учебного процесса. После сдачи экзаменов и принятия присяги на верность халифу и делу партии, дарисы становятся равноправными членами партии — хизбийями (партийцами), которые уже под началом нового руководителя (накыба) приступают к изучению предметов второго курса обучения. В основном изучаются запрещенные во многих странах мира такие книги, как «Устав Ислама», «Понятие Хизб ут-Тахрир», «Пути общества в Исламе», журнал «Аль-Ва'ий» (Разум). Кроме получения теоретических знаний, хизбий должен активно распространять листовки, заниматься агитационной работой. Каждый хизбий должен вовлечь в ряды партии не менее пяти человек. На третьей стадии обучения наиболее активным присваивают звание накыба. В обязанности накыба входит не только деятельность по обучению, агитации, но и партийное руководство районного масштаба. Далее в иерархической лестнице стоит «муса'ид» (помощник руководителя областной организации), мас'уль (руководитель областной организации) и му'тамад (лидер партии в стране). Все му'тамады подчиняются лидеру этой организации Ата Абу Рашту [6].

С точки зрения многих духовных служителей стран СНГ, «Хизб ут-Тахрир» по ряду вопросов вероучения и фикха (мусульманского права) отклоняется от традиционного исламского учения. Например, известный шейх Ахмед Тамими в беседе с автором данной статьи отметил, что одним из ложных воззрений последователей партии является мнение, что якобы тот, кто не присягнул на верность халифу, умрет в состоянии невежества в вопросах религии и смерть его будет подобна смерти идолопоклонника. «Таким образом, — заключил он, — согласно их убеждениям, получается, что мусульмане, ушедшие из жизни за последние

сто и более лет, якобы умерли именно в таком презренном состоянии, поскольку халифа в течение всего этого времени не было и его правление прекратило свое существование».

С середины 1990-х гг. на территории Казахстана стала активизироваться деятельность другого радикалистского исламского движения «ат-Такфир ва-л-хиджра» (обвинение в неверии и уход от мирской жизни), что вызвало обоснованную обеспокоенность официальных кругов и общественности. Как известно, лидеры и идеологи этого течения Саййид Кутб, Али Абду Исма`ил и Мустафа Шукри проповедовали силовые методы решения политических проблем. Основная идеология движения «ат-Такфир ва-л-хиджра» опирается на теорию Саййида Кутба о том, что любое государство мусульманского мира, отошедшее от «истинного ислама», является обществом «неверных». Поэтому «истинным мусульманам» необходимо отдалиться от такого общества и основать свои мусульманские общины, то есть совершить «хиджру» (переход) по аналогии с той, которую совершил пророк Мухаммед из Мекки в Медину (прежнее название Ясриб). В отличие от «умеренных» исламистов, лидеры такфири признают исключительно вооруженный путь борьбы против существующей власти, отошедшей от «истинного ислама». Так, например, Саййид Кутб писал: «Чтобы верующее сообщество дошло непосредственно до сердец людей, оно нуждается в сметании варварских преград, отделяющих его от людей... Прежде всякой дискуссии или убеждения необходимо свергнуть правящий режим в Египте, так как он варварский, все режимы, так как они варварские, даже те, которые призывают к исламу в своих документах и конституциях» [7]. По оценкам специалистов, движение «ат-Такфир ва-л-хиджра» в Казахстане представлено двумя направлениями: «учение Багауддина» и «Аййубисты».

История появления и развития в Казахстане «Таблиги джама`ат» известна недостаточно хорошо. В соответствии с мнением некоторых специалистов, первые миссионеры этого движения стали прибывать в республику из стран мусульманского Востока, Пакистана, Индии, соседних центральноазиатских государств к концу 1990-х гг. Согласно существующей версии, его первые отделения в стране возникли в середине 1990-х гг. По своему характеру «Таблиги джама`ат» является скорее корпоративной группой, ориентирующейся только на Коран, широко культивирующей принцип да`ва (мирное вовлечение в ислам). Его местные отделения активно пропагандируют ислам через обучение и объяснение. На основании наших наблюдений можно сказать, что движение «Таблиги джама`ат» заметно утвердилось на местной почве и в некоторых районах смогло составить конкуренцию традиционному исламу. Несомненно, в этом немалая «заслуга» тех молодых пропагандистов, которые в свое время получили религиозное образование в различных учебных центрах Пакистана, в том числе и в Деобанде.

Все региональные отделения «Таблиги джама`ат» принадлежат к одной религиозной системе, придерживающейся одних организационных основ и методов пропаганды, с идеологией и целями, связанными с ней корнями. Во всех этих отделениях строго и неукоснительно руководствуются основным девизом — Коран есть истинная книга мусульманина. «В этой религиозной общине, — отмечает один из бывших ее членов, — строго следуют основным догматам и предписаниям религиозных действий. Всем нам надлежало принимать участие в миссионерской работе». В одной из мечетей, расположенной в Северо-Казахстанской области,

местные служители нам говорили, что эта секта (так называют они «Таблиги джама`ат») уводит нашу молодежь от традиционной религии. Везде, где они располагаются, у них есть свои дома и деньги. В Казахстане центром этого движения являлся поселок Байсерке Алматинской области.

Параллельно расширению сети вышеназванных движений шло распространение и суфийских групп: «Исматуллах-максум», «Хазрат Ибрахим», «Сулейменши» и других, разнообразных по структуре, по целям и методам их достижения. Их характер деятельности определялся, прежде всего, местными условиями, массовой социальной базой и т.д. Появление таких групп на территории Казахстана было исторически обусловлено рядом обстоятельств самого разнообразного характера. Эти суфийские группы имеют, как правило, одного общепризнанного религиозного лидера, с именем которого связано их название, человека, пользующегося у адептов непререкаемым авторитетом, имеющего массу учеников и последователей. Например, таким «патриархом» был пир Исматулла из Пакистана.

Суфийская группа «Исматуллах-максум» широкое распространение в Казахстане получила в середине 1990-х гг. Местом базирования этой группы был поселок Карасу Алматинской области. В конце 1990-х гг., когда выяснилось, что она не зарегистрирована в Духовном управлении мусульман Казахстана, ее деятельность была остановлена, а ее лидер был выдворен за пределы страны. Однако с 2000 г. она вновь приступила к своей деятельности в микрорайоне «Мамыр» г. Алматы. Кстати сказать, эта организация так и не была зарегистрирована в органах юстиции. Ее религиозная доктрина и идеологическое кредо, насколько о них позволяют судить источники, соответствуют выработанным установкам проповедования необходимости зикра в жизни каждого мусульманина. Вера в особую миссию суфизма, наполнение духовностью современного общества, идеал нравственного совершенства — это то, что не может не вызывать интереса к «Исматуллах-максум».

Вот как рассказывает о причине своего вступления в эту суфийскую группу один из ее членов: «Мой знакомый убедил меня следовать учению пира Исматуллы, принять зикр и проповедовать его среди других людей. Это поможет избавить наше общество от бездуховности и возродит наши национальные традиции».

В начале 1990-х гг. наблюдалось заметное оживление движения «Нурджулар» в постсоветских республиках Центральной Азии. Что интересно, в самой Турции эта секта была запрещена, а на ее лидера заведено уголовное дело. Социальная база этого движения расширялась за счет привлечения круга лиц, поддерживающих идею создания «Великого Турана», а также смещение акцента с идеологической пропаганды на практическую подготовку кадров через высшие учебные заведения. Деятельность через образовательную систему позволяла группе «Нурджулар» привлекать в свои ряды новых членов, в основном из числа молодежи, а также давала некоторое преимущество в пропаганде своих идей перед другими подобными организациями. Кроме того, это позволяло ему устанавливать контакты с местным населением.

На территории Казахстана заметную активность стали демонстрировать и такие течения, как «Сулейменши» и накшбандинская группа «Хазрат Ибрахим». Центром сбора последователей течения «Хазрат Ибрахим» является окрестность г. Туркестана, село Кусши-Ата, где похоронены Ишан-баба и Абд ал-Вахиз кари. Основное внимание эта группа уделяет распространению суфийских накшбандин-

ских взглядов и использует тихий зикр. Она не становится в прямую оппозицию к официальной власти. Везде, где создаются отдельные религиозные группы этого направления, назначаются халифы, которые контролируют и руководят их деятельностью.

Таким образом, в течение 1990-х гг. различные суфийские группы и численно, и организационно укреплялись, хотя некоторые из них (к примеру, «Сулейменши») впоследствии не стали проявлять большую активность. Религиозные идеи и взгляды, выдвигаемые суфийскими группами, находили широкий отклик и поддержку как в сельской местности, так и в городах, как среди интеллигенции, так и у некоторой части чиновничества. Но основной опорой этих групп всегда оставались низшие и средние слои населения.

Наряду с суфийскими группами, в Центральной Азии проявили свою активность такие региональные радикальные группы, как «Хабашить» (последователи Абдаллаха ал-Харари), «Салафиты», «Акрамийа» (учение строится на базе идеологии «Хизб ут-Тахрир»), «Ма`рифатчилар», «Кораниты» (следует взглядам аскета Сабирча-домла, опровергнувшего Сунну Пророка), а также террористические организации и группы: «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), «Исламская партия Туркестана» (ИПТ), «Джама`ат моджахедов Центральной Азии» (или «Союз исламского джихада»).

Как показывает анализ деятельности различных нетрадиционных исламских направлений, если одни группы и организации в ряду случаев начинали свою деятельность в любой нуждавшейся в них социальной и национальной среде, обладавшей общностью интересов, то другие, традиционно строившиеся на основе территориальной общности, ориентировались тем самым на готовые социальные структуры. Привнесенные в них извне миссионерами идеи развивались в уже готовой среде. Территориальный анализ распространения (например, накшбандийской группы «Хазрат Ибрахим») показывает, что наибольшее число последователей этого направления имеется в южных регионах Казахстана.

Надо заметить, что сообщения о различных нетрадиционных исламских направлениях недостаточно полны и можно лишь в определенных рамках воспроизвести, несомненно, широкие, но мало различимые подводные течения, которые вовлекли в «религиозный водоворот» разные слои населения как в Казахстане, так и в других республиках Центральной Азии. Власти осознавали, какую угрозу таил в себе этот процесс, и пытались его взять под жесткий контроль. Поэтому, объявив ряд религиозных организаций вне закона, с их стороны была проявлена решительность и оперативность. 15 октября 2004 г. в Верховном суде Республики Казахстан состоялся судебный процесс по заявлению Генеральной прокуратуры о признании международных организаций «Аль-Каида», «Исламское движение Узбекистана», «Исламская партия Восточного Туркестана», «Курдский народный конгресс» террористическими и запрещении их деятельности на территории Казахстана. Весной 2005 г. Верховный суд Республики Казахстан удовлетворил заявление Генеральной прокуратуры и признал террористическими международные организации «Асбат аль-Ансар», «Братья мусульмане», «Талибан», «Бозгурд», «Джама`ат моджахедов Центральной Азии», «Лашкар-и-Тайба», «Общество социальных реформ» и «Хизб ут-Тахрир» и также запретил их деятельность на территории Казахстана.

Следует отметить, что магия, таинственные заклинания, пророчество, чудесные явления, лечение больных как одно из средств привлечения населения в религиозные группы и организации не были привилегией адептов большинства нетрадиционных исламских направлений в Казахстане. К ним успешно прибегали лидеры сект, замышлявшие получить определенные «дивиденды», понимавшие, что различные «чудеса» воздействуют на людей сильнее самой аргументированной пропаганды. Именно так, согласно мнению некоторых специалистов, привлекали в свои ряды организации «Ата жолы», «Аллы-Аят» (фархатовцы). Кстати сказать, до сих пор по поводу движения «Ата жол» («Ақ жол») нет единого мнения. Одни считают, что это общественная организация, другие твердо убеждены — секта.

С точки зрения пресс-секретаря Духовного управления мусульман Казахстана Онгар кажи, подобные организации спекулируют на исламе. На самом деле они не разбираются в религии, а вся их деятельность — бизнес [8]. Вот что пишет о деятельности «Ата жол» журналистка О. Акулова: «Противники называют ее сектой, сторонники — спасательным кругом, который поможет выплыть на берег праведного образа жизни всем заблудшим душам. Атажоловцы собирают людей и возят их по могилам предков. Женщин здесь называют акку, мужчин — сункар. Они могут разговаривать с духами умерших и дают паломникам бата — благословение. Вся их деятельность обильно приправлена религиозно-мистическим соусом. Они молятся, уповают на волю Аллаха и преследуют только благие цели: человек не должен пить, курить, играть в карты...» [9].

22 декабря 2008 г. специализированным межрайонным экономическим судом г. Алматы было вынесено решение о ликвидации общественного объединения «Аллы-Аят». Также по иску прокурора города было принято решение о ликвидации «Ата-жолы» [10]. Судебные решения об их ликвидации были вынесены на основании пункта 3 статьи 20 Конституции РК, статьи 19 Закона РК «О национальной безопасности Республики Казахстан», не допускающие пропаганду или агитацию подрыва безопасности государства и создание факторов, угрожающих здоровью населения.

Социально-экономические и политические условия развития и распространения нетрадиционных исламских течений и движений в Центральной Азии, в силу особенностей развития отдельных республик, складывались неравномерно: сначала (в конце 80-х гг. XX в.) в Таджикистане и Узбекистане, а затем (к середине 90-х гг. XX в.) — в Казахстане. Нельзя сказать, что Казахстан был абсолютно спокойным краем, но в конце 1980-х — начале 1990-х гг. ни какой-то заметной деятельности религиозно-политических обществ, ни угрожавшей государственному устоям активности сект, ни тем более выступлений под знаменем ислама республика не знала. Для нетрадиционных религий Казахстан был относительно благополучной «землей обетованной», где они находили условия и некоторое послабление в степени деятельности, а поэтому не проявляли открытого недовольства и претензий.

Дальнейшее развитие общего социально-экономического и политического кризиса в Центральной Азии, развал хозяйственных связей повлекли за собой заметные изменения в характере деятельности различных религиозных направлений. Мусульманская община, прежде не имевшая открытых конфликтов с властями, не испытывавшаяся на прочность и казавшаяся нерушимым организ-

мом, оказалась расколотов и растерянной. Некоторая часть молодого поколения, в противовес авторитетным и влиятельным религиозным лидерам, приходила к мысли о создании собственных религиозных организаций (наподобие «Акрамия») для сплочения решительно настроенных единомыслителей.

Анализ динамики событий, хода развития нетрадиционных исламских движений и изменений в масштабе Казахстана позволяет выделить три хронологических этапа:

1990 — 1995 гг. — период начала деятельности этих движений и формирования основных центров их распространения;

1996 — 1998 гг. — период относительной стабилизации, ознаменовавшийся первыми активными действиями;

1999 — начало 2000-х гг. — переход к решительным действиям со стороны властей, спад их активности. У каждого из них имеются свои переходные моменты и периоды, отражающие специфику их деятельности в том или ином регионе страны. Данная периодизация, естественно, не исключает частных хронологических этапов для каждого направления или отдельного движения.

Процесс появления и распространения в Республике Казахстан нетрадиционных исламских направлений, религиозных обществ и сект был порожден многими факторами, в том числе ухудшением жизненного уровня населения и политической реакцией, шедшими параллельно с проникновением на их территории религиозно-политических организаций, одной из важных целей которых было распространение религиозно-радикальной идеологии, «вытеснение» традиционного ислама, ханафизма. Как отмечает А. Малашенко, именно ханафизм — главный оппонент исламистов, а приверженность к нему — фактор сдерживания радикализма [11]. Культивируя и обеспечивая финансовую и материальную помощь своим членам, пропагандируя принципы мусульманского братства и справедливости и поэтому дополняя по своим экономическим функциям родо-общинные, религиозно-политические организации одновременно выступали и носителем религиозно оформленной идеологии протеста против социальной несправедливости, и как специфическая форма организации антиправительственных выступлений (например, в Таджикистане и Узбекистане).

Возникшие и действовавшие в Казахстане нетрадиционные мусульманские течения и движения были в определенной степени разнородными по характеру, структуре, идейным принципам, социальному и этническому составу. Однако попытка расставить все их в строгом порядке, разложить «по полочкам», провести строгую грань между ними весьма сложно. Дело не только в отсутствии полных данных, содержащихся в источниках сведений, когда зачастую вся информация об организации заключена в ее названии. Особые сложности создает проблема эволюции и трансформации религиозных организаций, проблема серьезная, неразработанная, требующая для своего разрешения массы накопленных знаний, изучения теоретических и идеологических основ, более широкого историко-географического и историко-политического подхода.

Некоторые сходные черты в идейных принципах, лозунгах, системе культа, символах и подходах мусульманских течений, то есть в сферах наиболее заметных постороннему наблюдателю, и служат основой для проведения водораздела между религиозными обществами и сектами. Но причислить то или иное мусульманское течение к одному из религиозно-радикальных движений или зафиксировать

его в качестве традиционного удается далеко не всегда. Не всегда у нас имеются полные сведения о них. Кроме того, слабо изучены их история, организационная структура, формы и методы пропаганды. До настоящего времени остается невыясненным подлинный характер их взаимоотношений между собой. Нет категорических выводов о структуре нетрадиционных мусульманских течений, отдельных элементов символики, терминологии и т.д.

Акцентирование внимания на внешне самых мирных, порицаемых, но отнюдь не преследуемых властями сторонах исламского вероучения придавало некоторым нетрадиционным группам и организациям с виду не воинственный, «богословский» облик, но внутренне не делало их менее безобидной для общества. Они несли в себе дестабилизирующие потенции, хранили верность сложившейся доктрине, организационным, социально-политическим принципам.

Там, куда по каким-либо причинам не успели или не стремились мусульманские духовные авторитеты традиционного ислама, но где появлялась объективная потребность, и сложились социально-экономические и политические условия для организационного оформления оппозиции, возникали разнообразные по структуре, идейным принципам, целям, способам самовыражения, методам действия радикальные группы и общины нетрадиционных исламских направлений. Процесс распространения нетрадиционных исламских направлений в Центральной Азии был в данных условиях неизбежен. Он свидетельствовал о новом этапе социально-политического развития региона, дальнейшем расширении и углублении трансформационных явлений в общественной жизни. Их деятельность была бы невозможна без большой подготовительной работы, без финансовой и материальной помощи извне, с помощью которой опробовались различные формы организации, методы работы и достижения поставленных целей.

Предвидя возражения со стороны некоторых исследователей, тем не менее, следует отметить, что в Казахстане деятельность нетрадиционных мусульманских направлений не приобрела массовый характер и большого размаха, как в других странах. Казахское общество не восприняло радикальной религиозной идеологии. Усилия исламистов не могли оказать своего воздействия на значительную массу населения, не стремящегося к конфликту с государственной властью. Поддержка законно избранной власти была серьезнейшим препятствием на пути вовлечения населения в борьбу против существующих порядков. При этом не следует забывать, что в Казахстане большинство мусульманского населения опиралось и опирается на ханафитский мазхаб, который, как известно, характеризуется умеренностью и толерантностью, связанными с национально-духовными традициями.

Окончательные выводы относительно деятельности нетрадиционных исламских направлений и движений в Казахстане не могут и не должны делаться без учета развития традиционных исламских учений, которые синтезированы с национальными обычаями и обрядами, культурой и духовной жизнью народа. Исследования специалистов, например А. Муминова и Б. Бабаджанова, показали, что традиционный ислам, в частности Иасауи, который является одним из самых толерантных течений в исламе, никогда не был замешан на политической деятельности. Для этого, как известно, нужны соответствующие условия, которые привели бы суфийские братства к политической активности. Если суфизм и проявлял свое негативное отношение (например, к секуляризму), то он делал это,

не прибегая к агрессивным формам протеста. Однако мы не должны забывать и о том, что, наряду с возрождением традиционной религии, нарастает активизация фундаментализма, религиозно-экстремистской идеологии, реально настроенная против суфизма и других течений традиционного ислама и проповедующая свержение светских форм правления. А если к этому добавить социальное расслоение общества, то салафитский лозунг борьбы «за чистоту ислама» может стать мостом, который приведет к соединению политического и религиозного. Как отмечает Б. Бабаджанов, «надежда на сильные секулярные начала основной части населения — это обманчивое самоуспокоение» [12].

Сам процесс возрождения ислама в Казахстане и других республиках Центральной Азии проходит очень сложно и противоречиво. Он не завершен и по сей день. Эта незавершенность процесса и существующая разделенность религиозного мировоззрения не позволяют нам говорить об отсутствии всех условий для повторения тех трагических событий, которые произошли в других странах.

В комплексе проблем, возникающих при изучении как традиционных, так и нетрадиционных исламских движений и направлений в республиках Центральной Азии в период их независимого развития, на одно из первых мест неизбежно выступает вопрос о характере их взаимоотношений с официальными религиозными структурами (или, как говорят политологи, элитами). В конечном счете проблема сводится к оценке степени влияния на различные группы населения. И этот далеко не частный вопрос имеет принципиальное значение, ибо тесно связан с такими проблемами, как соблюдение прав человека на свободу слова и вероисповедания, а также устранение межконфессиональных, межрелигиозных противоречий в обществе.

Ознакомившись с литературой по данному вопросу, нетрудно заметить, что многие исследователи, как только возникают проблемы со статусом некоторых нетрадиционных религиозных направлений в обществе, призывают глубже проанализировать ситуацию и более объективно оценить степень опасности того или иного религиозного движения и течения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карманов Д. Радикальные исламские организации Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 2004. — №6 (36). — С. 59—64.
2. Молдалиев О. Исламизм и международный терроризм: угроза ислама или угроза исламу? // Центральная Азия и Кавказ. — 2002. — №3 (21). — С. 100.
3. Специфика проявлений терроризма и экстремизма в Центральной Азии: итоги 2004 г. // Доклад Центра антитеррористических программ // <http://www.studies.agentura.ru>.
4. Владимир Ю. Признаны террористическими // Казахстанская правда. — 2006, 12 октября.
5. Заблуждения течения «Хизб ат-Тахрир». — Киев: Аль Иршад, 2009. — С. 6.
6. Там же. С. 6—7.
7. Кутб С. Ценности исламского правления. — Баку, 1997. — С. 64.
8. Время. — 2008, 20 ноября.
9. Там же.
10. Вечерний Алматы. — 2009, 16 июня. — №70.
11. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. — М., 2006. — С. 135.
12. Собрание фетв по обоснованию зикра джахр и сама / Составители: Б.М. Бабаджанов, С.А. Мухаммадаминов; отв. ред. А.К. Муминов; введение, подготовка оригинального текста приложения и указатели: Б.М. Бабаджанов, С.А. Мухаммадаминов. — Алматы: Дайк-Пресс, 2008. — С. 42.

ЮВА — зона экономических и военно-политических интересов Китая

АУГАН М.А.

Юго-Восточная Азия, в силу географических и историко-цивилизационных причин, является одним из приоритетных направлений внешней региональной политики Китая.

Отношения КНР с ЮВА эволюционировали от реализации пяти принципов мирного сосуществования и создания «длительных и стабильных отношений добрососедства со странами на периферии» до стремления построить «партнерские отношения добрососедства и взаимного доверия» с АСЕАН. В докладе на XVI съезде КПК в самой общей форме изложена стратегия, которая будет применяться в Восточной Азии, и дана высокая оценка отношениям и партнерству с соседними государствами. Суть стратегии нынешнего китайского руководства заключается в проведении курса «доброе соседство, богатое соседство и безопасное соседство».

Но внешнеполитические контакты с КНР, занимая приоритетное место, остаются для стран АСЕАН наиболее сложными и неоднозначными.

Динамично растущий Китай, претендуя на роль лидера в регионе, заинтересован в формировании единого экономического и политического пространства со странами региона, с некоторыми из них имеются территориальные споры в Южно-Китайском море. Регион в последнее время бурно развивается, богат полезными ископаемыми, географически контролирует проливы в южных морях, поэтому вопрос наличия тесных связей со странами региона во всех сферах и единство позиций по ряду внешнеполитических и региональных вопросов являются жизненно необходимыми для Китая [1].

В данной статье предпринята попытка обозначить новые тренды в региональной политике Пекина и интеграционных процессах в Юго-Восточной Азии, связанных с «изменением имиджа» Китая, которые отражают как реальную позицию Китая, так и являются результатом умелого использования им создавшейся в регионе ситуации.

В 1990 г., по мере изменения международной ситуации, отношения между Китаем и ЮВА стали интенсивно развиваться. По инициативе министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня Пекин в качестве гостя присутствовал на 24-й встрече министров иностранных дел АСЕАН, которая состоялась в июле 1991 г. в Куала-Лумпуре. После этого КНР регулярно стала участвовать во встречах министров иностранных дел АСЕАН, видя свою главную задачу в участии в многосторонних механизмах, формируемых АСЕАН. В 1994 г. КНР в качестве

партнера АСЕАН по консультациям приняла участие в первом заседании регионального форума АСЕАН в Бангкоке, в июле 1996 г. стала партнером АСЕАН по всестороннему диалогу, в 1997 г. присоединилась к механизму сотрудничества Восточной Азии в форматах «АСЕАН+1» и «АСЕАН+3». Территориальные споры КНР в Южно-Китайском море и вооруженный конфликт с Филиппинами по вопросу о принадлежности островов Наньша в 1995 г. привели Китай и АСЕАН к подписанию в конце 2002 г. заявления о деятельности сторон в Южно-Китайском море и о разрешении территориальных споров мирным путем.

Принципиально новая расстановка сил на международной арене этого региона образовалась после экономического кризиса, разразившегося в Восточной Азии в 1997—1998 гг. Во время финансового кризиса, когда экономическая безопасность стран региона оказалась в состоянии коллапса, Пекин заявил о том, что юань не будет девальвирован, что укрепило доверие стран АСЕАН к Китаю. Таким образом, КНР начала уделять возрастающее внимание сотрудничеству со странами ЮВА в сфере нетрадиционной безопасности. Китай и АСЕАН уже плодотворно сотрудничают в таких сферах, как борьба с наркобизнесом и терроризмом, с контрабандой и трансграничными преступлениями, в области обеспечения морской безопасности, включая пиратство, предотвращения распространения пандемии и защиты окружающей среды. Китай вновь подтвердил способность и умение оказывать реальную помощь населению стран региона во время и после страшных землетрясений и цунами конца 2004 г. Правительство КНР оказало не только финансовую помощь пострадавшим странам, которая составила 120,5 млн долл. США, но и направило медработников и спасателей в районы бедствия. Сумма помощи, предоставленная со стороны западных стран и Японии, была несравненно больше, однако Китай тем самым продемонстрировал свою надежность и партнерские отношения со странами ЮВА.

Финансово-экономический кризис выявил неспособность ассоциированных государств выработать конкретную стратегию по выходу из кризиса и стал началом резкого ослабления АСЕАН как международной организации. Стала очевидной необходимость усиления многопрофильной интеграции восточноазиатских стран на региональном и субрегиональном уровне. Другим фактором, способствовавшим переходу от «глобализма» к «регионализму», стала разработка и принятие новой Концепции национальной безопасности КНР (1998 г.), где оптимальной моделью международных отношений признавалась многополярность и многостороннее сотрудничество.

После XVI съезда КПК, Китай резко активизировал деятельность по интеграции в форматах «АСЕАН+1» и «АСЕАН+3». Накануне вступления в силу Устава АСЕАН, Китай назначил Сюе Ханьцин первым послом при этой региональной организации. Пекин до этого имел посла только при ЕС. Генеральный секретарь АСЕАН Сурип Питсуван заявил, что, назначив посла при АСЕАН, «Китай еще раз продемонстрировал свое обещание и стремление к укреплению связей с АСЕАН и более тесному сотрудничеству с этой организацией» [2]. Плоды политики Пекина, направленной на тесную интеграцию в региональную экономику и региональные политические организации, уже дают реальные результаты.

Премьер-министр Малайзии М. Мохамад высоко оценил важность рынков КНР, Японии и РК: «Мы должны рассматривать Китай не как угрозу, а смотреть на китайскую экономику как на возможность для развития».

Следует признать, что существуют объективные предпосылки для взаимной конкуренции, поскольку обе стороны специализируются на экспорте трудоемкой продукции, заинтересованы в привлечении иностранных инвестиций, обладают богатыми запасами полезных ископаемых и испытывают недостаток в современных технологиях и квалифицированных кадрах. После вступления Китая в ВТО, в 2001 г., в соответствии с правилами этой организации, КНР начала снижать импортные тарифы, обострилась конкуренция за американский и европейский рынки, да и поток ПИИ, прежде всего из США, переключился на Китай. Важную роль в этой конкурентной борьбе играет гонконгский капитал, контролирующей значительную часть производства текстильной продукции в странах АСЕАН. С отменой квот на ввоз текстиля и одежды к 2005 г., производство изделий легкой промышленности из-за низкой себестоимости при высоком технологическом уровне начинает перемещаться в КНР. В последнее время это же касается и производства бытовой техники крупнейшими ТНК, которые переходят от отдельных технологических линий по сборке продукции к созданию в Китае полного производственного цикла.

Согласно мнению ведущих экспертов, в целом такая ситуация не оказывает отрицательного влияния на торгово-экономические отношения КНР и АСЕАН и даже в рамках регионального разделения труда стороны находят возможности для рационального привлечения инвестиций, развития ряда отраслей обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства.

С 2002 г. Китай и АСЕАН приступили к созданию к 2010 г. зоны свободной торговли. Аналогичное предложение в конце 2002 г. поступило АСЕАН от Японии, Индии и США. Заметим, что 15 августа 2009 г. в Бангкоке прошло 8-е совещание министров экономики и торговли Китая и АСЕАН, на котором было подтверждено, что САFTA (зона свободной торговли Китай — АСЕАН) будет создана в намеченный срок 1 января 2010 г., тогда будут введены нулевые пошлины на 90% видов товаров в двусторонней торговле.

В начале 2010 г. в мире появится созданная развивающимися странами крупнейшая зона свободной торговли с населением 1,9 млрд человек, ВВП составит около 6 трлн долл. США, а товарооборот — 4,5 трлн долл. США [3]. САFTA станет первой как для Китая, так и для АСЕАН.

Позже Китай и АСЕАН подписали соглашения о торговле, о торговле услугами и об инвестициях в рамках зоны свободной торговли.

Китай в 2003 г. первым из внерегиональных крупных держав присоединился к Договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА. Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и Декларация действий сторон в Южно-Китайском море служат правовой гарантией мира и стабильности в регионе. Из других внерегиональных держав примеру КНР последовала Индия.

Страны АСЕАН в ответ на это сделали важный шаг навстречу Пекину. В свою очередь, во время встречи в верхах на острове Бали они официально заявили об установлении отношений стратегического партнерства с КНР [4].

С 2003 г. вовлеченность Китая в дела своих соседей и, прежде всего стран ЮВА, существенно возросла и стала соответствовать новой региональной доктрине Пекина: «Добиться добрых отношений с соседями, сохранения спокойствия с соседями и сопроцветания с соседями».

До финансово-экономического кризиса 1998 г. ЮВА был одним из приоритетных регионов для иностранных инвесторов. Из поступавших в развивающиеся

страны Азии всех инвестиций на страны ЮВА приходилось 60%, а на долю КНР — менее 20%. Сейчас ситуация прямо противоположная: 60% приходится на Китай и 20% — на регион ЮВА. Только в 2001 г. приток инвестиций в ЮВА по сравнению с 2000 г. сократился на 6 млрд долл. США. В настоящее время Китай, вслед за Японией и Казахстаном, осуществляет массированные вложения в экономику Юго-Восточной Азии. В 2000 г. китайские инвестиции составили 108 млн долл. США. Картина по странам в 2008 г. выглядела следующим образом: Сингапур — 2,75 млрд долл. США, Вьетнам — 590 млн долл. США, Лаос — 2,14 млрд долл. США, Мьянма — 1,33 млрд долл. США. Также отмечена тенденция устойчивого увеличения объема китайских инвестиций в экономику Таиланда, Камбоджи, Индонезии и Филиппин. Наряду с ростом инвестиций, вкладываемых Китаем в страны АСЕАН, объем инвестиций стран АСЕАН в Китай в 2008 г. составил 52 млрд долл. США. Взаимные инвестиции Китая и АСЕАН непрерывно растут по мере реализации планов создания ЗСТ. В апреле 2009 г. китайская сторона заявила о предоставлении в ближайшие три-пять лет странам АСЕАН кредитов на сумму 15 млрд долл. США и о намерении учредить Фонд инвестиционного сотрудничества «Китай — АСЕАН» в размере 10 млрд долл. США [5]. Эти средства будут использованы на развитие транспортного сообщения и коммуникаций, реструктуризацию объектов сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности, что ускорит интеграционный процесс внутри АСЕАН, а также укрепит торгово-экономические связи Китая с АСЕАН.

Но если Япония и Южная Корея вкладывали инвестиции в обрабатывающую промышленность стран региона, то Китай предпочитает посредством своего капитала обеспечить гарантированные поставки природных ресурсов для быстро развивающейся экономики. Так, в 2002 г. третья по размерам нефтяная компания КНР СНООС вложила 585 млн долл. США в приобретение нефтеносных промыслов в Индонезии, ранее принадлежавших испанской корпорации Repsol-EPF. Помимо нефти, Китай проявляет интерес и к другим минеральным ресурсам региона, таким, например, как газ, уголь, лес, пальмовое масло.

Поэтому в среднесрочной перспективе китайская инвестиционная политика в регионе, скорее всего, не будет направлена в наиболее трудоемкие сферы производства, поскольку именно в этой сфере стороны представляют конкуренцию друг другу. Можно предположить, что в будущем для стран АСЕАН основным результатом САФТА станет ярко выраженный торговый дисбаланс в пользу Китая.

Уровень роста торговли между Китаем и странами АСЕАН за последние годы впечатляет и создает серьезные проблемы позициям Японии на этом рынке. В 2008 г. внешнеторговый оборот между Китаем и АСЕАН достиг 231,1 млрд долл. США при росте на 14%, стороны стали четвертым крупнейшим торговым партнером друг для друга.

По объему торговли с Малайзией в 2008 г. Китай вышел на четвертое место, в малазийском импорте доля КНР составила 12,8%, в экспорте — 9%. Товарооборот Китая с Малайзией составил более 53,47 млрд долл. США [6]. Однако уже за первые девять месяцев 2009 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером Малайзии. Был разработан План совместных действий по стратегическому сотрудничеству между Китаем и Малайзией, реализация которого предусматривает сотрудничество в экономике, финансах, сфере минеральных ресурсов, энергетике,

развитии инфраструктурных объектов, сельском хозяйстве, рыболовстве, образовании, науке и технике, туризме и обороне.

Сейчас 9,9% внешнеторгового оборота Сингапура приходится на Китай, который стал вторым торговым партнером Сингапура. Товарооборот Китая с Сингапуром составил более 50 млрд долл. США.

Для крупнейшей экономики ЮВА, Индонезии, Китай стал третьим значимым торговым партнером, вторым по объему импортером и четвертым экспортером. Товарооборот между Китаем и Индонезией превысил 30 млрд долл. США.

Приоритетными направлениями развития двусторонних связей являются углубление политического доверия; укрепление торгово-экономического сотрудничества; налаживание тесных контактов в многосторонних делах. КНР оказал посильную помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий. Китай и Индонезия продолжают и на международной арене в рамках ООН и «G20» двустороннюю кооперацию в торгово-экономической, инвестиционной и энергетической областях.

Вторым по объему торговым партнером Китай является также для Таиланда. Доля Китая в экспорте этой страны составила 9,1%, в импорте — 11,2%.

Для СРВ Китай стал крупнейшим торговым партнером, объем товарооборота достиг 15 млрд долл. США, крупнейшим импортером и третьим по величине экспортным рынком.

Несмотря на военный конфликт в недалеком прошлом между Пекином и Манилой, объем товарооборота составил 30 млрд долл. США. Китай стал третьим торговым партнером Филиппин после США и Японии. Основными товарами торговли между Китаем и Филиппинами является продукция сельского хозяйства и электроники.

Среди торговых партнеров Мьянмы и Лаоса Китай занял второе и третье место соответственно, а товарооборот между Китаем и Камбоджей достиг уровня в 1 млрд долл. США [7].

Настоящие результаты стали возможными благодаря тому, что в 1990-х гг. темпы роста объема торговли Китая с этими странами составляли в среднем 16% в год. В течение 2003—2007 гг. среднегодовой рост двусторонней торговли превышал 30%.

Ряд стран ЮВА опасаются заполнения их рынков и рынков третьих стран дешевой и качественной продукцией из Китая. Прежде всего, это касается текстильной промышленности, традиционной отрасли экспорта. Достаточно привести два следующих примера, чтобы показать реальность наступления китайских товаропроизводителей. Например, во Вьетнаме мотоциклы, импортированные из Китая или собранные из его деталей, составляют 70% всего парка, а китайская Suchuan Electric Group заняла ведущее положение на рынке кондиционеров в Индонезии уже через два года, после начала их поставок, оттеснив известные мировые компании.

Становится ясно, что страны ЮВА как в борьбе за иностранные инвестиции, так и за рынки сбыта начинают уступать Китаю. Возможно, странам АСЕАН, чтобы снять проблемы, связанные с обострением конкуренции с Китаем на мировых товарных рынках, необходимо срочно приступить к реализации структурных экономических реформ. Такая ситуация также вынуждает АСЕАН рассматривать Китай не только как конкурента, но и как

перспективный рынок, и оптимально ориентироваться на активное участие в развитии китайской экономики.

Активность Китая в АСЕАН основывается, прежде всего, на экономических соображениях. Хотя следует признать, что в эпоху глобализации экономические и политические факторы интеграционных отношений тесно переплетаются и разграничить здесь экономику и политику практически невозможно. Китай выступает за создание зоны свободной торговли в Восточной Азии под своей эгидой, для него очень важно первоначально сформировать мощный блок с участием АСЕАН. Несомненно, здесь не могла не учитываться и задача сдерживания США и Японии. Согласно мнению бывшего заместителя министра внешней торговли и экономического сотрудничества КНР Лун Юнту, решение Китая начать переговоры с АСЕАН о зоне свободной торговли диктовалось скорее политическими, нежели экономическими соображениями [8]. Кроме того, путем взаимодействия с ЮВА осуществляется взаимовыгодное развитие стран АСЕАН и юго-западных регионов КНР. В этом смысле можно утверждать, что сотрудничество Китая и АСЕАН является органической составной частью азиатской стратегии Пекина, в рамках которой китайский бизнес будет продвигать свое присутствие. В САФТА Пекин, возможно, видит реальную альтернативу организации АТЭС, в которой среди 21-й экономик Тайвань представлен как независимая сторона. Нельзя исключать и того, что, развивая региональное сотрудничество в направлении дальнейшего расширения интеграции, Китай попытается оставить Тайвань на обочине региональных торговых потоков. Китайская экономическая стратегия может быть подкреплена растущей военной мощью страны. Тесное взаимодействие экономических и военных успехов КНР способствует ее политической активности. Пекин не допустит доминирования какой-либо иностранной державы в регионе и региональных интеграционных процессов.

Среди многочисленных механизмов регионального сотрудничества в рамках АСЕАН формат «АСЕАН+Китай» является одним из основных. Он направлен на содействие процессу интеграции региональной экономики и на активизацию регионального сотрудничества в политической сфере. Основными принципами, на которых строится китайская стратегия в рамках форума, являются: создание климата доверия на основе взаимного уважения и равноправного диалога; отказ от копирования опыта других интеграционных объединений и соответствие реальным потребностям региона; использование превентивной дипломатии, главным образом, в сфере предотвращения и преодоления транснациональных угроз, а также нетрадиционных вызовов безопасности и сохранение ведущей роли АСЕАН в повышении уровня разработки политики и эффективности сотрудничества форума.

Наряду с многосторонним форматом сотрудничества, Китай активно расширяет двусторонние соглашения, в том числе и с АСЕАН. Кризис 1997—1998 гг. вступление в ВТО внесли определенные изменения в его политику: Китай начал активно использовать в сфере экономики двусторонние соглашения о свободной торговле и к началу 2006 г. вел переговоры по 27-ми таким соглашениям. Можно сказать, что двусторонняя дипломатия у Китая занимает более важное место, нежели многосторонняя в рамках ВТО, хотя эти двусторонние соглашения регистрируются в реестре Всемирной организации.

Пекин не устает повторять, что сотрудничество сторон представляет взаимный интерес, поскольку большинство стран АСЕАН, как и Китай, нуждаются в укреплении своей конкурентоспособности на мировых рынках.

Китай стремится показать, что соглашение с ним для АСЕАН создаст реальную возможность формирования новых торговых потоков. Согласно мнению Пекина, рост закупок Китаем сырья, продовольствия, инвестиционных товаров для совместного производства будет компенсировать неизбежное падение объемов торговли стран АСЕАН на рынках США, ЕС и Японии. На протяжении последнего десятилетия XX в. и первые годы нынешнего столетия наблюдался дефицит во взаимной торговле Китая со странами АСЕАН, а также снижение их доли во внешней торговле КНР с 58,3% в 1990—1994 гг. до 44% в 2004 г. Такое положение сложилось, прежде всего, из-за активных закупок китайскими предприятиями промышленного сырья, полуфабрикатов, энергоносителей по каналам внутри- и межфирменной торговли. Во-вторых, страны АСЕАН возводили более высокие протекционистские барьеры на пути китайскому экспорту. Поэтому инициативные шаги Китая по заключению соглашения с АСЕАН свидетельствуют о попытке защитить свои экономические интересы в регионе, выправить торговый баланс в свою пользу, укрепить торговые позиции.

События последних лет демонстрируют, что Китай внес определенные коррективы в свою стратегию политической и экономической интеграции со странами ЮВА. Свой первоначальный план по созданию ЗСТ в регионе Пекин дополнил существенным элементом: Китай перестал рассчитывать исключительно на зону свободной торговли со странами АСЕАН. В Пекине начали все более пристально рассматривать и другие альтернативные ей проекты, такие, например, как Куньминская инициатива и программа «Большого Меконга» (GMS), проект развития бассейна реки Меконг на границах Таиланда, Лаоса и Камбоджи. Выступая инициатором региональных проектов строительства инфраструктуры и развития, Китай, прежде всего, стремится развивать юго-западные районы страны. Известно, что на состоявшемся во Вьентьяне 3-м саммите по вопросам субрегионального экономического сотрудничества в бассейне Большого Меконга премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что «государства субрегиона Большого Меконга должны усиливать сплоченность, укреплять сотрудничество и придерживаться пути совместного развития и процветания». Заявление премьера Госсовета КНР стало реакцией Пекина на инициативы Токио. В ноябре 2007 г. в рамках саммита Восточноазиатского сообщества Япония пообещала представителям Вьетнама, Лаоса и Камбоджи выделить средства на их развитие и заявила о готовности «участвовать в развитии бассейна Меконга» [9]. Инициативы Японии подтверждают готовность Токио соперничать с Китаем даже там, где его влияние очень велико. Кроме того, Япония предложила Сингапуру, Брунею, Индонезии и Малайзии заключить соглашения о двусторонней свободной торговле, что может позволить этим странам рассматривать Токио как альтернативу Пекину.

Более того, инициатива Токио была на руку Таиланду, Камбодже, Вьетнаму и Лаосу, которые выражали озабоченность в связи с ухудшением экологии, сопряженную с освоением Большого Меконга. Они неоднократно заявляли, что строительство Китаем ГЭС, а также углубление речного фарватера в верховьях Меконга ухудшают экологическую среду в этих государствах. Например, 70% камбоджийцев живут за счет реки Меконг и озера Тунлиса.

В ходе визита премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, был подписан меморандум о взаимопонимании по вопросам трансграничной торговли электроэнергией и охране окружающей среды с представителями шести стран — участников субрегионального сотрудничества в бассейне Большого Меконга (Китай, Лаос, Вьетнам, Мьянма, Камбоджа и Таиланд). Напомним, что в принятых документах ничего не говорится о строительстве ГЭС в китайской провинции Юньнани, а также в Лаосе и в Камбодже.

Во Вьентьяне Вэнь Цзябао предложил начать строительство Трансазиатской железной дороги, чтобы связать регион железнодорожным сообщением. Китай выразил готовность выделить средства на строительство субрегиональной ветки Трансазиатской железной дороги.

Страны бассейна Большого Меконга являются одним из крупнейших энергетических партнеров КНР. Пекин заинтересован в постоянном увеличении поставок энергоносителей из этого региона в южные районы Китая, достаточно бедные энергоресурсами. Юго-западным провинциям КНР отводится существенная роль в программе «GMS». Так, в 2007 г. провинция Юньнань инвестировала 86 млн долл. США для создания совместных предприятий в страны Индокитая [10]. Аналогичную политику в регионе проводят Гуанси, Гуандун и другие инвестирующие китайские провинции.

Таким образом, строительство мощных ГЭС и прокладка железной дороги сыграют важную роль в обеспечении потребностей страны в энергетических и сырьевых ресурсах и усилении политического и экономического влияния Пекина в регионе.

Таиланд — традиционно очень дружественное Китаю государство. Более две трети населения Таиланда рассматривают Пекин как лучшего друга их страны. В свою очередь, Китай поддерживает социальное единство таиландского общества. С начала 2001 г. Пекин обязался приобретать у Таиланда рис, в котором Китай особо не нуждается. Это было расценено в странах ЮВА как демонстративный жест поддержки стране, которая оказалась в наиболее тяжелом положении в период азиатского кризиса и не получила должной поддержки со стороны США и Японии.

Китай и Таиланд совместно с АБР готовы к 2011 г. завершить строительство моста через Меконг, который соединит китайский Куньмин и столицу Таиланда Бангкок и обеспечит движение между Юго-Западом Китая и странами Индокитая. Стороны планомерно претворяют в жизнь Соглашение о расширении и углублении двустороннего торгово-экономического сотрудничества, предусматривающего кооперацию в области культуры, туризма, здравоохранения, подготовки технических специалистов для аграрного сектора, совместного преодоления негативного влияния международного экономического кризиса [11].

Китай оказывает незаменимую политическую, военную и финансовую поддержку Мьянме, находящейся после прихода к власти военных фактически в международной изоляции. «Западная модель здесь не пойдет» [12], — отметил представитель КНР Лю Чжэньминь. Китай выступает против введения санкций в отношении Мьянмы в СБ, считая ситуацию в Мьянме ее внутренним делом, которая не создает угрозы безопасности в регионе и в мире. Оказывая экономическую помощь Мьянме, Пекин способствует разрешению политических проблем страны и решает задачи социально-экономического развития юго-

западных регионов Китая. Поддержав янгонский режим, Китай, под предлогом обеспечения гарантий свободы своего судоходства в Малаккском проливе, попутно разместил свои военные корабли на Араканском побережье, недалеко от индийской границы. Строительство нефтепровода «Китай — Мьянма» позволит проложить в юго-западном районе КНР наземный маршрут для импорта нефти и природного газа. Китай зависит от доставки энергетических ресурсов морскими путями, так как через Малаккский пролив транспортируется более половины импортируемой Китаем нефти.

Данный трубопровод будет способствовать диверсификации маршрутов транспортировки нефти и обеспечивать энергетическую безопасность Китая. Проектная мощность нефтепровода составит 22 млн т нефти в год [13]. 11 июля 2009 г. китайский город Нанкин и столица Мьянмы Янгон официально стали городами-побратимами.

Для Камбоджи Китай является главным инвестором и близким торговым партнером. Во время азиатского кризиса Китай предоставил кредиты и гранты Камбоджи на 190 млн юаней. Лаос, имеющий общую границу с Китаем, традиционно был крайне чуток к любым китайским инициативам.

Несмотря на сложности межпартийных и межгосударственных отношений, Вьетнам связывает с Китаем общность политической и экономической системы и зависимость от китайского рынка и инвестиций. Согласно имеющимся данным, в 2007 г. китайско-вьетнамский товарооборот достиг 15,1 млрд долл. США [14].

В 2009 г. ожидается ввод в эксплуатацию автомобильного моста протяженностью 295 м через реку Хунхэ, который соединит китайский уезд Хэкоу и вьетнамский город Лаокай. Стоимость проекта 9,47 млн долл. США. Более половины расходов берет на себя китайская сторона, остальную — вьетнамская. Теперь из Куньмина, центра провинции Юньнань, до Ханоя дорога займет всего лишь 13 часов [15].

Активное участие в разработке совместных проектов с Вьетнамом, Камбоджой, Лаосом и Мьянмой соответствует стратегии Пекина по оказанию помощи слабо развитым странам АСЕАН на основе реализации принципа «взаимной выгоды и совместного выигрыша».

Исторические судьбы континентальных стран ЮВА традиционно были переплетены с Китаем. Во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе и Мьянме было более отчетливо выражено китайское присутствие и влияние. За исключением Таиланда и Вьетнама, все страны, участвующие в проекте «GMS», — это наиболее экономически и политически зависимые и «прокитайские» во всем регионе.

Новые тенденции в интеграционных процессах стран Восточной Азии наблюдаются в условиях мирового финансового кризиса. Китай и АСЕАН предложили содействовать диверсификации и росту торговли; наращивать взаимные инвестиции, углублять сотрудничество в области финансов; укреплять и стимулировать развитие регионального сотрудничества. Известно, что международный финансовый кризис, начавшийся в США, оказывает сильное колебание на обменный курс конвертируемых валют. В связи с этим 1 июля 2009 г. Госсовет КНР ввел в экспериментальном порядке в Шанхае и четырех городах провинции Гуандун — Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай и Дунгуань — расчеты в китайской национальной валюте в трансграничной торговле. Географически проект охватывает районы Сянган, Аомэнь и страны АСЕАН.

Народный банк Китая и Банк Негара Малайзия 8 февраля 2009 г. подписали договор сроком на три года о валютном свопе. Лимит по операциям «валютный своп» составит 80 млрд юаней со стороны Китая и 40 млрд ринггитов со стороны Малайзии. НБК подписал аналогичные соглашения с Центробанком Республики Корея и Финансовым управлением САР Сянган [16].

Начало сотрудничества стран Восточной Азии в финансовой сфере было положено во время Азиатского кризиса, который выявил незащищенность их финансовых рынков от атак международных валютных спекулянтов и привел к реформированию деятельности существующих международных финансовых организаций. Тогда начали озвучиваться различные предложения по образованию валютного союза стран АСЕАН, введению для них единой валюты и учреждению Азиатского валютного фонда для самостоятельного, без участия МВФ, разрешения кризисных ситуаций в Восточной Азии с уставным капиталом в 100 млрд долл. США. По известным причинам идея подверглась резкой критике со стороны МВФ и США.

Япония для защиты валютных рынков стран региона предложила размещение центральными банками стран — участников финансового пула ликвидных депозитов на специальных счетах, главным образом в долларах. Причем в необходимых случаях участники пула могли бы давать разрешение на продажу этих средств со своих счетов на рынке пострадавшей страны для укрепления ее национальной валюты (валютный своп). На встрече министров финансов стран группы «АСЕАН+3» в мае 2000 г. в Чиангмае (Таиланд) такое соглашение было подписано и получило название Чиангмайской инициативы. Следуя данной инициативе, страны — участники группы «АСЕАН+3» начали заключать двусторонние соглашения о взаимной конвертации национальных валют и расширили объем операций в рамках регионального соглашения о валютном свопе между Брунеем, Индонезией, Малайзией, Сингапуром, Таиландом и Филиппинами. Однако Чиангмайская инициатива является хотя и существенным, но лишь началом в создании надежной региональной финансовой системы [17].

В рамках Чиангмайской инициативы министры финансов стран группы «АСЕАН+3» в мае 2009 г. достигли единства мнений по вопросам заключения договора с целью создания регионального резервного валютного фонда, приняли решение углубить взаимодействие в финансовой сфере, ускорить создание независимого органа по наблюдению за региональной экономикой и завершить формирование азиатского рынка облигаций. Китай намерен вложить 200 млн долл. США в фонд регионального кредитного страхования и инвестиционного механизма [18].

Таким образом, созданы реальные возможности для формирования Азиатского валютного фонда и интеграции финансовых систем стран Восточной Азии. При этом ключевая роль Японии дополняется возрастающей финансовой активностью Китая.

Распад СССР и переход от биполярной к многополярной системе были оценены Китаем как возможность укрепить свое положение в регионе. С конца 1990-х гг. все более заметное звучание стал приобретать «китайский стимул». Пекин, продвигая собственные национальные интересы, пытается играть на факторе своего превращения в региональную державу, осуществляя интеграцию по личному сценарию. Существенные шаги в этом направлении — официальное

присоединение Пекина к Балийскому договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, предложение АСЕАН в 2002 г. «стратегического партнерства», в котором зоне свободной торговли отводится роль важного, но не единственного компонента. Другими компонентами концепции являются инициирование ряда совместных региональных проектов, включая борьбу с нетрадиционными угрозами и вызовами.

В области безопасности Пекин присоединился к Декларации действий сторон в Южно-Китайском море. Китай назначил своего посла в АСЕАН.

Анализ ситуации в 1997—1998 гг. и в период нынешнего экономического кризиса свидетельствует о том, что Пекин стал мощным фактором развития региона и не собирается ограничиваться созданием ЗСТ только со странами АСЕАН.

Выработка и реализация стратегии в отношении ЮВА являются в иерархии национальных интересов КНР главной задачей китайской дипломатии. Политика Китая в регионе формируется под воздействием многих факторов, в том числе и тех, которые не всегда зависят от действий Пекина. Поэтому элита КНР осознает, что становление и сохранение лидирующих позиций в Юго-Восточной Азии в политической, военно-стратегической, экономической и других сферах требуют долговременных выверенных действий со стороны Пекина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусев М. АСЕАН — КНР: новые экономические ориентиры // *Азия и Африка сегодня*. — 2003. — №10. — С. 10—11.
2. Синьхуа. — 2009, 26 октября.
3. Там же.
4. Канаев Е. АСЕАН и Россия: отношения после «холодной войны» // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2007, февраль. — №2. — С. 67—74.
5. Синьхуа. — 2009, 7 августа.
6. Там же. 2009, 5 июня.
7. Там же. 2009, 21 октября.
8. Мосяков Д. Китай и страны АСЕАН // *Азия и Африка сегодня*. — 2004. — №8. — С. 2—5.
9. Mathur, A. Japan's Changing Role in the US-Japan Security Alliance // *Strategic Analysis*. — New Delhi, 2004. — V. 28. — No. 4.
10. The Straits Times. — 2007, 24 January.
11. Синьхуа. — 2009, 25 июня.
12. Там же. 2009, 14 июля.
13. Там же. 2009, 22 июня.
14. Там же. 2009, 20 апреля.
15. Там же. 2009, 30 марта.
16. Там же. 2009, 9 апреля.
17. Поталов М. Куда идет экономическая интеграция в Восточной Азии? // *Мировая экономика и международные отношения*, 2006. — №9. — С. 59—73.
18. Синьхуа. — 2009, 21 августа.

Системная технология административно-правового регулирования государственного менеджмента

ГАЛИЕВ Т.Т., БАЙГЕЛДИ Г.С.

Процесс правового воздействия на общественные отношения, согласно мнению М.М. Рассолова, может характеризоваться как совокупность следующих этапов управления [1]:

- определение целей правового воздействия на общественные отношения;
- формирование «программы» будущих действий субъекта регулирования;
- выявление дополнительных потребностей социально-правового развития;
- сбор информации, ее обработка и оценка;
- определение взаимосвязей правового воздействия;
- приведение в движение системы на основе имеющейся информации;
- подготовка в результате анализа данных проекта решения и его принятие;
- реализация решения;
- оценка эффективности результатов правового воздействия.

Представленные выше этапы управления, характеризующие процесс правового воздействия на общественные отношения, в целом соответствуют нашей точке зрения о системной технологии административно-правового регулирования государственного менеджмента. Данная системная технология объединяет процедуры конструирования концептуальной модели соответствующей системы как средства достижения поставленной цели (целей) и системного изучения используемой при этом информации.

Система административно-правового регулирования рассматривается нами как информационная. Ее конструированию предшествует системное структурирование и изучение информации, касающейся: существующей ситуации, состояния области знаний; выявленных проблем; возможностей их решения (состояние законодательства).

Общий вид модели технологии системного структурирования, представления и изучения информации о рассматриваемом объекте показан на рисунке [2], где:

1. Цель (цели) и задачи правового регулирования государственного менеджмента (рис., позиц. 1).
2. Основная информация, касающаяся указанного правового регулирования, в том числе (рис., позиц. 2):

1) информация о субъектах, основных принципах, содержании, формах, методах, средствах правового регулирования государственного менеджмента;

2) информация о системе правового регулирования государственного менеджмента в условиях воздействия на объекты управления и взаимодействия с внешней средой (структура системы, основные свойства и характеристики, функции системы и ее компонентов, интегративные свойства системы и т.д.).

3. Совокупность деятельностей, обуславливающих выявление, изучение, обобщение, представление и т.д. системной информации о правовом регулировании государственного менеджмента, в том числе (рис., позиц. 3):

1) методологический подход, обуславливающий методологическую деятельность по исследованию, разработке и реализации методологических аспектов и средств;

2) аналитический подход, обуславливающий аналитическую деятельность, включая системный анализ;

3) изучение и учет (внешних и внутренних, положительных и отрицательных) влияющих факторов и последствий их влияния на эффективность правового регулирования государственного менеджмента;

4) исследовательский подход, обуславливающий научно-исследовательскую деятельность в области административного права, правового регулирования государственного менеджмента, государственного менеджмента и управления в целом, включая: поиск и обобщение результатов уже проведенных и зафиксированных в периодической литературе, монографиях, отчетах, авторефератах и т.д. научных исследований, имеющих отношение к изучаемой проблеме;

5) проблемный подход, обуславливающий деятельность по выявлению, формулированию и исследованию проблем и проблемных ситуаций, относящихся к правовому регулированию государственного менеджмента, а также поиску путей их решения;

6) поиск и обобщение зарубежного и отечественного опыта в области познания, разработки и реализации правового регулирования государственного менеджмента;

7) практический подход, обуславливающий деятельность по изучению существующей практики правового регулирования общественных отношений в сфере управления, практическому решению поставленных задач, реализации системного подхода и т.д.;

8) прогноз состояния правового регулирования государственного менеджмента;

9) синтетический подход, обуславливающий деятельность по системному синтезу и обобщению изучаемой информации, относящейся к изучаемым вопросам;

10) инновационный подход, обуславливающий деятельность по совершенствованию и развитию правового регулирования государственного менеджмента.

4. Результаты системного структурирования, представления и изучения информации о правовом регулировании государственного менеджмента (рис., позиц. 4).

5. Внешняя среда, в которой осуществляется реализация правового регулирования государственного менеджмента (рис., позиц. 5).

Рис. Общая схема системного структурирования и изучения информации о правовом регулировании государственного менеджмента

6. Обратная связь, служащая своевременному принятию решений по корректировке, совершенствованию и развитию компонентов правового регулирования, действий (деятельностей) по системному структурированию и изучению информации о правовом регулировании соответствующих общественных отношений, регулированию возникающих в процессе правового регулирования различных отклонений, включая конфликты и т.д. (рис., позиц. 6):

1. На основе поставленной цели конструируется концептуальная (математическая и иная) модель интегрированной системы административно-правового регулирования государственного менеджмента.

2. Для компонентов сконструированной интегрированной системы разрабатываются целевые программы.

3. Разрабатывается система управления интегрированной системой и целевыми программами.

4. Осуществляется реализация интегрированной системы и целевых программ как средств достижения цели и решения поставленных задач.

5. В процессе достижения цели и решения поставленных задач осуществляется получение, обработка, представление и использование полученных результатов, в том числе для контроля, оценки и прогноза состояния рассматриваемого объекта.

Технологии, о которых сказано выше, способствуют:

1) ускоренному, эффективному и целостному познанию изучаемых объектов (в т.ч. в условиях их полной или частичной неопределенности) при минимизации затрат;

2) выявлению системной информации об изучаемом объекте и использованию ее для достижения целей и решения поставленных задач;

3) эффективному повышению информационной емкости изучаемых объектов;

3) формированию и развитию умений и навыков системно-творческого мышления и системного подхода в теоретической и практической деятельности субъекта;

4) обогащению и развитию знаний и деятельности, относящихся к изучаемому объекту;

5) решению иных вопросов познания и преобразования окружающей действительности.

С точки зрения системного подхода правовое регулирование государственного менеджмента является интегрированным объектом, для исследования и реализации которого целесообразно конструировать соответствующую интегрированную систему, концептуальная модель которой включает:

1 — основные компоненты интегрированной системы изучаемого объекта (правовое регулирование государственного менеджмента), в том числе:

1.1 — модель системы изучаемого объекта (правовое регулирование общественных отношений в сфере государственного менеджмента);

1.2 — подсистемы, обеспечивающие устойчивое функционирование изучаемой системы;

1.3 — область знаний, относящаяся к изучаемому объекту (административному праву, административному законодательству, правовому регулированию государственного менеджмента, государственному менеджменту и управлению в целом и т.д.) и остальным компонентам;

2 — известные объекты внешней среды, на которые воздействуют субъекты государственного менеджмента и с которыми рассматриваемая система взаимодействует;

3 — влияющие (внешние и внутренние, положительные и отрицательные) факторы, способные изменить состояние правового регулирования государственного менеджмента и его компонентов, а также изучение и учет существующих и ожидаемых последствий от воздействия этих факторов;

4 — целевые программы (ЦП) и подпрограммы (ЦПП) как продукты реализации системы правового регулирования государственного менеджмента;

5 — интегрированная система управления сконструированной системой, целевыми программами и подпрограммами, а также отдельные аспекты самоуправления объектов государственного управления;

6 — реализация интегрированной системы правового регулирования государственного менеджмента и целевых программ (подпрограмм);

7 — основные результаты реализации интегрированной системы правового регулирования государственного менеджмента, целевых программ и подпрограмм:

- достижение целей и решение поставленных задач;
- совершенствование и развитие области знаний;
- обеспечение необходимой эффективности воздействия на объекты управления, необходимого взаимодействия с объектами внешней среды, а также их возможное в этой связи совершенствование и развитие;
- совершенствование и развитие системы;
- совершенствование и развитие целевых программ и подпрограмм;
- совершенствование и развитие интегрированной системы управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рассолов М.М. Проблемы управления и информации в области права. — М.: Юридическая литература, 1991. — 208 с. (С. 14).
2. Галиев Т.Т., Тлеухан Н.Т. Правовой мониторинг: теоретико-методологический аспект. — Астана: Изд-во Парламента РК, 2008. — 234 с. (С. 59).

Основные направления, проблемы и перспективы развития женского движения в Республике Казахстан

ДУНЕНКУЛОВА Г.А.

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев неоднократно отмечал, что «в Казахстане современное положение женщин в обществе предполагает рост их лидерства» [1]. Сейчас наступило время для того, чтобы женщины активно проявляли себя в политике. Причем власть на всех уровнях необходима женщинам, чтобы решать конкретные социальные вопросы. Одним из векторов данного направления является развитие женских движений со своими принципами поведения и системой духовных ценностей, с широкой палитрой целей и задач. Активизация женских организаций наблюдается с конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. и связана с появлением Закона об общественных объединениях. Это время характеризуется первыми пробами сил в независимой деятельности: формированием команд (часто число активных участников ограничивалось одним-двумя лидерами), налаживанием контактов с аналогичными организациями своего региона, иностранными фондами, представительства которых появились в г. Алматы, пробными контактами с представителями государственных структур.

Всемирный Форум неправительственных женских организаций и Четвертая конференция ООН по правам женщин в г. Пекине (1995 г.), делегатами которых были казахстанские женщины-лидеры, открыли новые возможности для определения целей формирующегося женского добровольческого сектора.

Общая ситуация в республике 1995—2000 гг. определила изменения деятельности женских НПО в сторону социальных программ. К ним присоединяются организации социальной направленности, которые прежде не называли себя женскими, но работали в области проблем семьи, детей-инвалидов и других социально уязвимых слоев населения. Появляются организации, способные самостоятельно находить средства на поддержку наиболее социально необеспеченных групп населения. Используется спонсорская помощь, гранты иностранных фондов, членские взносы, начинают открываться представительства в регионах.

Лидеры неправительственных организаций принимают участие в работе над новой национальной политикой по отношению к этим группам, включая финансовые условия поддержки, в частности в форме государственного социального заказа. Ведь основная сфера деятельности женских НПО — защита социально необеспеченных слоев населения, помощь женщинам-предпринимателям, про-

движение женских проблем в обществе через средства массовой информации, организация конференций по проблемам женщин.

Все же необходимо признать, что происходящие в республике демократические процессы, образование Комиссии по делам женщин, неоднократные выступления Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на международных форумах о положении женщин в Казахстане способствовали осознанию женской социально-демографической группой специфичности своих политических интересов. Можно предположить, что это становится своего рода катализатором, который в значительной мере подтолкнет женщин к самостоятельным действиям, к активному личному участию в решении женских проблем.

Женщины Республики Казахстан имеют равные с мужчинами права на участие в политических организациях. Во множестве новых неправительственных организаций, возникших в последние восемь-десять лет, за исключением большинства политических партий, женщины занимают доминирующее положение. В последние годы в Казахстане сформировалось довольно сильное феминистское неправительственное движение, которое с 1998 г. пытается оказывать влияние на политику.

Осенью 1998 г. образована коалиция «Женские избирательные инициативы», в которую первоначально вошли 20 наиболее известных феминистских организаций. В августе 1999 г. коалиция направила всем зарегистрированным партиям меморандум с требованием включить в партийные списки для парламентских выборов не менее половины женщин. В июне 1999 г. для поддержки женщин-кандидатов образован общественный фонд «Женский избирательный блок».

Общепризнанно, что центром феминистского движения Казахстана является г. Алматы, бывший до недавнего времени столицей Казахстана. Это обусловлено высоким уровнем общественной, культурной и политической активности в данном регионе, а также тем, что в г. Алматы наибольший процент женщин (на 1000 мужчин — 1197 женщин).

Феминистские организации оказывают некоторое влияние на изменение законодательства в области равенства прав и возможностей полов. В частности, предложенные Феминистской лигой поправки о брачном возрасте вошли в новый Закон РК «О браке и семье».

В конце 1998 г. в г. Алматы Ассоциацией деловых женщин Казахстана при содействии британского фонда, представительства ООН в Казахстане и нескольких других международных организаций был проведен республиканский семинар на тему «Стратегия женского политического лидерства в демократическом обществе». В нем приняли участие 30 наших соотечественниц из разных регионов. Все они принимали участие в предвыборной борьбе в Республике Казахстан за мандаты депутатов маслихатов и парламента.

Данный семинар явился вторым этапом обучения (согласно международному проекту «Женщина и политика»), проводимого Ассоциацией деловых женщин Казахстана. На первом этапе в различных областях страны подготовлены около 100 женщин, которые содействовали в разных регионах продвижению женщин-лидеров на выборах. Подготовить женщин для вхождения во власть, дать своеобразный импульс для появления уверенности в своих силах — это важнейшая задача современности.

Опрос 2000 участниц, проведенный Ассоциацией социологов и политологов г. Алматы (АСиП), показал, что появление женской политической партии можно считать началом формирования в Казахстане одной из перспективных форм социальной солидарности — женской солидарности. На вопрос, верите ли вы в то, что политическая активность женщин обеспечит подъем экономики и демократический прогресс Казахстана, 68,7% опрошенных ответили «да», 15,8% — «нет», 15,5% — затруднились с ответом [2].

Все же здесь не следует забывать, что соотношение социальных и политических проблем в сознании женщин меняется крайне медленно, и поэтому большинство вопросов, имеющих социальную окраску, воспринимаются сугубо политическими. Именно в этих условиях изменяется политическое положение женщин. Тем не менее стоит отметить, что процесс выработки и принятия политических решений остается пока прерогативой мужчин. Слабо представлены женщины на руководящих должностях даже в таких областях, как образование, искусство, культура, средства массовой информации, несмотря на то, что здесь в преобладающем большинстве заняты именно женщины.

Демократические процессы преобразования политической системы, происходящие в Казахстане, охватывают все сферы общественной жизни. Старый миф о полной эмансипации женщин в условиях государственного патернализма разрушен. В настоящее время происходит становление новой модели развития общественного организма, в котором все возрастающую роль призваны играть женщины. Вместе с тем можно предположить, что дальнейшая политизация женской активности, вылившаяся уже в создание политических женских партийных организаций, будет способствовать дальнейшему объединению или хотя бы консолидации усилий многочисленных женских НПО.

Сегодня перед женскими организациями стоит задача приобщения слабого пола к основам политической культуры, к развитию их способностей и, что немаловажно, воспитания женской солидарности. И вместе с тем мы становимся свидетелями формирования новых и развития существующих женских НПО.

В мае 2006 г. в г. Кызылорде состоялась презентация первой в республике Школы женского лидерства. А 31 июля 2006 г. в г. Алматы открылся первый в Казахстане Центр экономического и политического образования женщин, созданный в рамках социально-значимого проекта под эгидой департамента внутренней политики горакамата совместно с Алматинской конфедерацией НПО [3].

В новом центре будут обучаться женщины, желающие быть лидерами во всех трех секторах общества: государстве, бизнесе и неправительственных организациях. В будущем центр подготовит базу данных женщин-лидеров г. Алматы, участвующих в экономической, политической и общественной жизни.

В целях реализации Стратегии тендерного равенства в Казахстане на 2006—2016 гг., разработанной Национальной комиссией и успешно продвигаемой в разных сферах общества, и было решено создать республиканскую сеть школ женского лидерства. Упомянутая стратегия предусматривает достижение 30-процентного представительства женщин на всех уровнях власти. Обучение в подобных центрах и школах стало для женщин большим стимулом в продвижении своих бизнес-идей и самореализации [4].

Кроме того, такие центры призваны научить общество адекватно воспринимать женщин-лидеров, ведь опыт многих стран мира показывает, что увеличение

числа женщин в представительных органах власти способствует реализации тендерной политики.

В декабре 2006 г. в стране прошли выборы акимов городов и районов — прекрасный повод для женщин проявить себя и попытаться занять лидирующую позицию. Были приняты определенные меры, направленные на активное выдвижение женщин в кандидаты. Однако лишь в трех областях (Акмолинской, Павлодарской и Костанайской) были претенденты на пост акима среди представительниц прекрасной половины.

В своей статье «Гендер и выборы» профессор Л.С. Ахметова акцентирует внимание на то, что «проблема тендера и женщин во время выборной кампании <...> 2007 г. практически не была озвучена. За редким исключением, СМИ на эту тему в основном молчали» [5]. Отмечались лишь вялость и спокойствие предвыборных кампаний претендентов. Редактор журнала «Континент» Султан Акимбеков вполне объективно выявил причину этого: «Подготовка к парламентским выборам 18 августа в Казахстане идет в спокойной, даже скучной манере. Складывается впечатление, что каждый из претендентов на место в парламенте пытается разыграть свою партию, но не очень при этом старается. Но, самое главное, наверное, заключается в том, что в нынешней предвыборной кампании нет надрыва и тревожного ожидания революционных перемен. Возможно, причина довольно рутинного хода нынешних предвыборных мероприятий, несмотря на всю новизну и революционность самой концепции перехода к пропорциональной системе выборов, заключается в том, что общество в Казахстане, в отличие от 2004 и 2005 гг., не ждет каких-либо перемен. Тогда на ход избирательных кампаний вольно или невольно оказывали влияние успешно проведенные к этому времени в Грузии, на Украине и в Кыргызстане «цветные революции» [6].

Национальной комиссией по делам семьи и тендерной политики при Президенте Республики Казахстан совместно с международными и неправительственными организациями за последние три года проведено более 1200 конференций, тренингов и семинаров во всех регионах страны.

Сеть лидерских школ в Республике Казахстан существует с 2006 г., и к концу 2007 г. в нее входили 35 казахстанских НПО. Основной идеей является подготовка женщин — кандидатов в депутаты во всех регионах с целью достижения 30-процентного их представительства на уровне принятия решений. Такая задача была поставлена Президентом РК, но, к сожалению, хорошо написанные законы у нас не всегда соблюдаются.

В 2006 г. ОО «Союз женщин интеллектуального труда» провело социологический опрос «Хотят ли женщины во власть». Из более 1000 анкетированных только 10% ответили положительно. Причины такой ситуации достаточно банальны:

- отсутствие денег на проведение агитационной политики;
- пристальное внимание с сомнениями по принципу «а сможет ли?»;
- стереотипное представление женского образа, то есть ее место у плиты [7].

29 августа 2007 г. газета «Казахстанская правда» печатает беседу уполномоченного по правам человека (омбудсмана) Б. Байкадамова с депутатом Мажилиса Парламента РК А. Самаковой «Вопросы тендера решаю» [8]. В данной беседе отмечено, что в прошлом в Парламенте РК было только 9% женщин, в маслихатах — 17%. Данные по Мажилису Парламента РК и Маслихату г. Алматы на сентябрь 2007 г. представлены в следующих таблицах:

Табл. 1. Гендерный подход согласно партийным спискам [9]
(Июль 2007 г.)

Название	Количество кандидатов	Из них — женщины	Процентное соотношение женщин
Нур Отан	126	18	14,3
ОСДП	80	13	16,3
Партия патриотов Казахстана	11	1	9,0
Руханият	9	3	33,3
Казахстанская социал-демократическая партия «Ауыл»	33	2	6,0
Коммунистическая народная партия Казахстана	20	3	15,0
Демократическая партия Казахстана «Ак жол»	98	14	14,3

Табл. 2. Депутаты Мажилиса Парламента РК четвертого созыва, избранные на выборах 18 и 20 августа 2007 г. [10]
(Сентябрь 2007 г.)

	Всего	Из них — женщины	Процентное соотношение женщин
Партия «Нур Отан»	98	15	15,3
Ассамблея народа Казахстана	9	2	22,2
ИТОГО	107	17	15,89

Табл. 3. Гендерный подход согласно спискам депутатов третьего созыва, кандидатов в депутаты и депутатов в Маслихат г. Алматы четвертого созыва [11]

Наименование	Всего	Из них — женщины	Процентное соотношение женщин
Депутаты третьего созыва	37	6	16,2
Кандидаты в депутаты Маслихата	126	27	21,4
Депутаты Маслихата г. Алматы	37	4	10,8

Кандидатами в депутаты от партии «Нур Отан» было 18 женщин, что составило 14,3% от общего количества. Что удивительно, такое же количество женщин в процентном соотношении кандидатами в депутаты дала партия «Ак Жол».

Депутатами от партии «Нур Отан» стали 15 женщин, что составляет от общего количества 15,3%. Всего депутатов-женщин — 17, или 15,89% от общего количества. Можно радоваться, продвижение есть!

Но в Маслихате г. Алматы наблюдается несколько иная картина. Кандидатами в депутаты (в основном самовыдвиженцы) стали 27 женщин, или 21,4%. Депутатами были избраны 4 женщины, что составляет 10,8%.

В г. Алматы было 37 избирательных округов. В 12-ти округах женщин — кандидатов в депутаты не было. Хотя была поставлена задача Республиканской сетью школ женского лидерства, чтобы в каждом избирательном округе была женщина — кандидат в депутаты. В 4-х избирательных округах кандидатами в депутаты было по две женщины из трех-пяти кандидатур. И в 12-м избирательном округе было всего два кандидата в депутаты, и они были женщинами! [12].

Удивительная складывается картина: приобретено по Мажилису 6,89%, по Маслихату г. Алматы потеряно 6,2%. Конечно, то что женщин стало больше в Мажилисе Парламента страны — это здорово! Процентное соотношение женщин во власти практически оказывается на одном и том же месте, что и было в 2004 г.

Все это в целом позволяет не просто принять во внимание слова Президента нашей республики Н.А. Назарбаева, но и воспринять их как своего рода обещание: «От всего сердца, от всей души желаю и мечтаю, чтобы женщины Казахстана были счастливыми, чтобы на их лицах была улыбка, чтобы душа была у них спокойна за страну, за детей. <...> Государство и далее будет способствовать развитию тендерной политики, продвижению женщин во всех сферах. <...> Уважайте и цените женщин не только 8 Марта, но всегда, и помните, что все же женщины управляют миром, а не мужчины» [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Выступление на II-м Форуме женщин Казахстана // Казахстанская правда. — 1998, 25 декабря.
2. Нысанбаева А.М. Политические аспекты деятельности женских организаций Казахстана. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. — Алматы, 2004. — С. 26.
3. Мелешева О. И финансовая независимость // Казахстанская правда. — 2006, 1 августа.
4. Вержбицкая Н. Новый этап социальной политики // Вечерний Алматы. — 2006, 21 февраля.
5. Ахметова Л.С., Григорьев В.К. Измерение демократии на выборах. — Алматы, 2007. — 268 с.
6. Акимбеков С. Выбор друга? // Континент. — 2007, 15—28 августа.
7. Фомичева В. Женщина тоже хочет быть депутатом // Взгляд. — 2007, 27 июля.
8. Байкадамов С., Самакова А. Вопросы тендера решая // Казахстанская правда. — 2007, 29 августа.
9. Казахстанская правда. — 2007, 13, 17, 19 июля.
10. Казахстанская правда. — 2007, 21, 25 августа.
11. Депутаты Маслихата г. Алматы третьего созыва. — Алматы, 2004. — 80 с.
12. Ахметова Л.С., Григорьев В.К. Указ. соч. С. 207.
13. Назарбаев Н.А. Миром правят женщины // Время. — 2006, 9 марта.

Устойчивое развитие: проблемы определения и реализации

СЫРЛЫБАЕВА Б.Р.

На сегодняшний день в литературе имеется более 60-ти определений устойчивого развития (УР). Наиболее распространенной является дефиниция, приведенная в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) «Наше общее будущее» (1987 г.) [1], выполненном по заданию ООН коллективом исследователей под председательством премьер-министра Норвегии (1986—1989 гг.) г-жи Гру-Харлем Брундтланд.

Определение комиссии Брундтланд гласит: «Устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Оно включает два ключевых понятия [2]:

- понятие потребностей, в частности потребностей, необходимых для существования беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного приоритета;
- понятие ограничений, обусловленных состоянием технологии и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности.

Имеются и другие дефиниции устойчивого развития, среди которых можно выделить следующие:

- развитие, которое не возлагает дополнительные затраты на следующие поколения;
- развитие, которое минимизирует отрицательные внешние эффекты (экстерналии) между поколениями;
- развитие, которое обеспечивает постоянное простое и/или расширенное воспроизводство производственного потенциала на перспективу;
- развитие, при котором человечеству необходимо жить только на проценты с природного капитала, не затрагивая его самого.

Приведенные определения можно рассматривать как сквозь призму экономических отношений поколений: внутри современного поколения (в частности, социальный аспект, проблема бедности), так и между поколениями (эколого-экономический аспект).

Ключевыми проблемами устойчивого развития в докладе Брундтланд были названы следующие:

- сокращение природной базы человеческой жизни;
- неравное распределение доходов и активов;

- рост уровня бедности;
- угроза миру и безопасности.

Хозяйственная деятельность человека представлена в данном документе, с одной стороны, как движущая сила, вызывающая большинство экологических проблем, а с другой — как потенциальная сила, обуславливающая изменения к лучшему. Генеральной мыслью доклада является необходимость сбалансировать деятельность человека со способностью природы к самовосстановлению.

Отчет МКОСР «Наше общее будущее» включает в себя ряд принципиальных положений, которые можно сгруппировать следующим образом [3]:

- обеспечение долговременного устойчивого экономического роста с целью удовлетворения разумных потребностей ныне живущих людей и будущих поколений;
- изменение содержания и качества роста на основе сохранения и укрепления ресурсной базы и экологического потенциала;
- обеспечение устойчивого уровня численности населения, соответствующего производительному потенциалу эколого-экономических систем, что требует согласования демографической политики с программами социально-экономического развития;
- удовлетворение основных потребностей людей, прежде всего беднейших слоев населения, и предоставление им возможности реализовать свои надежды на улучшение жизни;
- интеграция политических, экономических, технологических, правовых, социальных, экологических и международных аспектов устойчивого развития.

Исходя из вышеизложенного, задачи экономического и социального развития любой страны мира, независимо от вида общественного устройства, должны определяться на основе принципов устойчивости и соответствия экологическому императиву.

Выводы и рекомендации комиссии Брундтланд получили положительную оценку Генеральной Ассамблеи ООН и дальнейшее развитие в проводимых под эгидой ООН мероприятиях. Так, в 1992 г. в Рио-де-Жанейро представителями 179-ти государств была принята Повестка дня на XXI век [4], которая представляет собой глобальную программу экономического и социального развития человечества в новом столетии.

Содержание Повестки дня на XXI век включает в себя четыре раздела, обеспечивающие комплексное рассмотрение экологических, экономических и социальных проблем человечества на основе единой стратегии. Документ содержит свыше 2500 разнообразных рекомендаций для действий, включая подробные предложения относительно методов преодоления неэффективных структур потребления, борьбы с нищетой, охраны атмосферы, океанов и биологического разнообразия, поощрения устойчивого сельского хозяйства [5].

Опираясь на основные положения Повестки, можно сформулировать следующие принципы устойчивого развития [6]:

- признание человека как высшей ценности и его права на здоровую жизнь в гармонии с природой;
- осуществление такого развития, которое обеспечивает удовлетворение эколого-социально-экономических потребностей нынешнего и будущего поколений;

- охрана окружающей природной среды как неотъемлемый элемент развития;

- уменьшение разрыва в уровнях жизни между богатыми и бедными.

Развивая принципы, заложенные в Повестке дня на XXI век, в 2000 г. на Саммите тысячелетия Организации Объединенных Наций (ООН), более 150-ти руководителей из разных стран мира приняли ряд целевых показателей с установленными сроками их достижения, включая сокращение вдвое доли населения Земного шара, имеющего доход менее одного доллара на человека в день и не имеющего доступа к безопасной питьевой воде [7].

Большое значение имел также Всемирный саммит по устойчивому развитию, прошедший в 2002 г. в Йоханнесбурге (ЮАР). На нем Генеральная Ассамблея ООН заявила, что мировому сообществу требуются не новые философские споры или дебаты по вопросам политики, а принятие практических мер и достижение конкретных результатов, в частности: к 2015 г. — сокращение вдвое доли населения, не имеющего доступа к основным санитарным услугам; к 2020 г. — сведение к минимуму вреда здоровью людей и окружающей среде, причиняемого использованием и производством химических веществ; к 2015 г. — сохранение и/или восстановление истощенных рыбных запасов до уровней, которые могли бы обеспечивать максимальный и устойчивый вылов; к 2010 г. — обеспечение существенного снижения нынешних темпов утраты биологического разнообразия [8].

Таким образом, концепция устойчивого развития получила большое международное признание, тщательно изучается и быстро развивается. Вместе с тем многие ученые критически относятся как к принципам концепции, так и к документам, в которых она отражена. Условно критиков данной теории можно разделить на две группы.

К первой группе отнесем тех, кто в принципе считает концепцию устойчивого развития неспособной к самореализации, утопией и даже не признает самой дефиниции «устойчивое развитие». Так, академик РАН Н.Н. Моисеев считал, что данная концепция является опасным заблуждением, «иллюзией ученых-гуманитариев», лишь в какой-то мере успокаивающей общественное мнение, и что на самом деле потенциальные возможности современной цивилизации исчерпаны или близки к исчерпанию, поскольку при неограниченном росте численности населения и благосостояния каждого индивида сохранить окружающую среду без изменения невозможно. Это явное нарушение закона сохранения вещества и энергии [9].

Также скептически относятся к концепции устойчивого развития российские ученые Ю.М. Арский, В.И. Данилов-Данильян и др. [10], которые отмечают, что ни существующие ресурсные подходы к развитию мировой системы, ни ценности, на которые реально ориентируются все страны мира, практически не изменяются, а термин «устойчивое развитие» является современным обозначением таких утопических понятий, как «царство небесное», «гражданское общество», «коммунизм» и т.д. При этом отмечается, что «практически все развивающиеся страны, а также страны с так называемой переходной экономикой делают заявку на развитие по тому же типу, что и развитые страны, и в этом видят пути решения своих экономических и социальных проблем, выхода из нищеты и бедности... В свою очередь развитые страны не считают возможным отказываться от экономического роста» [11].

Негативное отношение к положениям концепции устойчивого развития высказывают также Т.А. Акимова и В.В. Хаскин: «Эти положения звучат не как идеология конкретных действий, а как наивно-оптимистическая надежда». Данная концепция пытается примирить непримиримое: сохранить по возможности цивилизацию потребления, так как она «отвечает потребностям ныне живущих и будущих поколений людей», и решить задачу сохранения природы в рамках цивилизации, уничтожающей природу. А это невозможно. Чувствуется, что концепцию устойчивого развития разрабатывали оторванные от жизни интеллектуалы. Отсюда преувеличение «способности биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности», неискренние сентенции о нищете, надежда на то, что богатые (страны, корпорации, люди) согласятся тратить огромные средства на природоохранные мероприятия и гуманитарную помощь, изымая их из текущего оборота и потребления, наивная надежда на политическую волю глав государств и правительств. В конечном счете все это выглядит как пропагандистская и совершенно беспомощная попытка сделать всех здоровыми и богатыми и обойти закон «на всех все равно не хватит» [12].

Декларативность и противоречивость принятой концепции устойчивого развития отмечают и многие другие ученые, причем со многими их доводами трудно не согласиться. Действительно, реализация данной концепции чрезвычайно сложна в силу субъективных факторов политического характера, осложнений международных отношений, особенностей регионального развития, национальных традиций, глубоких противоречий между текущими материальными и долгосрочными экологическими интересами и целого ряда других причин. В этой связи многие критики утверждают, что сами слова «устойчивое» и «развитие» противоречат одно другому и что развитие в принципе не может быть устойчивым, «от чего-то надо отказаться: либо от развития, либо от устойчивости» [13].

Термин «устойчивое развитие» (*sustainable development*) ряд экспертов предлагают переводить как «сбалансированное развитие», то есть равновесие. Н.Н. Моисеев считал, что термин «устойчивое развитие» в русском переводе не совсем точен, отсюда и лишние дискуссии. Более точный, согласно его мнению, перевод — «допустимое развитие», под которым понимается «модель движения вперед, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей без лишения такой возможности будущих поколений». Согласно Н.Н. Моисееву, человечество стоит перед проблемой выбора стратегии своего выживания и при этом его ждет не устойчивое развитие, а кризисы, взлеты и падения. Данную стратегию нельзя реализовать ни чисто техническими средствами, ни посредством приспособления к природе. Устойчивое развитие — это реализация стратегии человека, касающейся всех сфер жизни людей, это стратегия переходного периода к эпохе ноосферы. А рынок в экономике (соревнование, отбор) как частный случай рынка природы должен включить в себя интересы наших потомков [14].

В соответствии с мнением второй группы исследователей, все проблемы человечества происходят из-за того, что «общество потребления», в котором создаются все новые предметы потребления и потребности, уже давно вышло на уровень надфизиологического потребления. Расходование ресурсов для обеспечения чрезмерного потребления приводит к десятикратному увеличению глобального загрязнения почвы, воды и воздуха, что влечет за собой превышение предела

устойчивости мировой экосистемы и катастрофические последствия для всего населения Земли. В условиях истощающейся ресурсной базы богатеть в мировом масштабе удастся только самым богатым на фоне крайне низкого потребления всех остальных. В этой связи идея «устойчивого развития» должна быть заменена идеей «социального гомеостаза», определяющего для каждого государства оптимальные для текущего момента уровни плотности населения, добычи минерального сырья, степени освоения пахотных земель, диких лесов, индустриализации для достижения максимальной продолжительности активной жизни максимального числа людей, проживающих в каждом конкретном регионе [15].

Патологические последствия надфизиологического потребления могут быть устранены благодаря идеологии нового образа жизни, при котором подобное потребление стало бы не престижным и социально неприемлемым. Сокращение потребления до естественного физиологического уровня уменьшит расход нефти и других энерго- и минеральных ресурсов, понизит зависимость развитых государств от сырьевого импорта, а значит, и снизит мировую напряженность из-за борьбы за их обладание. Таким видится один из путей преодоления глобального мирового кризиса.

В докладе ООН «О развитии человеческого потенциала» (1994 г.) устойчивое развитие определяется как развитие, «не только порождающее экономический рост, но и справедливо распределяющее его результаты, восстанавливающее окружающую среду в большей мере, чем разрушающее ее, увеличивающее возможности людей, а не обедняющее их» [16]. Несмотря на некоторую декларативность и наивность предложенного ООН определения, критиками принципов УР до сих пор не было предложено сколько-нибудь удачной и адекватной замены. В таком случае, как подчеркнул Генеральный секретарь Всемирной встречи в Йоханнесбурге Н. Десай, «...если мы ничего не сделаем для того, чтобы изменить наши сегодняшние беспорядочные модели развития, мы поставим под угрозу долгосрочную безопасность Земли и населяющих ее людей» [17].

Доказательством того, что это не пустые слова, явилась презентация доклада Программы ООН по окружающей среде (UNEP) о состоянии экологической ситуации на Земле «GEO-4», состоявшаяся осенью 2007 г. в Казахстане и еще 42-х странах мира. Согласно мнению экспертов UNEP, сегодня мир находится в состоянии неравновесия, когда развитые государства понимают глубину экологических проблем и борются за улучшение экологии, а остальные страны, в силу тяжелого экономического положения, ничего не делают и не могут делать в этом направлении. И если поведение человечества не изменится, то через 40 лет наступит «время Ч», когда все живое на Земле вступит в фазу агонии [18].

С нашей точки зрения, значение концепции устойчивого развития не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Более того, само понятие «устойчивое развитие» не окончательно и постоянно уточняется. Действительно, в концепции устойчивого развития можно усмотреть некоторые элементы утопии — учения об идеальном общественном устройстве, где экономика, природа и человеческое общество находятся в полной гармонии. Вместе с тем этой теории нельзя отказывать в практицизме, стремлении к реальной оценке современного положения в мире, отдельных регионах и странах с позиций социальных, экологических и экономических условий жизни.

В концепции устойчивого развития не идет речь о немедленном прекращении экономического роста вообще, а о прекращении (на первом этапе) нерационального роста использования ресурсов окружающей среды. Последнее трудно осуществить в мире растущей конкуренции, роста производства, производительности и прибыли как показателей успешной экономической деятельности. В то же время переход к так называемому «информационному обществу» приводит к дематериализации хозяйственной деятельности. Основные принципиально новые особенности информационной стадии развития состоят в том, что знания и технологии превращаются в важнейший производственный фактор, что неизбежно ведет к изменению ключевых характеристик и принципов деятельности национальных экономик и всей мировой экономической системы [19].

Очевидно, что значение концепции устойчивого развития заключается, прежде всего, во всеобщем признании необходимости консолидации всех сил для решения социально-экономических и экологических проблем, которые приобретают глобальный масштаб, и возложении обязательств по разрешению региональных кризисных экологических ситуаций на правительства соответствующих государств. Согласно постановлению Генеральной Ассамблеи ООН, доклад МКОСР разослан всем правительствам для составления своих национальных программ и их выполнения. В результате этого на сегодняшний день все развитые государства мира выразили стремление следовать по пути устойчивого развития и практически все концептуальные документы за последние годы в качестве базовой идеологии используют понятие «устойчивое развитие». Концепция устойчивого развития, допускающая многовариантность темпов и конкретных направлений развития, ориентирует все страны на обеспечение сбалансированности социально-экономических потребностей и возможностей природной среды.

Отсутствие единой дефиниции устойчивого развития обуславливает трудности его числового определения. Поэтому до сих пор не создана четкая система показателей и индикаторов устойчивого развития.

Условно индикаторы устойчивого развития можно классифицировать по следующим группам [20].

Группа социальных индикаторов: демографическая динамика и устойчивость, показатели доходов, здоровья и образования населения, уровень бедности и т.п.

Группа экономических индикаторов: изменение характеристик и динамики потребления, производства, масштаб внедрения «зеленых» технологий и т.д.

Группа экологических индикаторов: показатели сохранения и восстановления природных ресурсов (лесов, водоемов, почвы, биоразнообразия), борьба с опустыниванием и проч.

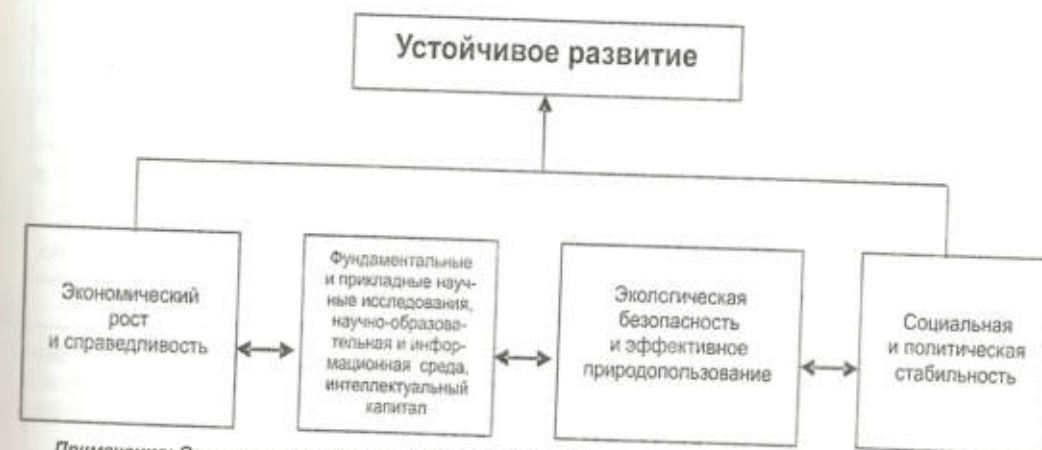
Группа институциональных индикаторов: создание правовых механизмов устойчивого развития на всех уровнях, учет приоритетов устойчивого развития при планировании и управлении национальным хозяйством, участие в международных программах по устойчивому развитию и т.д.

Итак, устойчивое развитие предполагает повышение качества жизни всего населения планеты без увеличения масштабов использования природных ресурсов до такой степени, что это привело бы к превышению возможностей Земли как экологической системы. Несмотря на то, что для этого может потребоваться принятие разных мер в каждом из регионов мира, усилия по формированию подлинно

устойчивого образа жизни предполагают реализацию комплекса мероприятий в трех ключевых областях [21]:

- экономический рост и справедливость — необходимо применение взвешенного и комплексного подхода к стимулированию ответственного долгосрочного экономического роста при том, что в идеале ни одна страна и ни одна община не должны отставать в своем развитии;
- сохранение природных ресурсов, биологического разнообразия и охрана окружающей среды — требуется найти экономически приемлемые решения проблем загрязнения окружающей среды, роста потребления ресурсов и сохранения природных ареалов обитания;
- социальное развитие — в первую очередь необходимо обеспечить удовлетворение основных человеческих потребностей: в воде, продовольствии, энергии, медицинской помощи, санитарии, образовании, работе, культурном и социальном общении, соблюдении гражданских прав и свобод.

К данному перечню, предложенному на Саммите в Йоханнесбурге в 2002 г., мы предлагаем добавить еще одну важную составляющую устойчивого развития — *фундаментальные и прикладные научные исследования, научно-образовательную и информационную среду, интеллектуальный капитал общества*. Эти факторы, как нам кажется, позволят разрешить противоречие между увеличивающейся численностью населения Земли и истощающейся ресурсной базой (см. рис.).

Примечание: Составлено на основании источника [16, с. 9].

Рис. Составляющие устойчивого развития

Выделим основные, на наш взгляд, факторы устойчивого развития (см. табл.). С нашей точки зрения, одной из основ устойчивого развития является научная, образовательная и интеллектуальная деятельность человека, которая в определенной степени позволит преодолеть ресурсные ограничения и создаст условия для достижения экономического роста, экологической устойчивости, социальной стабильности и справедливости. В этой связи резко возрастает роль информации и информационных ресурсов как продукта интеллектуальной деятельности наиболее квалифицированной и творчески активной части населения. На сегодняшний день информация является таким же фактором производства, как капитал, земля,

рабочая сила, материалы и энергия. При этом информационные ресурсы относятся к воспроизводимым ресурсам.

Табл. Классификация факторов устойчивого развития

Группы факторов	Наименование основных факторов
Демографические	Прирост населения, средняя продолжительность жизни, уровень младенческой смертности, уровень фертильности и др.
Природно-экологические	Территориально-географическое местоположение, климат, земельные ресурсы, лесные ресурсы, водные ресурсы, первичные энергоресурсы, биоресурсы, полезные ископаемые и т.д.
Макро-экономические	Структура экономики, структура экспорта и импорта, объемы инвестиций, объемы производства по отраслям, ВВП, ВНП, занятость, уровень цен и т.д.
Социальные	Уровень доходов и потребления, доля импорта в потреблении, степень дифференциации доходов, доля бедных, удельный вес среднего класса, уровень образования, показатели здоровья населения и др.
Научно-образовательные, информационные	Доля населения с высшим образованием и учеными степенями, объем финансирования фундаментальной науки и НИОКР, количество вузов, научных, образовательных и информационных центров, количество патентов, изобретений, информационная открытость и доступность, издержки получения образовательных и информационных услуг и т.д.
Политические	Тип политической системы, характер политического режима, адекватность внешней и внутренней политики, политическая и экономическая свобода, степень коррумпированности чиновников и т.д.
Инновационно-технологические	Инновационно-технологическая политика, объемы инвестиций в модернизацию производства, масштабы внедрения инноваций и т.д.
Финансовые	Качество бюджетного планирования, налоговое законодательство, денежно-кредитная и валютная политика, уровень развития финансовых рынков и институтов и др.
Внешнеэкономические факторы	Степень включенности национальной экономики в мирохозяйственные связи, участие страны в региональных союзах и объединениях, эффективность международной торговли, иностранных инвестиций и движения финансового капитала и т.д.
Социокультурные	Уровень толерантности и терпимости, свобода вероисповедания, культурное наследие, культурные традиции и т.д.

Примечание: Составлено на основании источников [22, с. 227; 23, с. 30].

Экономическая значимость информационных ресурсов хорошо видна на примере США, которые постепенно уступают своим ближайшим конкурентам почти все традиционные сектора мирового рынка, кроме главного — сектора информационных технологий и программного обеспечения. Здесь Штаты значительно оторвались от остального мира, контролируя более 80% IT рынка.

В Казахстане же наиболее приоритетными признаны экспортноориентированные сырьевые отрасли. Они характеризуются высокой рентабельностью и относительно низкими рисками. Однако, безусловно, значительный положительный

вклад сырьевого сектора в развитие национальной экономики не стоит преувеличивать. Добыча сырья зачастую ведется варварскими агрессивными методами, приводящими к уничтожению природной системы в массовых масштабах и без видимых конечных результатов. Республика несет колоссальный ущерб из-за деградации окружающей среды. Возникает замкнутый круг: потребности, интересы, стандарты жизни, система ценностей и целей современного человека ведут к разрушению природных систем, что, в свою очередь, ведет к ухудшению социальных характеристик жизни (состояния здоровья, возможности жить в конкретном регионе и др.). Разумный компромисс между человеческими и «экологическими» потребностями, как нам кажется, состоит в поиске и применении принципиально новых видов топлива, материалов, «зеленых» технологий, производство которых возможно только при значительной поддержке фундаментальных и прикладных научных исследований, повышении образовательного и информационно-сетевого потенциала общества.

В этой связи, в целях движения Казахстана в направлении устойчивого развития, рационально направлять средства, заработанные в сырьевом секторе, в развитие наукоемких отраслей, фундаментальной науки, в создание современного информационного и технологического пространства. Эта политика изменит не только профиль и структуру экономики, но и социальное лицо страны, даст возможность миллионам людей работать творчески, непрерывно повышать уровень своего образования, соответствовать растущей интеллектуализации производства, беспрепятственному инновационному процессу в большинстве отраслей и профессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brundtland, G.H. Our common future: The World Commission on Environment and Development. — Oxford: Oxford University Press, 1987. — 400 p.
2. Бобылев С.Н., Ходжаев А.Ш. Экономика природопользования. — М.: Изд-во МГУ, 2003. — 567 с. (С. 51).
3. Айгазиев А.Т. Эколого-экономические проблемы мира и Республики Казахстан // Вестник Московского университета. Серия 6. — Экономика. — 2000. — №1. — С. 53—62 (С. 59).
4. Повестка дня на XXI век // <http://www.un.org/russian>.
5. Там же.
6. Гузев М. Экономические проблемы и механизм экологически устойчивого развития. — Волгоград: Изд-во ВГУ, 1997. — 200 с. (С. 56).
7. Организация Объединенных Наций: Саммит-2000 // <http://www.un.org/russian>.
8. Оценка результатов Встречи на высшем уровне в Йоханнесбурге // <http://www.un.org/russian>.
9. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. — 1995. — №1. — С. 3—30.
10. Арский Ю.М., Данилов-Данильян В.И. и др. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? — М.: МНЭПУ, 1997. — 330 с.
11. Айгазиев А.Т. Указ. соч. С. 61.
12. Там же.
13. Валянский С.И., Калюжный Д.В. Третий путь цивилизации, или спасет ли Россия мир? — М.: Алгоритм, 2002. — 496 с.
14. Моисеев Н. Стратегия переходного периода // Вестник РАН. — 1995. — Т. 65. — №4. — С. 292—294.
15. Куда идет человечество. Материалы «круглого стола» // <http://www.modules>.
16. Амренов М.Х. Выбор модели экономической политики устойчивого роста (на материалах РК): дис. канд. экон. наук. 08.00.05. — Караганда: ИЗИ МЭИТ РК, 2001. — 132 с. (С. 8).

17. Пресс-релиз Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге // <http://www.un.org/russian>.
18. Зубов А. ГЕО-4 // Аргументы и факты Казахстан. — 2007. — № 4. — С. 3.
19. Любимцева С., Чуприк Ю. Концепция неоиндустриализма и экономическое развитие России // Экономист. — 2005. — № 4. — С. 11—21 (С. 11).
20. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Экологический вызов и устойчивое развитие. Учеб. пособие. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 416 с. (С. 196).
21. Общая информация о Саммите // <http://un.org/russian>.
22. Яковец Ю.В. Рента, антирента, квазирента в глобально-цивилизационном измерении. — М.: ИКЦ Академкнига, 2003. — 240 с.
23. Рогачева А.А. Экономические компоненты устойчивого развития РК в условиях его интеграции в мирохозяйственную систему: дис. канд. экон. наук. 08.00.05. — Алматы: КазНПУ им. Абая, 2004. — 150 с.

Возрастание роли индивида как актора политической модернизации в Республике Казахстан

ГАИПОВ З.С.

Постановка проблемы индивида как актора политики в Казахстане представляется нам вполне обоснованной, и наиболее важным является тот момент, что происходят изменения во внутреннем мире индивида, который становится все более изолированным от традиционных центров власти, одновременно оказываясь включенным в новые центры власти, и все более зависимым от событий, происходящих на мировой арене.

Влияние глобализации сказывается в растущем отрыве людей от своих корней, увеличении количества общественных проблем, в развитии средств массовой коммуникации. Сегодня формы общения людей имеют высокоспециализированный и стратифицированный характер. С точки зрения Э. Гидденса, например, глобализация рассматривается как процесс, в результате которого вступают во взаимодействие два локальных сообщества, находящихся на значительном расстоянии друг от друга. Причем это взаимодействие носит характер длительный и приводит к созданию устойчивой связи и взаимозависимости между данными сообществами, а также сопровождается интенсификацией их взаимоотношений, что приводит не только к количественному росту контактов между представителями обоих сообществ, но и качественному их изменению [1]. Происходит создание новых сетей коммуникаций, что ведет, в свою очередь, не к унификации мира, но скорее к его усложнению. Так как индивид может одновременно являться гражданином государства, участником общественного движения, в том числе и когда речь идет о движениях, явно имеющих международный характер, частью экономической корпорации и т.д., то он одновременно оказывается включен в различные сети коммуникаций, развитие которых может как дополнять друг друга, так и противоречить.

Все это вместе с другими факторами привело к тому, что люди все чаще стали действовать скорее по индивидуальному выбору, нежели участвуя в каких-то общественных дискуссиях. Индивидуализм — это единство многообразного, «многое в одном». Человек представляет собой «отдельность», живущую в рамках общественного целого своей особой жизнью, то есть предстает не только как открытая система, но и как «закрытая», замкнутая вследствие внутренней взаимосвязанности ее свойств. Индивидуализм — это всегда право на выбор себя самого и воля к самополаганию. «Наше высшее решение, наше спасение, — пи-

сал Ортега-и-Гассет, — состоит в том, чтобы найти свою самость, вернуться к согласию с собой, уяснить, каково наше искреннее отношение к каждой и любой вещи. Не важно, каким это отношение может быть — мудрым или глупым, позитивным или негативным. Важно, чтобы каждый человек в каждом случае думал то, что он действительно думает» [2]. При этом необходимо, чтобы человек не просто научился «в каждом случае думать то, что он действительно думает», но и действовать в соответствии с этим подлинным складом своего духа, приводить в согласие с ним весь свой опыт. «Для себя самой, — говорит Ортега-и-Гассет, — личность является задачей, а суть этой задачи состоит в реализации предназначения к существованию, которое несет в себе каждый из нас» [3].

Индивидуализм не отрицает принадлежности человека к разнообразным социальным общностям и самой значимости этих общностей для индивида. Сама принадлежность к социальным группам и разнообразные формы участия индивида в разнообразных массовых формах общественной жизни удовлетворяют важнейшие потребности человека.

Постановка проблемы индивида как актора политики стала возможной только лишь во второй половине XX в. В ее развитии можно выделить ряд этапов. Интерес исследователей к проблематике индивидуального измерения политического развития присутствовал и раньше, однако он концентрировался в основном на изучении деятельности «творцов политики», причем если изначально предполагалось, что политик должен одиноко идти дорогой ответственного официального лица, которое при принятии решения на первое место должен ставить безопасность народа, от имени которого он выступает, то позднее Б. Рассет и Х. Старр предлагают рассматривать «творца политики» как «фокус приложения бесчисленных давлений и ограничений» [4]. Таким образом, индивид действует в силу своей роли, которую он играет в обществе и политической системе. Находясь во главе той или иной организации, он берет на себя ответственность за деятельность этой организации и защиту ее интересов, но вместе с тем учитывает интересы других людей и организаций, то есть является центром различных разнонаправленных влияний и, что очень важно, заняв определенный пост, индивид надевает на себя «ролевую маску» и, таким образом, слышит и видит только то, что, согласно его мнению, должен был бы видеть и слышать человек на его месте.

Современный гражданин Казахстана может влиять на принятие решений органов государственной власти через участие во всенародном обсуждении законопроектов, важнейших вопросов государственной и общественной жизни, а также в форме индивидуального или общественного (через свои объединения) участия в их рассмотрении. Он вносит предложения, замечания по какому-либо вопросу, проекту закона или другому документу. Это и есть форма участия индивида в осуществлении государственной власти с использованием институтов прямой и представительной демократии. Здесь «суверенитет народа ограничен в демократическом конституционном государстве суверенитетом личности».

Глубоко демократическим институтом, приобщающим индивида к участию в управлении делами общества и направленным против сосредоточения неоправданно большого числа дел в руках государственных органов, является местное самоуправление. В Республике Казахстан местное самоуправление не только признается, но и обеспечивается различного рода экономическими,

юридическими и организационными гарантиями. Одним из ключевых понятий, раскрывающих сущность местного самоуправления, является его самостоятельность. Конституция не включает его органы в систему органов государственной власти.

По своей сути местное самоуправление есть совокупность разнообразных территориальных форм самоуправления граждан по месту жительства, обеспечивающих, в силу действующего законодательства, самостоятельное и ответственное решение всех местных дел. Анализ ст. 89 Конституции показывает, что граждане всех населенных пунктов имеют право на местное самоуправление, которое не может быть как-то ограничено или отменено. В отдельных случаях с учетом особенностей территориального расселения жителей органы местного самоуправления могут быть образованы в пределах составных частей населенных пунктов: городских микрорайонов, сел и жилых зон, улиц, кварталов и домов. Согласно Конституции Республики Казахстан и действующему законодательству, конкретные формы местного самоуправления и структура его органов определяются населением самостоятельно.

Местное самоуправление реализуется с учетом следующих особенностей:

- институты и органы местного самоуправления осуществляют свои полномочия только в пределах самоуправляющихся территорий — сельских и городских местных сообществ, охватывающих территории, на которых компактно проживают группы населения;
- они наделены правом решать лишь вопросы местного значения, а участвовать в решении общегосударственных задач могут только в случае, если отдельные государственные полномочия делегированы им органами государственной власти и при условии, что реализация этих полномочий подконтрольна государству;
- институты и органы местного самоуправления не обладают правом принимать законы, они действуют на их основе и во исполнение.

Современное развитие средств массовой коммуникации, изменение функций государства, нерешенность глобальных проблем и т.п. вызывают определенные изменения среди граждан не только западных, но и восточных стран. Согласно мнению Розенау, во-первых, граждане в последнее время приобрели более высокие аналитические способности, что «...находит выражение в их склонности к разработке детальных сценариев, в стремлении к более точному определению причинно-следственных связей и в явной готовности признать сложность нашего мира, независимо от объема информации, которой располагают индивиды» [5].

Таким образом, не настолько важно, каков реальный объем знаний конкретного индивида по истории или экономике страны, сколько его мнение о том, что в ней происходит и какое отношение это имеет к нему лично. Естественно, что речь здесь не идет о целерациональном характере и разумной обоснованности позиции индивида. Он легко может оказаться объектом манипуляции. Более того, подчас сами опросы общественного мнения, которые претендуют на то, что дают полную картину мнений, распространенных в обществе, являются способом манипулирования общественным сознанием. Но важен сам факт того, что у него есть определенное мнение и он стремится его выразить в своей деятельности или отказе от деятельности. Во-вторых, «... посредством восприятия и обобщения граждане оказывают ныне все возрастающее влияние на формирование общей

картины политики». Наконец, в-третьих, сам неустойчивый характер современной мировой политической системы делает ее более уязвимой для микрополитического влияния [6].

Так называемые глобальные проблемы, в первую очередь проблемы экологические, показали, что мир впервые оказался в ситуации, когда границы перестали иметь значение. Происходит осознание того, что проблемы развития современного мира, в том числе и мировой политики, с одной стороны, не могут быть решены в рамках национального государства, а, с другой стороны, интернационализация и возникновение глобальных проблем приобретают антропологическое измерение, поскольку «постановка глобальных проблем» может осуществляться только лишь как постановка «проблем общечеловеческих» [7].

Нет сомнения в том, что политическое развитие Казахстана осуществляется непосредственными субъектами, то есть теми, кто непосредственно осуществляет действие. Данная установка не означает отрицания роли и значения других акторов политики. Тем не менее именно анализ роли индивида как «целеполагающего актора» [8], изучение которого есть «конечный вопрос политики» [9], составляет антропологическое измерение политического развития.

Совершенствование государственного управления, развитие местного самоуправления, борьба с коррупцией в госаппарате, очищение его от неквалифицированных бюрократов, тормозящих политические реформы, — все это должно проходить при участии граждан и их объединений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коноплин Ю.С., Красина О.В. Проблемы индивида как актора мировой политики в условиях развития процессов глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Политология. — 2001. — №3. — С. 111 — 123 (С. 114).
2. Ortega-y-Gasset, I. Man and Crisis. — N.Y., 1968. — P. 76.
3. Ibid. P. 180.
4. Рассет Б., Старр Х. Мировая политика: меню для выбора. — М., 1982. — С. 29—30.
5. Розенау Дж. Мировая политика в движении: теория изменений и преемственности. — М., 1992. — С. 8.
6. Амандыкова С.К. Становление доктрины конституционализма в Казахстане. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. — 440 с. (С. 101).
7. Шестопап А.В. Философские основы глобалистики: деконструкция и реконструкция всеобщей истории // Глобальные социальные и политические перемены в мире: материалы российско-американского семинара. Москва, 23—24 октября 1996 г. — М., 1997 (С. 9).
8. Политическая наука: новые направления / Под ред. Е.Б. Шестопап. — М., 1999. — С. 36.
9. Ильин В.В. Политика и жизнь: предпосылки консенсуса // Вестник МГУ. — Серия 12: Политические науки. — 1995. — №6. — С. 26.

К вопросу исследования содержания понятия «качество экономического роста» в советской и современной экономике

КУРМАНГАЛИЕВА С.К.

В последние годы экономическая политика развивающихся государств характеризуется принятием комплексных мер, направленных на достижение устойчивого экономического развития, снижение зависимости темпов экономического роста от внешних факторов, достижение баланса в развитии отраслей, усиление инновационной и социальной составляющей экономики.

В Казахстане в этих целях принята Концепция устойчивого развития, Стратегия индустриально-инновационного развития республики до 2015 г., в февральском Послании Главы государства народу Казахстана определены конкретные меры, которые правительство намерено предпринять уже в текущем году с целью обеспечения необходимого развития несырьевых секторов экономики.

Впервые смещение акцентов в сторону определения не столько темпов, сколько качества экономического роста на политическом уровне в отечественной экономике было отмечено в конце 1980-х гг. Тогда программой развития социалистической экономики, принятой на XXVII съезде КПСС, наряду с ускорением воспроизводственных процессов, главной целью экономической политики партии был определен переход к использованию качественных факторов экономического роста — «всемерной интенсификации производства на основе НТП, структурной перестройке экономики, эффективным формам управления, организации и стимулирования труда» [1].

Возведение проблемы качественного наполнения воспроизводственных процессов в ранг политической задачи в различные периоды развития отечественной экономики делает, на наш взгляд, интересным проведение сравнительного анализа отношений (показателей, принципов), вкладываемых в понятие «качество экономического роста» в советский период и в настоящее время. И поскольку всякая государственная политика в той или иной мере основана, раскрыта или подвержена критике в научных исследованиях, остановимся в первую очередь на определении понятий «качество экономического роста», «новое качество экономического роста», исследуемых в работах советских экономистов, в частности, в работах Л. Абалкина, В. Камаева, М. Сидорова и И. Шаршова.

Разграничивая количественные и качественные характеристики роста, Л. Абалкин пишет: «Первые (количественные характеристики — прим. автора) находят

выражение в повышении темпов экономического роста в «весе» каждого процента роста. Что же касается качества роста, то оно показывает, каким путем, за счет каких факторов достигнуто повышение темпов экономического развития, каков социальный результат этого роста» [2].

Анализируемое им явление Л. Абалкин называет «новым качеством экономического роста». Определяющими факторами такого роста, согласно его мнению, должны стать: эффективная структура экономики, интенсификация производства, совершенный механизм управления социально-экономическими процессами. Новое качество роста Л. Абалкин связывает также с коренным изменением его источников, среди которых первостепенное значение приобретают интенсивные или качественные источники роста — повышение производительности труда, научно-технический прогресс, улучшение использования основных фондов и капитальных вложений, ресурсосбережение, улучшение качества продукции, а также преодоление сложившегося затратного механизма хозяйствования. Конечный результат предпринятых в данном направлении экономических мер он видит в повышении уровня жизни и действительном удовлетворении потребностей населения.

Проводя аналогичные исследования, М. Сидоров анализирует понятие «качество экономического роста», определяющее степень соответствия между объемами и структурой производства и растущими производственными и непроизводственными потребностями.

Задача структурной политики, согласно его точке зрения, «состоит в том, чтобы в натурально-вещественном составе фондов возмещения, накопления и потребления совокупного общественного продукта увеличивалась доля прогрессивной продукции такого качества, которое обеспечивает высокую эффективность ее использования в сферах общественного и личного потребления», что говорит о совпадении его воззрений с мнением Л. Абалкина в отношении конечных целей качественного экономического роста [3].

Проблему управления экономикой, не соответствующей параметрам качественного экономического роста, М. Сидоров видит в том числе и в диверсификации научных исследований в области экономики. Он считает, что углубленное и обособленное исследование отдельных экономических вопросов в отрыве от других отраслей порождает серьезные проблемы в принятии плановых решений, разработке и реализации системы приоритетов по обоснованному распределению ресурсов, выбору направлений научно-технического прогресса. Выход из данной ситуации, в соответствии с мнением экономиста, заключается в повышении роли синтеза отдельных направлений исследований и, соответственно, в системном подходе к управлению экономикой на политическом уровне.

Понятие «новое качество экономического роста» М. Сидоровым практически не раскрыто, автор приводит лишь его определение как рост, который «предполагает интенсивный тип развития, при котором его главным источником становится устойчивое опережение результатов экономической деятельности в сравнении с суммарными затратами живого и овеществленного труда» [4]. При этом анализ изложенных в монографии факторов и условий достижения качественного экономического роста — понятия, преимущественно используемого автором, и данного им определения «новое качество экономического роста» позволяет сделать вывод о том, что указанные понятия используются им как тождественные.

И. Шаршов, напротив, повсеместно используя термин «новое качество экономического роста», не стремится дать определенное толкование данному понятию, раскрывая его через источники и факторы достижения соответствующего ему состояния экономики. Как основу достижения нового качества экономического роста он рассматривает изменение технологии производства, сокращение затрат труда, повышение качества рабочей силы, новых способов привлечения людей к труду, их моральной и материальной заинтересованности, высшей организации труда, а как первоочередные меры создания материальной базы такого роста — коренное обновление существующих средств производства, повышение их технического строения, сокращение ручного труда. Согласно И. Шаршову, «новое качество экономического роста должно проявиться в изменении пропорций между затратами живого и овеществленного труда» [5].

Важную роль в обеспечении качества роста И. Шаршов отводит такой характеристике воспроизводственного процесса, как сбалансированность роста по всем основным отраслям экономики. В этой связи он пишет: «Новое качество экономического роста при выделении приоритетов может выступать только как единая комплексная система. Исходя из взаимосвязи и взаимообусловленности отраслей, экономический рост определяется эффективностью худшего звена народного хозяйства» [6]. Вследствие этого важным направлением экономической политики, по его мнению, становится необходимость качественного и количественного «сбалансирования» всех ресурсов, что предполагает единое направленное качественное изменение всех элементов производства, сопряженность ускорения научно-технического прогресса по отраслям.

Исследуя характеристики макроэкономической динамики, В. Камаев также использует понятие «качество экономического роста». В монографии отсутствует формализованное определение данного понятия, однако ясно, что автор определяет его шире, чем просто «эффективность экономического роста». Мерилом качества экономического роста В. Камаев предлагает рассматривать некий единый критерий**, внешней формой проявления которого, с его точки зрения, выступает система показателей экономического роста. Автором разработана система показателей, характеризующих состояние экономического роста и его качество, в которую входит около 30-ти индикаторов, объединенных в три группы: система показателей роста, показатели использования факторов роста, синтетические показатели роста.

Из приведенных выше положений можно сделать вывод, что в экономической науке советского периода, несмотря на некоторые терминологические различия, существовал единый подход к определению содержания качества воспроизводственных процессов, согласованный по всем параметрам также с экономической политикой правящей партии.

В современной экономической науке такой однозначности нет. В первую очередь данное обстоятельство связано с усложнившимся характером экономических

* Согласно В. Камаеву, эффективность экономического роста означает «за счет каких факторов он осуществляется и как соотносятся затраты на его обеспечение с результатами». /Камаев В. Развитой социализм: темпы и качество экономического роста. — М.: Мысль, 1977. — 212 с. (С. 39)/

** «Признание множественности критериев означало бы утверждение невозможного, а именно, принципиально различную оценку одной и той же сущности <...> единство критерия не отрицает существования его внутренней структуры. Так, при социализме единственность критерия определяется господством общественной собственности на средства производства, а внутренняя его структура должна соответствовать всей совокупности социально-экономических задач, поставленных КПСС». /Там же/

явлений и процессов, актуализацией проблем использования невозобновляемых природных ресурсов, охраны окружающей среды, усиления социальной результативности бизнеса, а также влиянием тенденций, сложившихся в практике международного сотрудничества^{*}. В современных исследованиях, посвященных анализу и характеристике экономического роста, наряду с понятием «качество экономического роста», используются понятия «устойчивое экономическое развитие», «устойчивый рост», «системный рост», «новое качество экономического роста». В большинстве государственных программ, направленных на реализацию мер по повышению качества экономического роста, соответствующая ему динамика экономического развития названа «устойчивым ростом», что, на наш взгляд, вносит некоторую неопределенность в понимании конечных целей принимаемых в их исполнение государством мер. И дело не только в определении названия данного явления. Различными экономистами по-разному оценивается также содержание указанных видов роста.

Поскольку проблема соотношения приведенных понятий достаточно объемна и выходит за рамки предмета настоящего исследования, остановимся лишь вкратце на наиболее существенных и признанных различиях данных терминов.

Согласно сложившемуся определению, под «устойчивым развитием» понимается «развитие, удовлетворяющее потребности настоящего поколения и не ставящее под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности». В данном определении, как справедливо отмечают Я. Аубакиров и И. Бибатырова, «доминирует не экономический, а социально-экологический аспект» [7].

Несоответствие понятий «рост» и «развитие» является общепризнанным фактом, однако зачастую такое отождествление производится. Так, непоследовательной, на наш взгляд, является позиция В. Ломакина. Разграничив понятия «экономический рост» и «экономическое развитие», в том числе по принципу включения в последнее вопросов охраны окружающей среды, автором в главе «Качество экономического роста» рассмотрены исключительно вопросы, характеризующие воздействие производства на окружающую среду^{**}.

В работах большинства авторов (М. Ершов, С. Губанов, Ж. Кулекеев, С. Дзарасов, Д. Сорокин, М. Теняков, В. Дасковский и др.) используется понятие «качество экономического роста». Интерес представляет предложенное Е. Утембаевым определение экономического роста, сбалансированного по всем требуемым параметрам: временным, территориальным, отраслевым, воспроизводственным, инновационным измерениям, как «системного роста» [8].

Таким образом, говорить о достижении полной терминологической определенности в вопросе определения требуемых параметров роста экономики Казахстана еще рано, что между тем препятствует достижению согласованности и эффективности мер, принимаемых в данном направлении.

^{*} В частности, все экономические понятия, содержащие в составе словосочетание «устойчивое развитие» и используемые в отечественной экономике и практике, содержат в себе терминологическую нагрузку, соответствующую определению «устойчивое развитие», принятому на конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г.

^{**} Согласно мнению В. Ломакина, под экономическим ростом понимается количественное изменение ВВП, включая влияние факторов производства. Экономическое развитие, являясь понятием более широким, включает «вопросы распределения, обмена произведенного продукта, его потребления, условия воспроизводства, влияние на окружающую среду, социальную обстановку. Это понятие содержит фазы движения капитала и условия их осуществления, то есть не только материальные, но и социально-политические аспекты». // Ломакин В. *Мировая экономика: Учебник для вузов*. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 735 с. (С. 277)

Учитывая широкий спектр задач, стоящих в настоящее время перед государством и обществом в сфере достижения необходимых параметров экономического роста, а также, принимая во внимание необходимость разграничения понятий «рост» и «развитие», оставив в рамках первого исключительно вопросы экономического характера, на наш взгляд, целесообразно говорить о необходимости обеспечения качественного или системного роста экономики Казахстана. Определение на данном этапе цели развития как достижение «нового качества экономического роста» представляется недостаточно обоснованным, поскольку применение термина «новый» предполагает достижение на каком-либо предыдущем этапе экономического развития роста, соответствовавшего критерию качественного, и переход в соответствии с этим в настоящее время на новый уровень такого качества. Логично предположить, что достижение такого «предшествовавшего» качества экономического роста должно было найти отражение (анализ, обоснование) в экономической науке соответствующих ему лет. Однако, как свидетельствует история экономических учений, а также анализ экономики Казахстана предшествующих лет^{*}, достигнутый ранее характер экономического роста сложно охарактеризовать как качественный, а ожидаемый в настоящее время — как новый уровень такого качества.

Представляется, что применение термина «новое качество экономического роста» в ряде современных экономических исследований является ничем иным как свойственной науке преемственностью. Однако, как уже отмечалось выше, в научных исследованиях 1970—1980 гг. также отсутствует какое-либо обоснование применения понятия «новое качество экономического роста», а характеризующие данным термином параметры роста соответствуют тем же, что описаны в работах, посвященных анализу состояния воспроизводственных процессов, характеризующих их авторами как «качественный экономический рост». Таким образом, предположить существование иных, кроме как политических, причин применения термина «новое качество экономического роста» в советский период, на наш взгляд, не представляется возможным.

Возвращаясь к вопросу соотношения понятий, вкладываемых в определение «качественного экономического роста» в советской экономической политике и науке и в настоящее время, хотелось бы отметить следующее.

Определение параметров качественного экономического роста в каждый конкретный период времени зависит от уровня развития производительных сил и производственных отношений, а также от всех иных факторов, влияющих на формирование количественных темпов роста.

Основными, с точки зрения экономистов, исследовавших вопросы повышения качества роста советской экономики, являлись проблемы ценообразования, повышения материальных стимулов к обновлению производств, в том числе за счет внедрения механизмов хозяйственного расчета и самокупаемости, преодоление затратного механизма хозяйствования, повышение производительности труда, снижение трудоемкости производств, замена физического и механизированного труда автоматизированным, ускорение внедрения в производство достижений НТП. Во главу угла, конечно же, ставились проблемы совершенствования научно обоснованных методов планирования экономики.

^{*} Принятая на XXVII съезде КПСС экономическая политика, как известно, не была реализована в связи со сменой политического режима.

Авторами, в целях повышения качества роста, предлагалось установление ступенчатых цен на новую продукцию, снижение уровня премирования трудовых коллективов по мере освоения новых видов производств, введение новых путей финансирования затрат на разработку ноу-хау — кредитование не предусмотренных в планах расходов или создание резервов производственных мощностей, а также внедрение отдельных элементов хозяйствования, присущих рыночной экономике.

Как правило, в настоящее время большинство из указанных проблем нашло разрешение в результате действия рыночных законов спроса и предложения, снижена актуальность проблемы автоматизации труда и повышения его производительности, развита теория венчурного капитала.

В центре внимания современных экономистов, напротив, преодоление негативных следствий действия рыночных механизмов: снижение экспорта сырьевых ресурсов и развитие перерабатывающих производств при постоянном росте мировых цен на нефть и отсутствии необходимых стимулов в создании (или полной загрузке) существующих НПЗ, развитие отраслей, не связанных с нефтяным потенциалом республики, в особенности агропромышленного комплекса, индустрии высоких технологий, в том числе производство альтернативных видов топлива.

Таким образом, несмотря на существенные расхождения в определении отношений (принципов и показателей), вкладываемых в понятие «качество экономического роста» в советский период и в настоящее время, необходимо признать, что большинство существующих различий носит формальный признак, поскольку вытекает из объективных отличий в уровне развития производительных сил и производственных отношений, связано со сменой приоритетов государственного регулирования в результате преобразования экономики из административно-плановой в рыночную, обретением республикой политического и экономического суверенитета и все более значительным вовлечением национальной экономики в систему международных экономических отношений.

Исключение из анализируемой сферы отношений наслоений, связанных с указанными причинами, выявляет в качестве сохранившегося ядра экономической политики, направленной на повышение качества роста национальной экономики, внедрение в производство достижений НТП, изменение технологии производства, обновление основных производственных фондов, трансформировавшихся в настоящее время в идею развития инновационной экономики; определение оптимальной структуры народного хозяйства, в качестве наиболее актуальной стороны проявления которой в современной казахстанской действительности расценивается развитие перерабатывающих производств; повышение качества выпускаемой продукции, использование возможностей, связанных с развитием человеческих ресурсов, а также интенсификация производства.

В дополнение к указанным в качестве факторов, определяющих особенности экономического роста, в современной экономике расценивается также и социальная ориентированность бизнеса, конкурентоспособность национальной экономики на мировом уровне, устойчивость экономической системы к внешним факторам, а также устойчивость экономического роста в экологическом аспекте, как она понимается в Концепции перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию.

В целом относительно предмета настоящего исследования хотелось бы отметить некоторую неоднозначность ситуации, когда общество вновь определяет пути решения проблемы, разработанной теоретически ранее, но не имеет возможности оценить результаты и правильность выбранного прежде курса.

Как известно, установить в настоящее время практическую значимость достижений советской экономической науки и политики по данному вопросу не представляется возможным, поскольку смена политического режима и неизбежно последовавший за ним развал СССР не позволили детально определить, реализовать и, соответственно, оценить правильность выбранных государством методов повышения качества роста национальной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1988). Т. 15. 9-е изд., доп. и испр. — М.: Политиздат, 1989. — 671 с. (С. 61).
2. Советская экономика: новое качество роста. Учеб. пособие для системы политической учебы / Под ред. Л. Абалкина. — М.: Политиздат, 1989. — 350 с. (С. 25).
3. Сидоров М. Экономический рост: темпы, пропорции, эффективность. — М.: Экономика, 1989. — 240 с. (С. 4).
4. Там же. С. 53.
5. Шаршов И. Новое качество экономического роста: сущность и факторы ускорения: Монография. — Воронеж, 1990. — 181 с. (С. 9).
6. Там же. С. 12.
7. Аубакиров Я., Бибатырова И. О соотношении понятий «устойчивое развитие», «экономическая стабилизация», «экономический рост» // Вестник КазНУ. Серия экономическая. — 2004. — №3 (43). — С. 3—6 (С. 3).
8. Утембаев Е. Характер экономического роста Казахстана // Аль-Пари. — 2006. — №2. — С. 11—13.

Наступление на ислам: антирелигиозная политика Голощекина в Казахстане и ее последствия

НУРТАЗИНА Н.Д.

С 1928 г. в СССР начинается активное и широкомасштабное наступление на религию в соответствии с особенностями сталинского курса. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», дополненное инструкциями НКВД областей и республик, фактически означало отказ от принципа отделения церкви от государства (т.е. отказ от невмешательства). Постановление №329 НКВД РСФСР «О регистрации религиозных объединений» от 1 октября 1929 г. создало множество ограничений.

В Казахстане антирелигиозная политика была важным идеологическим подспорьем курса Голощекина на советизацию казахского аула. В документах отмечалось, что очаги религиозности сохраняются именно в аулах, где сильна традиция и сосредоточена основная часть казахов, тогда как русскоязычные города быстро обретают атеистический облик. Уничтожение ислама тесно увязывалось с массовым строительством колхозов, классово-борьбой с «буржуазными националистами», байством, считавшимся верным пособником мулл. Своего пика политика воинствующего атеизма достигла в 1930-е гг.

Постепенно ужесточается работа партийных органов, в их адрес звучит резкая критика, что отсутствует «должный контроль над мусдуховенством» и есть место открытому попустительству религии со стороны низовых и районных органов власти. В плане наступления на ислам в республике был использован и раскол среди мусульман — отделение Казахстана от ЦДУ в Уфе. Автор «Краткого обзора о состоянии религиозного движения в Казахстане» (не позднее января 1928 г.) считает «большой и благоприятной для нас ломкой» [1] то, что большинство мухтасибатов уже «не подчиняются никому», что «ослабилось централистское влияние ЦДУ на казахстанское духовенство», а оно состояло «из высококвалифицированных татарских мулл, имеющих широкие связи с закордоном, являющихся носителями идей пантюркизма».

17 сентября 1928 г. издается постановление ВЦИК о передаче культовых зданий советским культурно-просветительским учреждениям. Закон предусматривал добровольную передачу или использование «пустующих» мечетей и церквей. На деле начались массовые перегибы. Церкви, мечети, монастыри закрывались в административном порядке, якобы по «ходатайствам» масс. Кроме того, находились разные «законные» основания, как то: обвинения

в бесхозяйственном содержании здания, в хищении культового имущества и пр.

Здания мечетей, медресе, церквей передавались не только под кинотеатры, клубы, но в них нередко стали размещаться радиостанции, а также склады, столовые, конюшни и пр. Нередко молитвенные дома разрушались, были примеры морального оскорбления верующих, имамов, когда их заставляли пить водку, курить папиросы. Разрушались и осквернялись могилы святых, выбрасывались ценные реликвии. По одним сведениям, с 1929 по 1933 г. в Казахстане волевым путем было закрыто 198 церквей и мечетей [2].

В газете «Джетысуйская Искра» за 24 декабря 1928 г. были размещены статьи «Мечеть под клуб» и «Еще одна отвоеванная мечеть». В последней говорилось: «Дехкане села Курам Чиликского района недавно вынесли постановление устроить клуб в мечети. Курамские дехкане вместо бесполезного хождения в мечеть решили просвещаться» [3]. По сравнению с 1913 г. из 94 зданий мусульманской общины Чиликского района к 1929 г. не осталось ни одной, а число верующих, как докладывалось в официальных документах, сократилось с 26 000 до 6000 [4].

Статья «Красный флаг на минарете» («Советская степь», 24 ноября, 13 декабря 1929 г.) начиналась такими словами: «Раньше с минарета главной мечети муэдзин призывал правоверных на молитву. И его тягуче-заунывный напев “ал-ла-ил-ля-бисмилля-аа” (слова “азана” искажены — Н.Н.) был славословием Аллаху и его пророку Магомету. Революция нанесла всем религиям глубокую рану. А теперь культурный рост масс окончательно вбивает осиновый кол в могилу религии. Тысячи церквей, синагог, мечетей, молитвенных домов волей трудящихся передаются под культурные учреждения» [5]. С удовлетворением отмечали, что в г. Туркестане «мечеть “Азретсултан” по требованию трудящихся превращена в музей. Музей может и должен стать на деле могучим очагом и средством широкой антирелигиозной пропаганды» [6].

Успехом антиисламской политики большевиков стало введение латиницы (а затем и русского алфавита). «Изменение алфавита было самой радикальной и самой абсурдной из всех антимусульманских мер», — пишет Ричард Пайпс [7]. Искоренить арабский алфавит — значило оторвать народ от Корана, религии, многовекового национального наследия; лишив его важнейшего признака цивилизационной идентичности, открыть путь к легкой ассимиляции со стороны христианских народов. В постановлении ЦИК КазАССР о введении нового алфавита на латинской графике (9 декабря 1928 г.) отмечалось, что «арабский алфавит, навязанный казахским трудящимся вместе с исламом, отличаясь своей сложностью, оказался непригодным» [8]. Были приняты меры для предотвращения взрывов народного недовольства, так как духовенство кое-где уже стало призывать к джихаду против латинизации.

Началось массовое уничтожение арабоязычных и арабографических рукописей и книг. В 1930-е гг. книги Корана изымали наряду с ненужным тряпьем и бумагами в утиль. Как реакция во избежание такого осквернения имело место тайное захоронение книг Корана на могилах предков.

Активизировалось атеистическое направление. В 1932 г. в СССР издавалось 10 газет и 23 журнала атеистического направления. В Уфе — бывшем главном центре ислама — выходил журнал «Алласыз» (Безбожник, букв. «Без Аллаха»).

Росло движение безбожников. Основанный в апреле 1925 г. Союз безбожников в июне 1929 г. был переименован в Союз воинствующих безбожников СССР (СВБ). Эта массовая добровольная общественная организация хорошо финансировалась и вела идейную борьбу с религией во всех ее проявлениях. СВБ вел пропаганду естественно-научных знаний, индивидуальную работу с верующими, готовил кадры пропагандистов и агитаторов-атеистов, издавал научную и научно-популярную литературу, наглядные пособия, альбомы, устраивал выставки и пр. Антирелигиозная работа проводилась под девизом «Борьба против религии — борьба за социализм».

Теперь ячейки этой организации должны были охватить и мусульманское население. Особо обращалось внимание на увеличение атеистической литературы на языках коренных народов. В Средней Азии и Казахстане СВБ организуется в 1928—1929 гг. Создавались методические пособия, различные инструкции, в том числе для аульных атеистов. В одном из таких изданий под названием «Антирелигиозный учебник» [9] довольно умело и научнообразно (если учитывать низкий уровень аульных масс), со ссылкой на достижения астрономии, биологии, медицины доказывалась несостоятельность религиозной веры в Бога, в «чудо», «классовая» сущность ислама.

Открывались различные антирелигиозные курсы и университеты. Например, сообщается, что в 1929 г. в Кустанае открылся Антирелигиозный университет с русским и казахским отделениями [10]. Центрами массово-политической работы и антимусульманской пропаганды в сельской местности стали красные юрты и красные чайханы, колхозные клубы, женские клубы. Нередко красные чайханы и клубы по «добровольному волеизъявлению трудового народа» размещались прямо в зданиях бывшей мечети или медресе [11], заведующими которых работали безграмотные люди с сомнительной репутацией. Нередко в красных юртах играли в азартные игры, пили водку, нарочито нарушали нормы традиционного этикета — мусульманского «адаба» («адет»).

Параллельно шли аресты: тысячи служителей культа, муллы, ишаны, хаджи были обвинены по статье 58 УК РСФСР и сосланы на Урал и в Сибирь. В атмосфере массового психоза и запугивания «классовым врагом» процветало доноительство. Отдельным представителям духовенства удалось выехать (легально и нелегально) за границу. Многие священнослужители, арестованные в ходе кампании 1928—1931 гг. и вернувшиеся к своей прежней деятельности, в конце 1930-х гг. вторично стали жертвой религиозной нетерпимости со стороны государства. Только в одном Карлаге в 1940 г. отбывало наказание 355 служителей культа. Оставшаяся часть духовенства находилась в тяжелом положении, так как все они были обложены налогом на священнослужителей. Имела место дискриминация их родственников, детей и внуков. Например, в 1938 г. в Тургайском районе уволили из школы учителя Ахметова, так как донесли, что он — сын муллы (хотя после смерти отца остался в 5 лет) [12].

1937—1938-е гг. были самыми «черными» для ислама. Любая, даже самая слабая связь с религией, грозила арестом, унижениями и физическим истреблением. В 1937 г. Бюро Казкрайкома постановило «широко развернуть антирелигиозную пропаганду и агитацию, разъясняя классовую сущность религии, разоблачая трудящимся неразрывную связь троцкист-зиновьевцев, бандитов, контрреволюционеров, националистов, мулл, попов и сектантов» [13].

В решениях бюро Туркестанского райкома ВКП(б) Южно-Казахстанской области (9 февраля 1937 г.) говорилось, что «вокруг мечетей объединяются контрреволюционные националистические и кулацко-байские элементы и в блоке с контрреволюционными бандитами фашистских выродков троцкистов и зиновьевцев ведут гнусную религиозно-контрреволюционную пропаганду: об откочевках казахов в Афганистан, о голоде в колхозах, о борьбе с режимом большевиков...» [14].

Планомерно подрывались корни мусульманского мировоззрения, духовные идеалы, стало почти невозможным публично исполнять правила шариата. Вытеснялись обряды венчания, имянаречения, так как они предполагали присутствие муллы и чтение Корана. Повсеместно безбожниками велась критика обрезания. При этом говорилось, что в нем нет никакой надобности, дети пугаются и кричат, что в большинстве случаев в аулах и кишлаках он проводится в антисанитарных условиях, так что бывают и смертные исходы. Выгодно использовался факт деградации религии и всей прежней традиции. Так, разорительные тои и частые чаепития-дастарханы, действительно угрожавшие благосостоянию обедневшего народа, отвлекавшие его силы от полноценной умственной и творческой деятельности, безосновательно связывались с исламом, хотя, согласно шариату, наоборот, требовалось придерживаться скромности и соразмерности во всем. В частности, писали, что *сундет-той* (угощения в честь совершения обрезания) уносит порой последние сбережения казахской семьи.

Намаз как главный ритуал мусульманина высмеивался и всячески поносился, ибо считался земными поклонами и обращениями к несуществующему богу и пустой тратой «трудового» времени. Ураза (пост) представлялся вредным для здоровья «трудящихся», в то время как духовенство обогащается за счет пожертвований в этот месяц. Происхождение и смысл поста якобы в том, чтобы заставить бедняков смириться с нищетой и голодом. В газетах и журналах Средней Азии и Казахстана выходили «научные» статьи под названиями «О реакционной сущности уразы», «Ураза, ее происхождение и классовая сущность» и т.п. Много критиковалось жертвоприношение скота во время Курбан-айта (разумеется, соблюдение обычая было возможным только до массовой коллективизации), что, мол, бессмысленно истребляется скот, наносится урон хозяйству. Это также «легкий способ добывания пропитания для дармоедов — мулл и ишанов» [15].

Особенно тяжелым для массы народа было отправлять обряды, связанные с похоронами, ибо они были публичными. Фактически во многих случаях, главным образом в городах, в семьях партийных работников покойников хоронили без *жаназы* (заупокойной молитвы); в могилу тело опускали без соблюдения исламских правил, нередко в гробу вместо мусульманского символа — полумесяца на надгробных памятниках стали высекать красную звезду, а также делать изображения умерших, что также противоречит шариату.

Мишенью для критики стал хадж — паломничество в священную Мекку, хотя закономерно он уже становился редким явлением. В работах Л. Климовича для устрашения мусульман и отвращения их от хаджа умело использованы факты фанатизма и изуверства, плохой организации паломнического движения, гибели людей от давки, эпидемий и т.д. Так, например, пишется, что в 1924 г. 20% всех хаджи в Мекке погибло (а было всего 80 тыс. чел.), что в 1930 г. во время жертвоприношения в Мекке вспыхнула чума и пр. [16]. Автор ссылается

и на мусульманских ученых (например, М.Ф. Ахундов), критиковавших в свое время хадж.

Но если джаиды, впрочем, как и разумная часть исламских богословов, призывали просто не преувеличивать значение хаджа — в ущерб учебе, науке, общественно-полезному труду (тем более это не обязательный «столп» ислама), то в советских работах делался вывод об его вредности и ненужности. Сокращение паломнического движения шло стремительно, а в связи с полным закрытием южных границ СССР в начале 1930-х гг. хадж для мусульман СССР стал невозможен.

Разрушался традиционный быт мусульман, искажались традиционные модели поведения. Так, наперекор исламу и исконному этикету кочевников, осуждающим излишний смех и веселье (Хадис Пророка «Мало смейтесь», казахские пословицы «Из женщин часто смеется вульгарная, из мужчин — самый низкородный», «Юмор — от Сатаны, шутка — от черта» и др.), на вечерах, устраиваемых в красных клубах, чайханах и т.д., мужчинам и женщинам надлежало как можно больше смеяться и шутить между собой, поощрялись развязность и непристойность. Народ был охвачен справедливой паникой, были пущены слухи о скором конце света или о том, что скоро за случайное произнесение слова «Алла», «Кудай», «бисмилля» нужно будет платить штраф, а то и можно угодить в тюрьму.

Атеистическая пропаганда была частью работы театров, кино, задачей художественной литературы. В репертуаре театров обязательно были пьесы антирелигиозного содержания либо фрагменты, критикующие мулл и ишанов. Поэты и писатели также вносили свой вклад, создавая в своих произведениях отрицательные образы мулл. В литературоведческих трудах стало привычкой искать факты высмеивания народом или поэтами прошлого недостойных представителей духовенства и преподносить это как критику самой религии.

История ислама «была переписана с марксистских позиций» [17]. В учебниках истории стали неизменно замалчивать и принижать влияние арабо-мусульманского фактора на Казахстан, а роль религии сводилась лишь к удовлетворению политических и экономических нужд «эксплуататоров». «Исламские представления и понятия неизменно искажались. Учили, что ислам — жестокая и беспощадная религия, которая распространялась с помощью меча. Сверх того, распространилась тенденция изображать ислам как арабскую религию. Поколения росли без знания своей подлинной истории, национальной культуры, веры» [18].

Хотя вначале велась борьба с шаманизмом и всяким, как писали тогда, «баксачеством» (от слова «баксылык»), позже для «обезвреживания» опасного влияния ислама нашли способ выпячивать роль древних языческих культов, якобы отражавших «стихийный материализм» народных масс, муссировать тезис о «плохом казахском исламе». В республике не развивалось востоковедение, арабистика, прекратились культурные связи с мусульманскими государствами.

Особенно в середине 1930-х гг., в связи с открытым наступлением на религию, тон исламоведческих «исследований» стал безмерно циничным и вызывающим. Так, Ф. Олещук в работе «О реакционной роли мусульманского духовенства» бичует деятелей мусульманства хлесткими выражениями, что они якобы, как и русские попы, были «духовными жандармами», пособниками царизма в революции 1905 г., что «муфтий был заядлым монархистом», и «муллы были в стане белогвардейцев и интервентов». Мусульманскому духовенству предъявляются

обвинения в убийстве женщин-активисток. Утверждается, что оно имеет «связь с германско-японской разведкой» [19].

Говоря о последствиях политики атеизации, нужно отметить, что преступления большевиков против религии затмили собой все известные в мировой истории бесчинства и гонения на религиозной почве. Права 30-миллионного мусульманского населения Советского Союза, как и других религий, были попорчены. Были упразднены местные мусульманские административные структуры. В 1938 г. перестала функционировать постоянная комиссия по делам религиозных культов при ВЦИК.

Последствия данной политики были губительными для нравственного и физического здоровья народа. С упразднением рычагов морального сдерживания, которыми испокон веков обладали мировые религии, общество неизбежно впало в духовный кризис. Огромный вред генофонду нации был нанесен снятием наложенного исламом и соблодавшемуся многими поколениями казахов запрета на употребление алкоголя. Отрыв культуры от религии, обмирщение искусства породили множество противоречий.

С другой стороны, был в корне подорван важнейший элемент этнической идентичности. Деисламизация значительно облегчила этническую дезинтеграцию казахов, культурную и языковую ассимиляцию народа. Наконец, большевики добились извечной имперской цели — разобщения мусульманских народов страны и разрыва их единства с остальным мусульманским миром.

И все же тоталитарному режиму в СССР «не удалось уничтожить религию или модернизировать» [20]. Ее лишь вытеснили на периферию, заставив уйти в «подводную» часть народной жизни. Говоря о «подпольном» исламе и народном сопротивлении деисламизации, нужно отметить, во-первых, примеры благородства и стойкости духовенства и народа (акынов, знатоков *шежире* и *дастанов*, простых людей в аулах), в самые трудные годы не отрекшихся от веры предков.

Нередко религиозные люди возглавляли народные восстания (например, в период коллективизации). Рискуя жизнью, они сохранили до наших дней ценные религиозные реликвии, книги Корана, историческую память и духовное богатство, накопленное в многочисленных устных преданиях и религиозных дастанах. Стоически перенося выпавшие на их долю невзгоды, они в условиях изнурительного труда на колхозных полях и даже в тюрьмах продолжали читать намаз, держать уразу и, как свидетельствует документ, «молились Богу о скорейшем уничтожении коммунистов» [21].

Немалая заслуга принадлежит в этом женщинам-мусульманкам, вопреки ожиданиям «эмансипаторов», в общей массе оказавшимся, наоборот, менее восприимчивыми к атеизму и составившим 70—80% общего числа верующих в «советском» исламе [22]. Казахская женщина стала важным звеном в ретрансляции религиозно-культурной традиции. Во многих семьях именно женщины оставались тайными хранителями мусульманской веры, учили детей и внуков не забывать Бога. (По воспоминаниям Дважды Героя Советского Союза Талгата Бигельдинова, во время войны, садясь за штурвал военного самолета, он читал про себя короткую мусульманскую молитву, которой научила его в детстве бабушка).

Что касается адаптации ислама к новым условиям, то, согласно оценочным данным, в советский период в СССР сеть незарегистрированных мечетей превы-

шала количество официально признанных властями в отдельных районах более чем в 20 раз, а число духовенства, находившегося в нелегальных условиях, в 3—4 раза превосходило официально признанных [23]. Официальное мусульманское духовенство, как и служители других культов, с 1930-х гг. стали придерживаться тактики лояльного сотрудничества с властями. В годы Великой Отечественной войны отношение к религиям несколько смягчилось, пришлось смириться со стихийным подъемом религиозности народа, признать консолидирующую и вдохновляющую роль религии. В церквях и мечетях звучали призывы к защите Родины, производился сбор средств для нужд фронта.

В мае 1942 г. в Уфе состоялось чрезвычайное совещание Духовного Управления мусульман европейской части СССР и Сибири, на котором было выработано Обращение ко всем мусульманам Советского Союза с призывом защищать Родину, не щадя своей жизни. Оно зачитывалось во всех мечетях, на собраниях верующих. Подобные акции и привели к некоторой либерализации религиозной политики с 1943 г. — сначала по отношению к Русской Православной Церкви, затем — к исламу и другим религиям. Часть закрытых церквей и мечетей были вновь открыты. С 1947 г. функции Союза воинствующих безбожников были переданы Всесоюзному обществу «Знание». В октябре 1943 г. было создано Центральное Духовное Управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) с центром в г. Ташкенте. В начале 1945 г. возобновился хадж из СССР. Первую группу паломников возглавил муфтий Ишан Бабаханов. С тех пор 20—25 человек советских мусульман (из Казахстана — не более трех человек) ежегодно совершали хадж, это были имамы-хатибы, члены актива мечетей.

Тем не менее госатеизм оставался в силе. Религия находилась под строгим контролем со стороны партии, органов государственной безопасности. Существовали такие структуры, как Уполномоченный Совет по делам религий при Совете Министров КазССР, и другие. В 1947 г. при Институте истории АН КазССР был образован сектор истории религии и атеизма и т.д. Подобные секторы, группы организовывались и при других институтах. В условиях жесткого диктата и ограничений, при отсутствии финансовых средств, духовных связей и интеллектуальной «подпитки» из зарубежных исламских центров, ислам в Казахстане не имел возможностей для нормального развития. Ситуация, когда официальные структуры духовенства фактически представляли собой один из элементов сложившейся в стране административно-бюрократической системы, негативно отражалась и на моральном облике священнослужителей. До претворения в жизнь принципа религиозной свободы, развития ислама и исламоведения в республике было еще далеко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Из Краткого обзора о состоянии религиозного движения в Казахстане // Преодолевая религиозное влияние ислама (Из опыта Коммунистической партии Казахстана) 1917 — начало 1930-х гг. — Алма-Ата, 1990. — С. 152.
2. Абдакимов А. История Казахстана. — Алматы, 2001. — С. 246.
3. Информации приложения «Джетысуйский безбожник» к газете «Джетысуйская правда» (г. Алма-Ата) // Преодолевая религиозное влияние ислама. — С. 181.

4. Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане. — Алматы, 1998. — С. 51.
5. Красный флаг на минарете // Преодолевая религиозное влияние ислама. — С. 203.
6. Политические репрессии в Казахстане в 1937—1938 гг. (Сб. док.). — Алматы, 1998. — С. 35.
7. Islam and Communism. — N.Y., 1960. — P. 16.
8. Из Постановления ЦИК Казахской АССР о введении нового казахского алфавита // Преодолевая религиозное влияние ислама. — С. 178.
9. Дінге қарсы оқу кітабы. Ауылдық белсенділер мен дінсіздер үйірмелері үшін. — Қызылорда, 1934 (латын әрпінде).
10. Антирелигиозный университет в Кустанае // Преодолевая религиозное влияние ислама. — С. 199.
11. Ахмедов С. Влияние культурной революции на формирование научно-атеистического мировоззрения трудящихся. — Душанбе, 1987. — С. 43.
12. Политические репрессии в Казахстане в 1937—1938 гг... С. 179.
13. Султангалиева А.К. Указ, соч. — С. 51.
14. Политические репрессии в Казахстане в 1937—1938 гг... С. 33.
15. Дінге қарсы оқу кітабы... 123 б.
16. Климович Л.К. Ислам дінінің әдет-ғұрыптары мен әулиелерге табыну қаде-салттары (Обряды, обычаи и культ святых в исламе). — Алматы, 1959. — 31 б.
17. Islam and Communism... P. 10.
18. Бұлғатай М. Ата-баба діні? Түркілер неге мұсылман болды? — Алматы, 2000. — 450 б.
19. Олещук Ф. О реакционной роли мусульманского духовенства. — Алма-Ата, 1937. — С. 22.
20. Islam and Communism... P. 18.
21. Из сообщений с мест Актюбинскому губкому партии по бытовому и религиозным вопросам // Преодолевая религиозное влияние ислама. — С. 81.
22. Советтік Шығыс республикаларындағы ислам. — Алматы, 1987. — 93 б.
23. Ермаков И.А. Ислам в культуре России. — М., 2001. — С. 434.

Ранняя история суфизма в Туркестане

КУСАИНОВ Ш.К.

В конце X в. в государстве Караханидов произошел знаковый цивилизационный сдвиг: тысяча семей тюрок, кочевавших в местах между Исфиджабом и Шашем, то есть в горно-степном районе, прилегающем к среднему течению Сыр-Дарьи, приняли ислам. А в 960 г. уже 200 тысяч шатров тюрок стали мусульманами [1]. Впрочем, еще до закрепления своей власти на землях распавшегося Западно-тюркского каганата (*Он Ок Эли*) караханидская военная знать вошла в сношения с представителями мусульманского духовенства и с верхушкой тюркской гвардии Саманидского государства, что в известной степени способствовало и укреплению тюркского элемента в Мавераннахре, и исламизации тюркских родов.

X—XII вв. были периодом расцвета ранней исламской цивилизации Казахстана. К. Байпаков и Л. Ерзакович заявляют, что характерным и важным событием в жизни многих городов XII в. Сырдарьинского региона было то, что число приближалось к 200-м, появились торгово-ремесленные предместья [рабады], где сосредоточивалась основная городская жизнь, которую сопровождал голос муэдзина, призывающий время от времени всех правоверных отвлечься от мирских дел и обратить свои помыслы к Аллаху. Путешественники того времени писали о рабадах городов: у г. Арсубаникета «соборная мечеть в Медине», «Тараз — большой укрепленный город, у него ров, четверо ворот и населенный рабат, соборная мечеть среди рынков» [2]. Язык Корана привнес в эти города арабо-персидскую письменную культуру. Б. Кумекоев, рассматривая ситуацию тех времен, отмечает, что созданные арабские и связанные с ними другие источники позволяют в основных проявлениях реконструировать один из важнейших этапов сложения того тюркоязычного населения на территории Казахстана, которое уверенно можно отнести к числу непосредственных предков казахского народа [3].

Возникновение городской исламоориентированной цивилизации присырдарьинских городов и окружающих регионов с полуоседлым и кочевым тюркским населением вызвало новый вид общинных связей при мечетях и в суфийских братствах. В суфийских братствах важную роль играла личность главы — шейха. В цивилизационном плане чрезвычайно важен был язык, на котором шейх создавал свои суфийские концепции и проповедовал суфийские идеи.

Ходжа Ахмед Йасави — культовая фигура не только казахского этноса, но и для всех мусульманских тюркских народов. Его имя и духовный авторитет использовались в легитимизации казахского государства и ханов.

И в данном аспекте следует согласиться с А. Оразбаевой, полагавшей, что при рассмотрении цивилизационных особенностей традиционного казахского

общества, в раскрытии, прежде всего, его социокультурных характеристик, исторически значимых атрибутов важен человеческий фактор, изучение внутреннего содержания, а не форм и внешних проявлений [4].

Продвижению суфийских идей на север Центральной Азии способствовала деятельность суфийского шейха Ибрагима б. Адхама (ум. 776 г.) в Балхе. Его последователи стали распространять свои религиозные воззрения в Туркестане. Уже в X в. Мерв (современный г. Мары) стал религиозным центром суфийской общины, а места погребения видных деятелей орденов стали местами поклонения. <...> Сведения, взятые В.В. Бартольдом из различных источников, позволяют судить о том, что деятельность первых суфиев в Центральной Азии, в частности на территории Южного Казахстана, была мало связана с культурой кочевых народов. Процесс распространения ислама в кочевой среде в это время не был столь масштабным и ограничивался ареалами оседло-земледельческой и торговой культуры [5]. Однако к концу XI—XII вв. часть кочевников, больше всего из беднейших слоев, медленно переходила к оседлому земледельческому труду, смешивалась с оседлым таджикским населением (следует предположить, что во времена Караханидов таджикский язык воспринимался как диалект фарси — персидского языка — Ш.К.) и ассимилировала последнее, придавая ему свой язык тюркской системы, называемый советскими лингвистами староузбекским [6].

В период существования Караханидского государства серьезно и на века заявила о себе тюркская литература, развивавшаяся не только как наследница рунических текстов, но и как культурный проект, впитывавший в себя естественным образом все тюркское наследие, и, конечно же, попав под сильное влияние новоперсидского языка, черпавшая из персидских сочинений множество терминов, метафор и фразеологизмов. Ряд позиций этого периода общетюркской литературы исследованы, однако и сегодня актуальны сказанные несколько десятилетий слова член-корреспондента Академии наук СССР востоковеда Е. Бертельса: «К сожалению, литература караханидского круга пока изучена очень мало, да и изучению поддается с трудом, так как сравнительно с огромным числом имен количество сохранившихся памятников очень невелико. Кроме того, отсутствие полной хронологии Караханидов крайне затрудняет определение времени, когда действовали многие из поэтов этого круга. Так, мы ничего не можем сказать о следующих поэтах: Лулуи, Калами, Наджиби, Фаргани, Али Сипихри, Сугди, Али Банизи, Наджари, Сагаржи, Писар-и Даргуш (Дервиш — Ш.К.), Писар-и Исфараини. Не следует думать, что подобное отсутствие сведений происходит оттого, что перечислены мелкие, малоинтересные поэты» [7]. Такое впечатление возникает в силу того, что перечисленные Е. Бертельсом персоны воспринимались как придворные поэты тех или иных правителей и не более. В лучшем случае они представлялись ординарными продолжателями традиционной уже прочитанной литературы. Один из первых исследователей текстов Ахмеда Йасави А.К. Боровков отмечает, что «изучая тексты “хикметов”, мы имеем дело с определенным поэтическим жанром, с выработанными традициями, действовавшими на протяжении столетий» [8]. Между тем авторы того времени представляли не только узкую поэтическую школу, но и культурные и религиозные институты, к которым они принадлежали, являлись историческими личностями. Сказанное, прежде всего, касается суфийского шейха и автора хикметов ходжу Ахмеда Йасави.

Каждый суфийский шейх, как правило, являлся религиозным лидером того или иного суфийского направления. Следовательно, каждый из них представляет собой историческую персону, за которой стоят те или иные зачастую не проясненные исторические или культурные события. И эти события (в теологии и культуре — публичное предъявление текстов) оказывали серьезное влияние на ход и событийное наполнение исторического времени. Именно в этом ракурсе, по нашему мнению, и следует изучать личность Ахмеда Йасави, а его хикметы должны рассматриваться не только как литературное произведение, но и как крупнейшая в Казахстане теоретическая работа в области теологии и суфизма, помня, что в суфийской среде он был известен как *Кутб-ул актаб* — Высший Полос Земли [9]. Хикметы Ахмеда Йасави исполнялись как свободная молитва — дуга и простолюдинами как заклинания [10].

Духовенство (имамы, сейиды, шейхи, садры) в Караханидском государстве обладало высоким статусом, и все население относилось к ним с большим почтением [11]. Так, была устроена общественная жизнь той эпохи, усложненная протекавшими в Центральной Азии разноплановыми процессами. На то, что история на юге Казахстана развивалась по векторам различных моделей, указывает цитата из работы А. Муминова «Ислам и вопрос о сакральной власти в Центральной Азии в Средние века»: «Политическое противостояние правителей Туркестана арабской экспансии послужило толчком для распространения в Центральной Азии оппозиционных исламских учений: кайсанитов-мубайидитов, крайних аскетов, карматов, каррамитов, эзотерического суфизма [12]. Учитывая этот факт, мы можем предположить, что суфийский шейх ходжа Ахмед Йасави оказал свое существенное воздействие на историю государств, на фундаментах которых позже возникнет Казахское ханство, и кардинально повлиял на формирование этноидеологии и ритуальной культуры казахского народа.

Изучение хикметов Ахмеда Йасави в определенном нами ключе может предоставить и другие информационные каналы, способные дополнить как общую историческую панораму, так и исторические портреты отдельных лиц. Рассматривая вопросы проникновения веры пророка Мухаммеда в конце второго тысячелетия в Туркестанском регионе, А. Муминов в другой статье пишет: «Мы видим, с одной стороны, распространение собственно исламских идей, правил, образа жизни. С другой — в ислам усиленно проникают многие черты национальной культуры, разнообразные проявления религиозного опыта местного населения [13]. Согласившись с данным утверждением, следует сказать, что оно относится и к зарождению национальных элит, как аристократических, так и интеллектуально-духовных, причем в этом процессе шло встречное движение: арабы и персы — носители ислама перенимали тюркский язык и традиции, тюрки как реципиенты, приняв ислам, проникались мировыми достижениями арабо-персидской культуры, науки и литературы.

Продолжая рассуждать о формах бытования ислама в Туркестане, А. Муминов пишет: «Взаимодействие общенсламского и местного временами требовало переосмысления с исламской точки зрения реальной религиозной ситуации, реисламизации, традиционализации конкретной формы бытования ислама. Это, в свою очередь, приводило к возникновению новых учений, личностей и оригинальных сочинений» [14]. К этому времени (начало XI в.) появились как примеры памятников тюркских языков труды Йусуфа Баласугуни *«Кутадгу билиг»* («Бла-

годатное знание») (1069—1070 гг.) и Махмуда Кашгари *«Дивану луга тат-тюрк»* («Словарь тюркских наречий») (1072—1083 гг.). По поводу этих сочинений С. Кляшторный и Т. Султанов пишут, что «...ни то, ни другое произведения не являются историческими трудами и не содержат каких-либо сведений о политической истории своего времени. И, вместе с тем, их по праву считают значительнейшими источниками для познания новой исторической эпохи, в которую вступила Средняя Азия на рубеже X—XI вв. Эпохи, которая началась возникновением двух империй, созданных тюркскими племенами — Караханидского каганата и Сельджукского государства [15]. Логика истории подсказывает, что это же можно сказать о хикметах суфийского шейха Ахмеда Йасави.

В этом плане значительный интерес вызывают рукописные труды представителей различных обществ, возникших в Центральной Азии после принятия народами данного региона ислама, в том числе и культовые хикметы шейха ходжи Ахмеда Йасави, ставшие доступными современным исследователям благодаря поздним рукописным записям XV—XVI вв.

Не вызывает возражений то, что, возможно, первой биография ходжи Ахмада Йасави присутствует в книге «Сокровищница суфизма» (*خزینة الأصفیاء*) (том I, стр. 561); в ней он называется вождем всех тюркских шейхов» [16]. Дж. С. Тримингэм, опираясь на высказывание ал-Ваиза (*Рауахат*, с. 8—9), утверждает, что «Ахмад ал-Йасави считается прародителем всех тюркских суфиев, и от него ведет происхождение Хаджи Бекташ, своего рода мистический символ сотен бродячих тюркских проповедников (*баба*), чье имя послужило эпонимом знаменитой тарихи. Традиция Йасави с самого основания была исключительно тюркской. Ахмад начал свою подготовку под руководством тюркского шейха Арслан Баба, после смерти которого он отправился в Бухару (в ту пору в основном ираноязычную), чтобы присоединиться к кружку Йусуфа ал-Хамадани, и, в конце концов, стал его халифом, четвертым по счету. Позднее он оставил это место и вернулся в Туркестан, где положил начало ветви шейхов тюркской атрибутики (*Сар-и силсила-йи машаих-и тюрк*)» [17]. Понятно, что после Дж. С. Тримингэма практически во всех работах, посвященных ходже Ахмеду Йасави, исследователи приняли его версию, указывающую на то, что йасавийский шейх принял духовное наследство — *силсилу* от шейха Йусуфа Хамадани.

А. Султангалиева справедливо отмечает, что «для всех тюркских племен, расселенных по евразийской территории, имя Ахмеда Йасави является одним из центральных звеньев их духовно-исторической традиции» [18]. Сборник хикметов ходжи Ахмеда Йасави представляет собой базисную системообразующую структуру в истории Казахстана с неоспоримым цивилизационным и культурным воздействием на нацию в целом и на отдельных ее представителей, проявивших себя в теологии, литературе и политике, и является обширным и практически неизученным объектом, интересным не только для филологов, но и для историков. Как верно отметил академик В. Виноградов: «Стиль, автор, как создатель и представитель индивидуального стиля, структура литературного произведения — категория историческая» [19]. В отношении хикметов эта мысль верна вдвойне, так как их создатель ходжа Ахмед Йасави — это не только неповторимая творческая личность, но и основатель известного суфийского братства Йасавийя.

Смысл и цель своих хикметов ходжа Ахмед Йасави определил сам: «(17:29) Слова раба ходжи Ахмед есть воспоминания о Боге, (17:30) Не слышавшим друзьям пусть останется духовное завещание». Следует предположить, что понятие

«духовное завещание» включает в себя ряд вполне конкретных правил для учеников и последователей и оценок различных направлений в суфийской традиции. Из статьи автора М. о ходже Ахмеде Йасави, опубликованной в «Туркестанских ведомостях» за 1906 г., мы узнаем, что «...чтение “Хикмета” Султана Арефина есть дело душеспасительное и составляет неотъемлемую часть зикра (радения) мистиков “джагрия”, весьма в нашем крае многочисленных» [20].

Заметный рост суфийских настроений в исламском мире к концу первого тысячелетия и возникновение множества суфийских братств со своей обрядовой культурой со своеобразным толкованием Корана и хадисов Пророка привели к серьезному конфликту между суфийскими шейхами и богословами традиционного направления. Одна из причин такого положения кроется в автономности суфийских структур по отношению к приближенным к государственной власти духовным центрам — мечетям. К тому же, как отмечает М. Хашимов, «...суфийские ученые Турана имели свои отличительные черты от суфизма других регионов» [21]. Изучая вопросы суфийских обителей, Р. Стамова пишет, что *ханаки* (монастыри) и *завийа* (кельи шейхов) существовали как автономные структуры, где идеология зависела только от основателя суфийского братства. В частности, от шейха Ахмеда Йасави [22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кляшторный С., Султанов Т. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. — Алма-Ата, 1992. — С. 114.
2. Байпаков К., Ерзакович Л. Древние города Казахстана. — Алма-Ата, 1971. — С. 19—20.
3. Кумеков Б. Государство кимаков в IX—XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата, 1972. — С. 130—131.
4. Оразбаева А. Цивилизация кочевников евразийских степей. — Алматы, 2005. — С. 247.
5. Мухтарова Г. Влияние суфиев на историю паломничества в Казахстане // Суфизм в Иране и Центральной Азии. — Алматы, 2006. — С. 261—265.
6. Всемирная история в 10-ти т. Т. III. — М., 1957. — С. 479—480.
7. Бертельс Е.Э. История литературы и культуры Ирана. — М., 1988. — С. 275—276.
8. Боровков А.К. Очерки по истории узбекского языка (определение языка хикметов Ахмеда Йасауи) // Советское востоковедение. V. — М.-Л., 1948. — С. 229—250 (С. 236).
9. Köprülü Fuâd, Ahmed Jesevi // Islam ansiklopedisi. 1. Cilt. — İstanbul, 1941. — P. 239—246 (С. 184).
10. Кусаинов Ш. Биографии исторических личностей Казахстана XIV—XIX веков (хроника, факты, легенды). — Алматы, 2001. — С. 76.
11. Караев О. История Караханидского государства. — Фрунзе, 1983. — С. 115.
12. Муминов А. Ислам и вопрос о сакральной власти в Центральной Азии в Средние века // Эволюция государственности Казахстана: материалы междунар. конфер. — Алматы, 1996. — С. 62—63 (С. 62).
13. Муминов А. Региональная форма бытования ислама в Туркестане // Шелковый путь и Казахстан: материалы науч.-практ. конфер. — Алматы, 1998. — С. 179—183 (С. 181).
14. Там же. С. 181—182.
15. Кляшторный С., Султанов Т. Указ. соч. С. 160.
16. М. Хазрет Султан // Туркестанские ведомости. — Верный, 1906. — №125. — С. 764—765.
17. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. — М., 2002. — С. 81.
18. Султангалиева А. Ислам в Казахстане: история, этничность и общество. — Алматы, 1998. — С. 14.
19. Виноградов В. Сюжет и стиль. — М., 1963. — С. 8.
20. М. Хазрет Султан // Туркестанские ведомости... С. 764—765.
21. Хашимов М. Суфизм в Туране и карта духовного наследия Ясауи // Қожа Ахмет Ясауи муралары мен ілімінің зерттелу мәселері Түркістан, 2008. — С. 108—111 (С. 109).
22. Стамова Р. Особенности религиозной ситуации и место исламского мистицизма (суфизма) в Кыргызстане // Суфизм в Иране и Центральной Азии. — Алматы, 2007. — С. 221—227 (С. 223).

О чертах тюркской кочевой ментальности в менталитете башкир

ЯМАЕВА Л.А.

Одним из приоритетных направлений в современном российском обществоведении становится изучение менталитета того или иного общества. Вместе с тем необходимо отметить, что современная философская традиция дифференцирует дефиниции «менталитет» и «ментальность». В частности, под «менталитетом» понимается культурно-исторический феномен, отражающий индивидуально (социально)-психологическую специфику и духовное состояние субъекта истории (личность, социум, этнос и т.п.). Трансляционными механизмами менталитета являются искусство, религия, мифология и др. А под категорией «ментальность» объединяются определенные универсальные базовые конструкты духовной жизни общества, формирующиеся в социокультурном пространстве в отдельные исторические периоды (например, первобытная эпоха, эпоха Возрождения, эпоха капитализма и т.д.) [1].

Каждой эпохе соответствует «дух времени», который определяет духовный облик как всего общества, так и отдельных личностей. Этот «дух времени» немецкий философ Вальтер Шубарт (1897—1942) обозначил как эонический* архетип. Согласно его точке зрения, «действие эонического архетипа превосходит рамки наций и рас. Он может охватывать целые континенты» [2]. Опираясь на учения древних иудеев и персов, немецкий ученый выделяет в мировой истории четыре архетипа, которые сменяют друг друга и, в зависимости от своего доминирования, создают четыре прототипа людей: человека гармоничного, героического, аскетического и мессианского. «Они отличаются друг от друга, — согласно мнению В. Шубарта, — той жизненной установкой, которую люди принимают по отношению к Вселенной».

Четыре предложенных ученым архетипа определяются своими ключевыми установками: гармоничный — согласие с миром; героический — господство над миром; аскетический — бегство от мира; мессианский — освящение мира. Классическими характеристиками гармоничного человека, считал В. Шубарт, обладали гомеровские греки, китайцы эпохи Конфуция и христиане времен готики; героического — древние римляне, романские и германские народы Нового времени; аскетического — индусы; мессианского — первые христиане и русские [3].

Если распространить предложенную В. Шубартом теоретическую конструкцию на тюркскую кочевую цивилизацию, то по своему душевному миро-

* Эон (греч.) — век, эпоха, жизнь, вечность.

ощущению тюрки периода расцвета своей цивилизации (VI—XII вв.), на наш взгляд, соответствуют гармоничному архетипу. «Гармоничный человек, — писал В. Шубарт, — воспринимает Вселенную как космос, одушевленный внутренней гармонией и не подлежащий человеческому управлению или упорядочению, а долженствующий быть лишь созерцаемым и любимым. Здесь нет и мысли об эволюции, а лишь полный покой — мир достиг своей цели» [4].

Именно такое «жизненное чувство» преобладает у кочевника. Земледелец «живет в постоянном страхе перед случайностями, в заботах о будущем, в вечной войне с сорняками, опасаясь града, морозов, засухи, наводнений». Кочевнику-скотоводу же «незнакомы тяготы оседлой жизни; он уверен в неиссякаемой питающей силе матери земли. Для него она не противник, как для землепашца, у которого он вырывает плоды своего труда, а мать, которая и милостива, и щедра». «С древних времен, — отмечает В. Шубарт, — народы скотоводов-кочевников имели мировоззренческое преимущество по сравнению с оседлыми племенами хлебопашцев. Внутренне не обеспокоенные заботами, кочевники имеют достаточно досуга, чтобы предаваться созерцанию. Так, они постепенно становятся мечтателями, размышляющими над вечными вещами» [5].

Черты кочевой ментальности присутствовали и присутствуют до сих пор в менталитетах конкретных социокультурных образований тюрков. Так, многие русские исследователи XVIII—XIX вв. отмечали у башкир такую черту характера, как созерцательность. Например, в топографическом описании Уфимского наместничества, составленном неизвестным автором в 1788 г. о башкирах, говорится следующее: «...полевая жизнь и прекрасные дни столько им любезны...». И далее ключевая фраза: «...верят в вечность существующего» [6].

При этом в оценках русских исследователей доминировало некое чувство превосходства. Они смотрели на башкир с точки зрения европейцев и воспринимали их созерцательное бездействие не как размышление о себе и обретение внутренней независимости, а как праздность или слабость. В частности, русский писатель С.Т. Аксаков (1791—1859), описывая башкирскую степь, отмечал: «...это башкиры, лениво, беспечно, всегда шагом разъезжающие по родной своей степи». Гражданский губернатор Оренбургской губернии в 1827—1835 гг. И.Л. Дебу, описывая способы хозяйствования башкир, давал им следующую характеристику: «Башкирцы <...> склонны к пчеловодству, тем более что сей род занятия, не требуя особого ухода и надзора, доставляет им без хлопот большие выгоды и совершенно соответствует праздной и беззаботной их жизни» [7].

Подобная «беззаботность», согласно теории В. Шубарта, присуща человеку гармоничному, укорененному в вечности. Только он «может беззаботно предаваться власти мгновенья». «Такой человек един со своей судьбой. Он не противится ей <...> он переносит тяготы судьбы, следуя и смиренно доверяясь ей» [8]. Такие черты характера, согласно мнению одного из исследователей Башкирского края, врача и писателя В.М. Флоринского (1833—1899), были присущи башкирам. В своей статье «Башкирия и башкиры: Путевые заметки», вышедшей в 1874 г., он писал: «Сколько раз приходилось мне слышать их жалобы на стесненное положение, на явные обманы, особенно по поводу продажи земель и угодий. Пользуясь их простотой, у них покупали превосходные земли по полтине или по рублю за десятину, и им же отдавали эту землю, назначая ту же цену, как арендную плату в год. Башкиры поймут сделанную ими глупость, сожалеют о своей простоте, но

не злобствуют. То же самое относительно властей. Несмотря на самые крутые меры, предпринимавшиеся для их цивилизации, они совершенно безропотно подчинялись всем ломкам и нововведениям, несмотря на то, что совершенно не понимали и не признавали их пользы и значения» [9].

То, что В.М. Флоринский называет «мерами для цивилизации» башкир, на самом деле было попыткой подчинения их мировосприятия так называемой европейской «культуре норм». Вот как характеризует эту культуру В. Шубарт: «Европеец ищет порядок в себе — в виде самодисциплины, господства рассудка над влечениями; он ищет его и вокруг себя — в государственном устройстве, в виде господства авторитета над гражданами» [10]. Совсем другое мироощущение присуще гармоничному архетипу, к которому мы относим башкир: «Большинство жизненных процессов протекало вне правовых рамок, регулируясь обычаями, основанным на доверии к внутренним обязательствам, а не на страхе перед наказанием со стороны государства» [11].

Приоритет обычного права перед российскими государственными законами был характерен для башкирского традиционного общества, где господствовала та модель человеческих отношений, которую в маргинальной социологии называют «общинной». Община, согласно определению В. Тернера, идентифицируется со сравнительно недифференцированным образованием, состоящим из людей, находящихся в состоянии братства, общности. Это состояние исключает развитое чувство индивидуального начала, то есть индивидуализм. Общение людей в границах общины предполагает равенство, предусматривает отсутствие собственности и агрессивного к ней отношения [12]. Такое определение в целом характеризует башкирскую родовую общину вплоть до конца XVIII в., юридического собственника вотчинной земли. Но названная социальная структура общества не была пережитком первобытно-общинного строя и социальным устройством, основанным на кровно-родственных связях, как о ней писали в советской историографии. Родоплеменная структура общества была основой социального устройства всей кочевой и полукочевой цивилизации и представляла собой, в сущности, военно-административное, а не кровно-родственное деление [13].

Общинная модель человеческих отношений делала востребованной и определенные черты характера членов общества. В качестве иллюстрации нашего тезиса можно привести отрывок из известного труда Н.Д. Никольского (1855—1918) «Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование». В 80-е гг. XIX в. Н.Д. Никольский служил земским врачом в Екатеринбургском уезде Пермской губернии и наблюдал жизнь северных и северо-восточных башкир. В своей книге он, в частности, отмечал, что между башкирами «не наблюдается крупных ссор, драк, буйства и т.п. Если и бывают какие-нибудь ссоры, более или менее крупные недоразумения, то таковые большей частью разрешаются их муллами, решению которых спорящие почти всегда и подчиняются. Далее, при решении своих общественных вопросов башкиры не проявляют страстности или возбуждения, все у них ведется тихо. За разъяснением своих недоумений они, прежде всего, обращаются к мулле или к старикам. Последние, как и мулла, пользуются большим почетом и уважением со стороны своих соотечичей» [14].

В пользу диалектической взаимосвязи менталитета башкир и тюркской кочевой ментальности может служить ориентированность башкирского традиционного общества на экстенсивное развитие. Наш тезис опирается на теоретический

конструкт российского культуролога И.Г. Яковенко, где понятия «экстенсивное» и «интенсивное» выходят за рамки сферы технологии и экономических отношений и являются характеристиками «отношения человека к природному и социальному универсуму». Согласно мнению исследователя, «склонность к интенсивному или экстенсивному типу деятельности относится к базовым характеристикам социокультурного целого». Более того, как считает ученый, можно говорить об экстенсивной или интенсивной модели развития. «Каждая из этих моделей характеризуется определенным отношением к миру и порождает базовый тип личности. Эти типы различаются ментальностью — структурой переживания себя-в-мире, типом осмысления встающих перед человеком проблем и характером решений этих проблем» [15].

Башкирское традиционное общество мы относим к экстенсивно ориентированному в силу совпадения его базовых характеристик с последним. Одной из основных категорий экстенсивной стратегии бытия является стремление к бесплатным (минимально оплаченным) ресурсам. Такое стремление может быть реализовано в условиях «ресурсной избыточности», когда пригодного для жизни человека пространства больше, чем людей. Полукочевое (яйляжное) скотоводство, охота и лесные промыслы, которые были основными типами хозяйствования башкир вплоть до начала XX в., определяли экстенсивную стратегию их жизнедеятельности.

Для экстенсивно ориентированного общества типичен человек-интроверт, погруженный во внутренний мир. Это человек «восточного» типа (к которому мы относим и «гармоничного человека» В. Шубарта), оппонировавший человеку «западному» (в т.ч. «героическому человеку» В. Шубарта), ориентированному на деятельность, пользу, производство товаров и материальных ценностей. Для интровертов приоритетными являются вербальные элементы в традиционной культуре. Примером может служить широкое распространение у башкир устного народного творчества: эпосов, байтов (сказаний), легенд и преданий, сказок и др. Более того, вплоть до середины XX в. функционировал специальный институт сказителей (сәсәнов), которые сохраняли и распространяли древнейшие элементы духовной культуры башкир.

Интровертная ориентированность человека и социума предполагает также предпочтение гуманитарных знаний и наук в ущерб естественным и техническим. Конкретное выражение такая ориентированность получает в мотивах трудовой деятельности, в профессиональной ориентации и фиксируется, в частности, социологическими опросами. Например, результаты репрезентативных опросов, проведенных в 1999, 2000, 2002 гг. известным специалистом Л.М. Дробижевой, показывают, что удельный вес производственной интеллигенции у русских в Башкортостане превышал более чем в четыре раза тот же показатель у башкир [16].

Экстенсивная или интенсивная ориентированность общества, его тип хозяйствования определяются, прежде всего, природно-климатическими условиями территории проживания этноса. Эти условия В. Шубарт называл духом ландшафта или земли. «Из духа земли вырастает душа народа, — писал ученый. Этот дух определяет его постоянные национальные качества... Силы почвы фундаментальнее и прочнее сил крови... Поэтому, проживая на одной и той же территории, чуждые расы становятся сходными, а родственные, обитая на разных землях, становятся непохожими» [17]. В то же время еще раз согласимся с В. Шубартом:

«Часто именно победители подпадают под влияние сил, излучаемых чужой землей и возвращенной на ней культурой» [18].

Пример этногенеза башкирского народа как нельзя лучше подтверждает вышеприведенный тезис немецкого философа. На территорию Южного Урала, издревле (с V в. до н.э.) населенную ираноязычными сармато-аланскими племенами, приходили и селились отдельные тюркоязычные племена (гунны, кыргызы, кыпчаки, теле и др.). Все они, перекипев в «этническом котле», становились башкирами. Этот процесс нашел реальное отражение в башкирском антропогенезе, где представлены, как минимум, четыре ярко выраженных антропологических типа.

Национальный менталитет башкир не исчерпывается присущими ему отдельными чертами тюркской кочевой ментальности. Связано это, несомненно, с тем, что формирование башкир как народа происходило на территории Южного Урала — «страны гор». Именно физико-географические условия Южного Урала определяли этногенетические параметры ядра башкирского этноса. Подтверждением нашего вывода, в частности, служит сохранившийся только у башкир (из всех тюрков) архаический эпос «Урал батыр». Канва его повествования, фон, на котором разворачиваются его сюжеты, не оставляют сомнений, что «картина мира» башкир сложилась на Урале. В пользу тезиса о том, что башкиры складывались как горный народ, говорят их песни и пляски. Даже недолгое соприкосновение с башкирским народным искусством не оставляет в том никаких сомнений.

Горы же, согласно теории В. Шубарта, порождают определенный человеческий тип. В горах каждая вершина и долина имеют свое название и свою индивидуальность. Это способствует, согласно мнению философа, укреплению в человеке самостоятельности и независимости [19]. Русские исследователи Башкирского края одним из отличительных черт его коренного народа называли гостеприимство. Однако, как писал известный краевед Р.Г. Игнатъев, «ухаживая за гостем, даже важным, башкир не снисходит до низкопоклонства, заискивания и т.д., он сохраняет свое достоинство и держит себя независимо» [20]. Не допускает двусмысленности и характеристика, данная башкирам В.М. Флоринским. У них, с его точки зрения, «характерной чертой является их прирожденное чувство порядочности, привычка уважать в другом человеке его человеческую личность и сохранять таковое и в самом себе, редко доводя сознание собственного достоинства до высокомерия или нахальства» [21].

Об уровне культуры любого общества судят по отношению в нем к женщине. Башкиры, согласно Д.П. Никольскому, «замечательно нравственно чистый народ по отношению к женщинам». И далее: «Башкир относится к жене мягко, никогда почти не бьет ее и не мучает <...> напротив, при малейшей возможности он старается что-нибудь ей подарить, хотя бы самую ничтожную вещь» [22]. Одновременно башкирская женщина имела в обществе и семье более независимое положение по сравнению с подобным у других мусульманских народов. Перечисленные характеристики указывают на наличие в общественном сознании народа так называемого «рыцарского этоса».

Определяющей чертой рыцарского этоса культурологи называют высокий статус воинской этики — отождествление мужчины и воина. Характерные «рыцарские» черты широко представлены также и у современных башкир. В качестве косвенного доказательства нашего тезиса можно привести следующий

факт. Военный комиссариат Республики Башкортостан (один из немногих в Российской Федерации) из года в год выполняет и даже перевыполняет план призыва на действительную воинскую службу. То, что современный исследователь И.Г. Яковенко отмечает как культурный рефлекс казачества, вполне применимо к башкирам: ими «движет импульс, задающий образ войны как единственного достойного мужчины занятия, как инициационного испытания. Война необходима этим людям для устойчивой половой самоидентификации» [23].

Защита своей Родины — один из главных национальных приоритетов народа-воина. Высокий статус родной земли среди национальных ценностей башкир зафиксирован не только в их фольклорных произведениях, но и современными социологическими исследованиями. Опрос, проведенный в 2008 г. уфимскими социологами Ф.С. Файзуллиным и Э.Ф. Абдрахимовым среди студенческой молодежи, подтверждает наш тезис. Вопрос анкеты «Какие ценности, прежде всего, связываются у Вас с мыслью о Вашей нации?» выявил среди респондентов-башкир определенные приоритеты. На первое место среди национальных ценностей они поставили: «территорию своего проживания — Башкортостан». У респондентов других национальностей (русских и татар) этот ответ получил только пятую позицию. Более того, согласно данным вышеназванных исследователей, 85 процентов молодых башкир не собираются в будущем покидать республику [24].

Изучение менталитета любого народа имеет как научную, так и практическую значимость. Реализация политических и экономических целей государства, его стабильность невозможны без учета значимого социально-культурного разнообразия населения страны. Социально-культурное разнообразие, в свою очередь, невозможно отобразить без учета ментальных особенностей человека, народа, нации. Нет такой сферы жизнедеятельности социума и его членов, где бы не проявился присущий им менталитет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дашковский П.К. К вопросу об изучении ментальности кочевников Центральной Азии // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. — Омск, Ханты-Мансийск, 2002. — С. 203—204 (С. 203).
2. Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. — М., 2003. — С. 9.
3. Там же. С. 13—14.
4. Там же. С. 13.
5. Там же. С. 113.
6. Буканова Р.Г., Фешкин В.Н. Башкиры в трудах русских ученых и исследователей. — Уфа, 2007. — С. 37—38.
7. Там же. С. 54, 58.
8. Шубарт В. Указ. соч. С. 112, 114.
9. Буканова Р.Г., Фешкин В.Н. Указ. соч. С. 120.
10. Шубарт В. Указ. соч. С. 116.
11. Там же. С. 117.
12. Хренов Н.А. Личность лиминарного типа как субъект российской цивилизации и институционализация ее картины мира в культуре // Пространства жизни субъекта: Единство и многомерность субъектнообразующей социальной эволюции. — М., 2004. — С. 347—458 (С. 364).
13. Азнабаев Б.А. Теория «кочевого феодализма» и социальное развитие башкирского общества в XVI — первой трети XVIII века // Панорама Евразии. — Уфа, 2008. — №1. — С. 28—37 (С. 31—32).
14. Буканова Р.Г., Фешкин В.Н. Указ. соч. С. 112.
15. Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. — М., 2008. — С. 275.

16. Дробижева Л.М. Кому и зачем нужна федерация в России: политический и социально-психологический взгляд на проблему // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа). — Казань, 2004. — С. 671—678 (С. 673).
17. Шубарт В. Указ. соч. С. 19, 21.
18. Там же. С. 45.
19. Там же. С. 19—20.
20. Буканова Р.Г., Фешкин В.Н. Указ. соч. С. 111.
21. Там же. С. 112.
22. Там же. С. 111—112.
23. Яковенко И.Г. Указ. соч. С. 85.
24. Файзуллин Ф.С., Абдрахимов Э.Ф. О социологической модели механизма этнической идентификации // Феномен Евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. — Уфа, 2009. — С. 162—164 (С. 163).

Социальные конфликты в воинских коллективах: взгляды военных ученых

АЛПЫСБАЕВ Т.М.

Ученые из института философии Академии наук Республики Казахстан, определяя природу социального конфликта, заметили, что пространство постсоветской действительности сверхконфликтно, ибо каждый, живущий в границах этого пространства, ощущает его на себе. Люди, которые «строили коммунизм» в СССР, согласно коммунистической парадигме, не могут жить иначе, как в мире гармоничных и гуманистических отношений, в которых никакие конфликты невозможны, кроме конфликтов, вызванных свойствами дурного характера тех или иных незрелых людей, которые должны были под влиянием соответствующих мер перевоспитаться. Природа социализма навсегда исключала любые условия для конфликтов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что официальные словари и справочники определяли сущность конфликта, прежде всего по этимологическому значению, как «столкновение», то есть как частный случай противоречий [1].

Военная наука — самая молодая отрасль научных знаний, которая изучает проблему конфликта. Как известно, история изучения конфликта, степень разработанности проблемы и характер связей с другими дисциплинами для каждой науки специфичны. Существенной особенностью проводимых в рамках различных наук исследований является их изолированность. Установлено, что в диссертациях в среднем используется 2,2% от общего числа публикаций по проблеме конфликта, имевшихся во всех областях знаний на момент выполнения исследования. Количество использованных работ из той отрасли науки, в которой работает автор, составляет 10,2%, из других наук, изучающих конфликт, — 1,2%. Наиболее развиты междисциплинарные связи у психологии и педагогики [2].

Анализ защищенных диссертационных исследований показывает, что на современном этапе в области публикации и использованных работ по проблеме конфликта ничего не изменилось. Конфликты, как правило, пронизывают все элементы общества, в том числе и силовые структуры, которые являются гарантами стабильности и правопорядка каждой общественной системы. Поэтому не случаен тот интерес, который проявляют не только ученые, военные специалисты, представители правоохранительных органов, но и рядовые граждане к проблеме конфликтов в обществе. Тем более что география самых разрушительных военных конфликтов неуклонно расширяется, конфликтующие стороны часто неразборчивы в выборе средств борьбы, столкновения из вялотекущих процессов перерастают в интенсивные, сопровождаемые большими материальными, культурными ценностными потерями и человеческими жертвами [3].

Дальнейшее развитие понимания сущности социального конфликта в воинских коллективах может быть связано с определением его как одного из способов разрешения серьезных противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия. Помимо конфликта, противоречия социального взаимодействия могут разрешаться путем сотрудничества, компромисса, избегания противоборства и тактики приспособления. Конфликт характеризуется, во-первых, противодействием оппонентов, то есть общением, поведением или деятельностью, направленными на защиту интересов военнослужащих путем ограничения активности оппонента и (или) нанесения ему морального или материального ущерба. Второй важный признак социального конфликта — переживание оппонентами выраженных негативных эмоций по отношению друг к другу.

Конфликт можно отнести к одному из типов трудных ситуаций, возникающих в процессе жизнедеятельности военнослужащего. Социальные конфликты обладают основными признаками конфликтной ситуации. Поэтому в разработке методологических теоретических и методических проблем изучения конфликтных ситуаций обычно используется богатый опыт, который накоплен в исследованиях конфликтных ситуаций в социальной деятельности.

В наши дни социологические наблюдения показывают слабую социально-правовую и социально-бытовую защищенность военнослужащих, кардинальные изменения в ценностях и нормах Казахстанского общества и его военной организации. Неблагоприятные социально-политические и социально-экономические условия порождают чувство неуверенности и нестабильности в армейской среде, способствуют нарастанию социальной напряженности и конфликтности в подразделениях, частях и соединениях Вооруженных сил, что отрицательно влияет на качество боевой подготовки, состояние воинской дисциплины. Конфликты, которые нередко возникают между военнослужащими в подразделениях, являются существенным фактором, влияющим на эффективность деятельности всего личного состава.

Изучение конфликтов в воинском коллективе как важнейшая научная и практическая проблема охватывает предметную область преимущественно трех наук: социологии, психологии и педагогики. Каждая из них сформировала личный исследовательский подход, отличающийся своим предметом и методами. Анализ научной литературы свидетельствует, что степень изучения и разработанности указанной проблемы не в полной мере удовлетворяет потребности теории и практики, хотя в ряде научных работ и затрагиваются некоторые аспекты социальных конфликтов в воинском коллективе.

Исследования социальных конфликтов, и в первую очередь межличностных конфликтов в армейской среде, начали проводиться сравнительно недавно, несмотря на то, что проблемы нарушения уставных правил взаимоотношений, конфликты на различных уровнях и их последствия серьезно влияли на уровень боеготовности, боеспособности и сплоченность воинских коллективов. Имеющиеся проблемы в воинских подразделениях, как правило, списывались на недостатки в воспитательной работе командиров и офицеров воспитательных структур, слабую индивидуально-воспитательную работу с подчиненными. Одним из первых военных ученых-обществоведов, кто попытался рассмотреть и определить место и роль конфликтов в воинских коллективах, был ученый В.Н. Ковалев, считавший, что «межличностный конфликт, как правило, разворачивается между двумя членами коллектива, интересы которых, по тем или иным причинам, вступили в противоречие» [4].

Другой военный ученый А.Я. Анцупов также касался этой темы. Он категорично выступил по проблеме конфликтов, заявив, что военная наука по сравнению с другими науками столь поздно обратилась к изучению конфликта по той причине, что до конца 1980-х гг. в военной науке приоритетное значение отводилось категории «война». Война рассматривалась как общественно-политическое явление, представляющее собой борьбу государств, наций, социальных групп, ведущуюся средствами вооруженного насилия [5]. Серьезно подошел к проблемам военной конфликтологии в 80-х гг. XX в. А.И. Каменев в своей работе «Конфликтные ситуации в подразделении, их профилактика и предупреждение», где рассматривал конфликт как «трудно разрешимое противоречие между различными воинами, связанное с острыми эмоциональными состояниями и переживаниями, а межличностный конфликт должен рассматриваться как ситуация, где действующие лица либо преследуют несовместимые цели и реализуют противоположные ценности, либо одновременно в конкурентной борьбе стремятся к достижению одной и той же цели, которая может быть достигнута лишь одной из сторон» [6].

В конце 80-х гг. прошлого столетия в военной науке появилась необходимость введения понятия «военный конфликт», а следовательно, возник вопрос о соотношении категорий «война» и «военный конфликт». Война стала рассматриваться как сложное социальное явление в едином спектре военных конфликтов различной интенсивности. В 90-х гг. XX в. в военной науке появляется термин «вооруженный конфликт». И это связано с тем, что в конце XX и начале XXI в. крупномасштабных войн не происходило, все вооруженные столкновения имели локальный характер. В связи с этим в Военной доктрине Республики Казахстан применили термин «вооруженный конфликт высокой, средней и низкой интенсивности».

В 1988 г. еще один военный ученый Е. Долгополов в виде научной статьи опубликовал работу, посвященную военным аспектам региональных конфликтов.

Исследуя проблемы предупреждения и разрешения межличностных конфликтов во взаимоотношениях офицеров, А.Я. Анцупов предложил рассматривать межличностный конфликт как один из способов разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе социального взаимодействия офицеров, заключающийся в противодействии оппонентов с целью защиты своих интересов и обычно сопровождающийся негативными эмоциями и чувствами, переживаемыми ими по отношению друг к другу [7].

В казахстанской военной науке косвенно изучаемой проблемы коснулись ученые Н. Асыллов, Н. Кудро, А. Мукашева и В. Бирюков.

Таким образом, краткий анализ взглядов военных ученых-обществоведов, которые изучали проблемы конфликтного взаимодействия в специфической социальной среде — воинском коллективе в определенной мере позволяет сделать некоторые выводы. Армейскими учеными в конфликтах выделен ряд существенных моментов, суть которых заключена в следующем:

- наличие социальных субъектов, вступивших в осознанное открытое противоборство с целью защиты своих интересов;
- причина конфликтов — противоречие интересов сторон, в основе которых лежит совокупность объективных и субъективных обстоятельств;
- острые эмоциональные состояния и переживания — существенный компонент конфликтного взаимодействия;

- конфликт есть способ разрешения значимых противоречий в социальном взаимодействии субъектов;

- конфликт имеет протяженность во времени, содержит этапы конфликтной ситуации, выполняет самый широкий спектр функций — как правило негативных.

Основной акцент исследований военных ученых всегда имел практическую тенденцию и был направлен на проблему предупреждения и разрешения конфликтов, так как специфика иерархической системы рассматривает конфликт как дисбаланс данной социальной структуры, имеющий в основном негативные последствия.

В современных социологических исследованиях социальных конфликтов в воинском коллективе на примере Вооруженных сил Российской Федерации можно выделить три направления: *социометрическое, органическое и биологическое*, хотя в них реализуется относительно самостоятельные теоретические концепции.

В процессе воинской службы все военнослужащие включены в социальные отношения — в определенную устойчивую систему межличностных связей, сложившуюся в процессе их взаимодействия друг с другом в условиях военной организации. Военно-профессиональная деятельность, являясь специфическим видом социальной деятельности, объединяет всех военнослужащих, включенных в систему социальных отношений. В процессе военно-профессиональной деятельности как совокупности действий воинов, преследующих определенные социальные цели и использующих для достижения этих целей различные средства, военнослужащие взаимодействуют друг с другом. Совместная деятельность опосредует социальное взаимодействие военнослужащих. При этом взаимодействии каждый воин интегрирует отношение окружающих к себе и вырабатывает свое отношение к сослуживцам. Таким образом, социальное взаимодействие военнослужащих осуществляется через специфический вид социальной деятельности — военно-профессиональную деятельность, при этом деятельность каждого индивида регламентирована его социальной позицией (статусом) и функциями, которые он исполняет (социальной ролью).

Главное — это анализ последствий конфликта — как для его участников, так и в целом для подразделения. В нашем исследовании дается анализ по основанию конструктивности и деструктивности конфликта [8].

В соответствии с требованиями, предъявляемыми к военной организации, имеющей иерархическую структуру, на основании Устава Внутренней службы ВС РК, военнослужащий может занимать должность начальника или подчиненного. При этом начальник имеет право отдавать подчиненному приказы и требовать их исполнения, подчиненный же обязан беспрекословно выполнять приказы начальника [9]. Должности начальника соответствуют социальная роль руководителя, то есть официальная роль, предполагающая исполнение начальником функций управления воинским коллективом (военной организацией). В данном случае руководство, имеющее под собой правовую основу и проявляющееся в виде функциональной зависимости между подчиненным и начальником, выступает как отношение между разными статусами, соответствующими уровням субординационной структуры.

Вооруженные силы государства являются неотъемлемой частью военной организации общества. Это подчеркивает, что все изменения и процессы, происходящие в

казахстанском обществе, в той или иной мере проявляются и в Вооруженных силах Республики Казахстан. Они, как и в обществе, выражают наиболее существенные изменения в социальной жизни армии. Вышеизложенное дает нам возможность определить специфическую социальную сущность конфликта в военно-социальной среде для воинского коллектива, его содержательную структурную характеристику, особенно на уровне участников, групп участников, реальную динамику развития с фазовыми элементами, конкретные влияния на социализацию офицеров.

В армейских подразделениях конфликты могут приводить к негативным последствиям: неуставным отношениям, снижению политико-морального состояния личного состава, уровня воинской дисциплины, боеготовности. Вместе с тем своевременное и глубокое познание офицерами назревающего конфликта и создание благоприятных условий для его безболезненного разрешения играют положительную роль в укреплении сплоченности воинского коллектива, оздоровлении его морального климата.

Однако, не отрицая негативного влияния конфликтов на жизнедеятельность воинских коллективов и военнослужащих, необходимо отметить, что позитивная функция конфликтов может проявляться и в содействии формированию морально необходимого равновесия, переоценки и изменения прежних ценностей и норм воинского коллектива, а также в гарантии развития воинского коллектива путем вскрытия противоположных моральных интересов — создания возможностей для их анализа командирами и определения необходимых изменений.

Основываясь на методике социологического анализа социальных конфликтов в воинских коллективах, можно снять субъективность в их оценке и более конструктивно разобраться в причинах, породивших тот или иной конфликт.

Любой воинский коллектив, в том числе офицерский, представляет собой сложную, взаимосвязанную систему, совокупность социальных позиций и ролей, которые должны выполнять военнослужащие. Особенностью воинского подразделения как элемента социальной структуры общества является иерархичность его построения. Она обеспечивает ее устойчивость, единство цели и эффективность деятельности. Однако это социальное качество является потенциальной основой возможной нестабильности, которая может проявляться в конфликтном взаимодействии — как по вертикали (между начальником и подчиненным или подчиненными), так и по горизонтали (между военнослужащими или группами военнослужащих, не находящимися в отношениях подчиненности). В силу этих обстоятельств, военный руководитель (командир) оказывается причастным к тем конфликтам, которые происходят между подчиненными ему военнослужащими, или сам является непосредственным участником конфликта. В сферу социального взаимодействия военного руководителя — офицера, контрактника, сержанта вовлечено большое количество военнослужащих различных категорий.

Реальные конфликты в современном Казахстане, в определенной степени повторяющиеся и в Вооруженных силах Республики Казахстан, протекают в специфических условиях жизнедеятельности воинских коллективов частей и соединений Вооруженных сил Республики Казахстан. Какие же факторы, условия и обстоятельства сегодня определяют особенности социального конфликта в армии и их влияние на социализацию офицеров?

Контент-анализ нормативно-правовых актов Вооруженных сил Казахстана, проведенный автором, дает возможность утверждать, что они предназначены,

во-первых, для защиты суверенитета, территориальной целостности, неприкосновенности границ государства, во-вторых, для отражения нападения и нанесения поражения агрессору, в-третьих, для охраны и обороны государственных и военных объектов, а также для выполнения совместно с вооруженными силами других государств задач по совместной обороне в соответствии с международными договорами, что отвечает Закону Республики Казахстан [10]. Однако все перечисленные задачи, так или иначе, связаны с применением оружия, что накладывает своеобразный отпечаток на характер социального конфликта, придавая ему наивысшую остроту.

Как известно, Республика Казахстан входит в СНГ, его Вооруженные силы выполняют часть функциональных задач, которые реализует коллективный военный орган военного управления по координации военного сотрудничества. Сложность их выполнения состоит в следующем:

а) каждый воинский коллектив является относительно самостоятельной, специфической, организационно-оформленной, функционирующей и развивающейся на основе коллективистских принципов объединения формальной деятельности и отношений, идейно-сплоченной общностью людей, совместно овладевающих военным делом для обеспечения защиты Отечества;

б) специфичность воинского труда как в условиях мирного, так и в условиях военного времени связана с повышенной степенью риска, нервным напряжением, экстремальным характером воинской деятельности, использованием новых видов оружия, боевой техники, средств связи, а также тем, что социальные субъекты в воинском коллективе имеют доступ к оружию;

в) строгая иерархичность военно-социальных отношений на формальном уровне социальной организации воинских частей и соединений, жесткая уставная субординация отношений и строгая регламентация повседневной воинской службы;

г) зависимость социальной мобильности от смены места службы как одно из условий служебно-профессионального роста офицера;

д) последствия социального конфликта в воинском коллективе более значительны, ибо они влияют на уровень боевой готовности Вооруженных сил Республики Казахстан и обороноспособность государства в целом;

е) высокая интенсивность военно-социального взаимодействия военнослужащих друг с другом, как на межгрупповом, так и на межличностном уровне;

ж) как правило, воинский коллектив характеризуется тем, что в нем преобладает сугубо мужской коллектив, находящийся в тесном контакте круглосуточно весь период прохождения воинской службы.

Частота социальных конфликтов в воинских коллективах существенно зависит от характера взаимодействия между ними, прежде всего от их субординационных связей. В воинских коллективах чаще всего происходят социальные конфликты по вертикали, причем конфликты между военнослужащими — это конфликты в диаде (подчиненный — непосредственный начальник).

Одной из наиболее сложных является проблема содержательной классификации социальных конфликтов. Межличностные социальные конфликты во взаимоотношениях военнослужащих имеют две группы причин: объективные и субъективные. Объективные причины конфликтов приводят к созданию предконфликтной обстановки — объективного компонента конфликтной ситуации. Субъ-

ективные — связаны с теми индивидуальными особенностями военнослужащих, которые приводят к выбору ими конфликтного, а не иного способа разрешения возникшего объективного противоречия.

К числу основных объективных причин, приводящих к возникновению социальных конфликтов, относятся естественные столкновения интересов военнослужащих в процессе их жизнедеятельности, слабая разработанность нормативных процедур разрешения типичных межличностных противоречий, недостаток значимых для нормальной жизнедеятельности военнослужащих материальных и духовных благ и др.

Типичными причинами социальных конфликтов являются: возможные значительные потери и искажения информации в процессе межличностной коммуникации, несбалансированное статусное взаимодействие военнослужащих, нарушение баланса взаимных услуг и взаимозависимости военнослужащих, непонимание того, что расхождения в оценке сложных явлений естественны и, как правило, не требуют конфликтного разрешения, различные подходы к оценке результатов деятельности и др. Общей причиной социальных конфликтов является оценка поведения партнера по социальному взаимодействию как недопустимого и решение скорректировать его путем социального конфликта.

Социальный конфликт может нарушать систему коммуникаций, ослаблять ценностно-ориентационное единство, снижать групповую сплоченность. Деструктивные конфликты негативно влияют на личность военнослужащего. Они могут способствовать формированию неверия в справедливость, убежденности в том, что начальник всегда прав и т.п.

К конструктивным функциям социального конфликта относятся:

- а) улучшение после разрешения социального конфликта эффективности индивидуальной деятельности оппонентов и совместной деятельности группы;
- б) позитивные изменения во взаимоотношениях военнослужащих и социально-психологическом климате коллектива. Конфликт является способом перевода взаимоотношений на новый уровень, оказывает положительное влияние на развитие личности военнослужащего, тестирует участников социального конфликта, позволяет вскрыть проблемы в структуре и функциях организации, выявляет несоответствие между формальной и неформальной структурами группы.

Непосредственно процесс конфликтного взаимодействия военнослужащих оказывает негативное влияние на деятельность оппонентов, а также на эффективность совместной деятельности коллектива и взаимоотношений в нем. После разрешения социальный конфликт оказывает противоречивое влияние на военнослужащих и коллектив. У оппонентов сохраняются негативные отношения и худшие, чем до социального конфликта, взаимоотношения. Эффективность индивидуальной деятельности оппонентов и совместной деятельности военнослужащих повышается.

Выше уже указывалось, что большинство социальных конфликтов в воинских коллективах составляют конфликты между начальниками и подчиненными. Однако преобладание конфликтов по вертикали еще не является достаточным основанием для вывода о том, что диада «начальник — подчиненный» является более конфликтной по сравнению с диадой военнослужащих, не связанных отношениями подчиненности. Это приближенная оценка, поскольку пока не удалось

дать точное описание критериев оценки характера взаимодействия военнослужащих в коллективе.

Причинами возникновения социального конфликта в воинском коллективе являются: неблагоприятные региональные, физико-географические условия службы; противоречивые социально-психологические условия жизнедеятельности военнослужащих, в том числе молодых офицеров, в целом всего ряда воинских коллективов; весьма различные, не сформировавшиеся социально-психологические и демографические характеристики отдельных военнослужащих.

В целях более полного понимания сущности социального конфликта, знания законов его функционирования и принятия, апробированных управленческих решений для его предотвращения, следует четко представлять и уметь анализировать его внутреннюю структуру. Сопоставление и обобщение различных концепций социальных конфликтов, предложенных западными, российскими и отечественными учеными, показывает, что к основным структурным составляющим любого социального конфликта, как правило, относят: субъектов конфликта; взаимоотношения между ними; а также тот предмет, по поводу которого он происходит. Сюда же нередко относят и состояние социальной среды, в которой конфликт возникает и развивается.

Чтобы выявить и отчетливо определить непосредственных субъектов участников конфликта, недостаточно идентифицировать их с теми или иными индивидами или группами. Для этого пришлось, во-первых, проанализировать также их количественный и качественный состав, уровень организации, объем ресурсов и другие переменные; во-вторых, выяснить количественный состав в определении того, сколько личностей участвует в конфликте в качестве самостоятельных субъектов, лидеров и их мобильность в группе; в-третьих, определить качественный состав конфликтных субъектов с помощью характеристики типичных форм их поведения, особенностей их психологии, нравственных и социальных норм, которых они придерживаются. Известный специалист по конфликтологии Л. Козер отмечал, что *отношения конфликтующих сторон* — не возможны без учета характера их взаимодействия и взаимозависимости. Важно установить, какие отношения между участниками конфликта были до его начала, в момент конфликта и какие планируются после его завершения [11].

Для этого необходимо учитывать такие переменные, как:

- а) характер и степень интеграции и субординации сторон по отношению друг к другу;
- б) условия, при которых одна сторона требует признания законности сложившихся отношений, а другая не признает их законность.

Институционализация конфликта представляет собой создание постоянных или временных форм отношений, в которых происходит взаимодействие сторон и которые способствуют его предупреждению, урегулированию и разрешению. Она предполагает наличие или разработку определенных правил, на которых строится процесс поиска совместного решения и урегулирования на его основе возникающего конфликта. Эти правила включают различные нормы, процедуры, санкции, которые легитимны при определенных условиях. Конфликтная ситуация поддается нормативному регулированию в том смысле, что нормы определяют дозволенные формы конфликтного взаимодействия и запрещают выход за пределы принятых в качестве допустимых.

Из данной структуры и характеристики социального конфликта видно, что он представляет собой реальный, объективный, динамичный военно-социальный процесс в развитии военной организации, в том числе и Вооруженных сил Республики Казахстан. Социальный конфликт, а особенно военно-социальный конфликт, характеризуется определенными периодами (стадиями) развития и конкретного протекания.

Первый — предконфликтный период, иначе говоря, конфликтная ситуация, во время которой возникает острое разногласие на почве расхождения интересов «сторон».

Второй — собственно конфликт, когда первоначальное «соперничество» сменяется взаимным противоборством участников.

Третий — завершающий: разрешение конфликта, включающее достижение цели одной или обеими сторонами. Реализация управленческих решений в плане дальнейшего анализа влияния социальных конфликтов на все стороны жизнедеятельности войск.

Каждый конфликт характеризуется как остротой, так и скоростью его протекания. Острота и скорость протекания конфликта связаны со степенью осознания конфликтующими сторонами группового интереса и ответственности за его реализацию. Одной из важнейших стадий, как мы подчеркивали уже, является завершение конфликта. Одной из форм завершения является урегулирование социального конфликта.

Урегулирование социального конфликта осуществляется как:

1. Снятие социальной напряженности на ранних стадиях формирования конфликтной ситуации.

2. Компромисс противоборствующих сторон по поводу предмета конфликта. Компромисс — это уступка в каких-то, как правило, второстепенных элементах предмета конфликта. Это цивилизованный способ урегулирования, например, межгосударственных и региональных конфликтов. Он в последнее время приобретает особое значение.

3. Успех одной из сторон, в результате которого объект конфликта (социальное образование, в котором разразился конфликт: регион, общность, коллектив, а применительно к военной организации: подразделение, часть и т.д.) приобретает новое качественное состояние или перестает существовать.

В современном военно-социальном знании и военной социологии социальные конфликты *классифицируются* по следующим основаниям: *по масштабу, способу урегулирования, характеру, уровню носителей*.

Как показало наше исследование, в армейских условиях конфликты могут приводить к негативным последствиям: к десоциализации военнослужащих, в том числе и офицеров; допущению нарушений уставных правил взаимоотношений, снижению морально-психологического состояния личного состава, уровня воинской дисциплины, боеготовности. Вместе с тем своевременное и глубокое познание офицерами назревающего конфликта и создание благоприятных условий для его безболезненного разрешения играют положительную роль в укреплении сплоченности воинского коллектива, оздоровлении его морального климата.

Однако, не отрицая негативного влияния конфликтов на жизнедеятельность воинских коллективов и военнослужащих, необходимо отметить, что позитивная

функция конфликтов может проявляться в содействии формированию морально необходимого равновесия, в переоценке и изменении прежних ценностей и норм воинского коллектива, а также в гарантии развития воинского коллектива путем вскрытия противоположных моральных интересов — создания возможностей для их анализа командирами и определения необходимых изменений.

Основываясь на современных технологических методиках социологического анализа социальных конфликтов в воинских коллективах, командиры и другие органы военного управления смогут более конструктивно разобраться в причинах, породивших тот или иной конфликт.

Итак, социальный конфликт в воинских коллективах имеет ряд особенностей, связанных с выполнением задач по защите государства. Все причины, факторы и обстоятельства, присущие социальным конфликтам в государстве, в его социальных структурах и системах, находят свое отражение и в военном социуме.

Таким образом, можно считать, что, чем выше профессионализм военнослужащего, тем он меньше подвержен влиянию социального конфликта. Иначе говоря, в процессе прохождения службы военнослужащий приобретает навыки, умения и жизненный опыт, что, в свою очередь, способствует безболезненному преодолению социального конфликта. С приобретением жизненного опыта военнослужащий ищет оптимальные пути выхода из конфликта.

Такие рекомендации можно ожидать при условии формирования междисциплинарной области науки — конфликтологии. Ее создание возможно, поскольку в основе любого конфликта лежит противоречие, которое играет системообразующую роль как для различных видов конфликтов, так и для различных уровней их изучения. Ее создание необходимо, поскольку изучение конфликта одной наукой неизбежно приводит к потере целостного представления о нем, утрате ряда его существенных черт. Поэтому в рамках одной науки объективно трудно выработать практические рекомендации, которые были бы полезны в разрешении реальных конфликтов. Офицеры, органы управления имеют дело с целостными реальными конфликтами, а не с их отдельными социологическими, психологическими, правовыми, философскими и другими аспектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отчет и НИР «Социальные конфликты в динамике преобразований казахстанского общества». — Караганда, 1997.
2. Прошанов С. Конфликт в сфере социального взаимодействия военного руководителя и пути его разрешения. Дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук. — М.: ВУ, 1995.
3. Пузикова С. Социология. — Алматы, 2001.
4. Ковалев В. Социалистический воинский коллектив (опыт системного социологического анализа). Дис. д-ра философ. наук. — М. — С. 365.
5. Анцупов А., Шипилов А. Конфликтология. — М., 1999.
6. Каменев А. Конфликтные ситуации в подразделении, их профилактика и предупреждение. Политуправление Краснознам. САВО. — Алма-Ата, 1984. — С. 2—3.
7. Анцупов А., Шипилов А. Указ. соч.
8. Прошанов С. Указ. соч.
9. Устав Внутренней службы Вооруженных Сил Республики Казахстан. — Астана, 2007.
10. Закон Республики Казахстан от 22 декабря 1992 г. «Об обороне и Вооруженных Силах Республики Казахстан».
11. Козер Л. Функциональность конфликта и польза несогласия в науке // Современная американская социология. — М.: МГУ, 1994.

Рецензия

Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. — М.: ИМЭМО РАН, 2009. — 179 с.

ЛАУМУЛИН М.Т.

В этом году увидела свет долгожданная и замечательная монография наших российских коллег С. Жукова и О. Резниковой из Института мировой экономики и международных отношений РАН, посвященная экономическим аспектам отношений между Китаем и Центральной Азией. Это концептуальный, всеобъемлющий труд, в котором сделана попытка — и весьма успешная — осветить все многочисленные аспекты китайско-центральноазиатских отношений в экономической сфере. Однако фактически затрагиваемая тематика — отношения КНР и ЦА в условиях глобализации — выходит далеко за рамки собственно экономической области, поднимаясь на уровень геоэкономики и геополитики.

В монографии рассматриваются вопросы торгового, инвестиционного, энергетического и транспортного взаимодействия Китая и Центральной Азии с учетом принципиальных различий в масштабах и структуре экономического потенциала партнеров, а также разной глобальной конкурентоспособности китайской и центральноазиатских экономик. Авторы исходят из того, что КНР оказалась полностью готова к перекройке государственно-политической карты Евразии, вызванной распадом СССР. Именно экономическое взаимодействие Китая с Центральной Азией и шире — Евразией имеет принципиальное

значение для будущего центральноазиатской «пятерки».

Согласно мнению авторов, только глобальный контекст является релевантной рамкой анализа, позволяющей раскрыть и оценить содержание и направление процессов, набирающих силу в связке Китай — Центральная Азия. Восходящая мировая держава является одним из самых активных участников процесса реконфигурации центральноазиатского экономического пространства. Опираясь на свои рыночные и нерыночные конкурентные преимущества, а также умело используя глобальные и региональные механизмы сотрудничества, главным образом Всемирную торговую организацию и в возрастающей степени Шанхайскую организацию сотрудничества, КНР активно направляет вектор экономической перестройки Центральноазиатского региона в целях решения приоритетных проблем своего национального развития. Центральноазиатские, как и все евразийские экономики, сталкиваются с принципиальным вызовом — ни одна из них не в состоянии составить конкуренции Китаю в отраслях вне сырьевого сектора, что накладывает жесткие ограничения на перспективы и структуру их экономического роста.

Российские исследователи выделяют в качестве узловых следующие проблемы, которые оказывают решающее

воздействие на динамику и характер отношений между КНР и ЦА: асимметрии экономического взаимодействия, роль СУАР в контексте ускоренного развития западных провинций Китая и формирования «большой Центральной Азии», взаимная торговля и прямые инвестиции, статистически нерегистрируемая торговля и ее макроэкономическая значимость, ускоренное инфраструктурное строительство в Западном Китае и транспортный выход Китая в Центральную Азию, Центральная Азия как энергетический донор китайской экономики, ШОС как механизм реализации экономических интересов Китая.

Как мы видим, авторы попытались максимально полно охватить все существующие (и потенциальные) проблемы, возникающие в связи с беспрецедентным усилением позиций Пекина в нашем регионе. Поэтому особенно любопытно, к каким выводам приходят наши российские коллеги. Они приходят к заключению, что асимметрия экономического сотрудничества Китая и Центральной Азии определяется не только несопоставимыми масштабами взаимодействующих субъектов, но также и углубляющимися различиями в уровне развития. Если исключить нефтегазовых экспортеров — Казахстан и Туркменистан, то становится очевидным, что Центральная Азия все заметнее отстает от Китая.

Говоря о роли СУАР в экономической экспансии Китая в Центральной Азии, авторы выделяют пять факторов экономического роста Синьцзяна: массовое переселение населения в СУАР, высокая норма накопления, дотации и субвенции центральных властей, опора на паравоенные формирования и повышенная нагрузка на природную среду. Авторы отмечают, что экономически СУАР представляет собой крайне

нетипичный Западный регион. Слабо затронутый рыночными преобразованиями и либерализацией, он, тем не менее, по уровню развития опережает все остальные западные и даже некоторые внутренние провинции КНР.

Авторы находят основания для вывода о том, что СУАР быстро превращается в ведущий центр экономической активности «большой Центральной Азии». В настоящее время этот находящийся в процессе бурного формирования региональный макрорегион включает сам Синьцзян, Казахстан, Кыргызстан, некоторые близлежащие области России и до некоторой степени Таджикистан. В орбиту влияния этого региона может быть втянут Туркменистан и, хотя и в меньшей степени, Узбекистан. Этот процесс проявляется как прямо, через создание взаимодополняемых с центральноазиатскими экономиками экономических структур, так и косвенно по причине того, что автономный район обеспечивает Центральной Азии выход на большой Китай. Возрастающая роль СУАР в качестве ведущего центра экономической активности в «большой Центральной Азии» осязаемо представлена в потоках товаров, инвестиций, строительстве трансграничных дорожно-транспортных инфраструктур. Они подчеркивают, что такое развитие стало возможным только потому, что СУАР функционально играет роль транзитного моста между Центральной Азией и развитыми центральными и южными провинциями Китая, а также потому, что центральное правительство КНР продолжает перераспределять в пользу Синьцзяна масштабные экономические ресурсы.

Российские исследователи обращают внимание на такой факт, что для Китая экономическое сотрудничество с Центральной Азией во многом является побочным продуктом решения

крупной задачи национального развития — обеспечить ускоренный подъем западных районов страны. Для Пекина трансграничные транспортные проекты являются естественным продолжением опережающего развития западных провинций. При этом во внутрикитайском раскладе Синьцзян-Уйгурскому автономному району отводится роль регионального инфраструктурного хаба.

С точки зрения авторов, Казахстан стратегически важен для Китая и в качестве транзитного государства для импорта энергоносителей из других центральноазиатских стран. Эксперты полагают, что Казахстан намеренно подключил китайскую сторону к обсуждению региональных газовых проектов, рассчитывая тем самым добиться определенных уступок со стороны России. Однако версия об использовании китайского козыря неполна. Скорее нужно говорить о том, что остро нуждающийся в энергетических ресурсах Китай реализует собственный план, всеми способами поощряя конкуренцию между постсоветскими экспортерами газа.

Авторы приходят к выводу, что фактически стратегическая инициатива в ШОС принадлежит КНР. В самом общем виде эта организация представляет собой дипломатический механизм, который позволяет Китаю решать многоплановые задачи в Центральной Азии в собственных национальных интересах. Сохранение Центральной Азии в качестве стратегического тыла Китая, помимо всего, императивно требует, чтобы регион не находился под контролем какой-либо сверхдержавы или группы держав. С учетом этого момента в деятельности ШОС возникают линии КНР — США и КНР — Россия.

Пекин полагает, что активное присутствие США в регионе позволяет последним решать следующие задачи:

вести разведку близлежащих китайских территорий; каким-либо образом поощрять активность сепаратистов в Синьцзяне и западных провинциях; контролировать крупнейшие нефтегазовые месторождения Казахстана, а также маршруты экспорта каспийских нефти и газа на мировые рынки. Для КНР, которая примеривается к статусу великой державы XXI в., такая ситуация неприемлема. Кроме того, КНР не скрывает своих претензий на лидирующую роль в ШОС. Особое значение имеют настойчивые попытки Китая по приданию деятельности Шанхайской организации сотрудничества четкого экономического измерения. КНР последовательно стремится активизировать экономическое направление деятельности ШОС путем создания государствами — членами организации зоны свободной торговли.

Таким образом, резюмируют авторы, ШОС функционально решает важнейшую задачу КНР по «мягкому обволакиванию» Евразии. Принципиально интересы Китая в Евразии не отличаются от интересов ведущих развитых стран — это доступ к природным ресурсам и рынкам. Другое дело, что в отличие от Запада, особенно США, КНР действует не столь прямолинейно и агрессивно. При этом Китай не удовлетворен тем, что многостороннее взаимодействие в рамках ШОС не приносит ожидаемых им результатов. Часть китайского экспертного сообщества приступила к проработке вопроса о возможности создания новой региональной организации с участием Китая и центральноазиатских стран, но без участия России. В случае создания такой организации Китай установит в регионе паритет с Россией, которая взаимодействует с центральноазиатскими странами не только в ШОС, но и эксклюзивно в рамках ЕврАзЭС и ОДКБ. Причем Китай не

только добьется симметрии с Россией, но и получит возможность ускорить создание в Центральной Азии зоны свободной торговли, что необходимо для окончательного открытия местных рынков китайскому экспорту, а также для более плотного контроля совместных с центральноазиатскими государствами энергетических проектов.

Продолжая эту тему, российские ученые приходят к выводу, что КНР не скрывает своих претензий на лидирующую роль в ШОС и в Евразии в целом и умело подталкивает в нужном для себя направлении структуру межгосударственного взаимодействия в этой части мира. Помимо экономических задач, КНР, безусловно, решает во взаимодействии с Евразией и другие важнейшие для себя проблемы, среди которых демаркация и делимитация государственной границы: запрещенные деятельности так называемых «экстремистских» и «сепаратистских» движений и организаций и т.д. Следует особо подчеркнуть, что большинство этих проблем фактически решается на условиях китайской стороны. Все постсоветские страны, включая Россию, вынуждены были пойти на определенные уступки в вопросах прохождения границы, регулирования деятельности уйгурских движений и организаций, поддержания отношений с Тайванем и т.п.

Однако основная задача КНР в рамках ШОС — экономизация деятельности этой организации. Среднесрочные интересы Китая заключаются в окончательном закреплении своей доминирующей экономической роли в Евразии в качестве промышленного и в возрастающей степени научно-технологического лидера регионального развития. В долгосрочной перспективе КНР, возможно, намерена сформировать азиатско-европейский транскон-

тинентальный транспортный коридор, связывающий порт Ляньюньгань (КНР) с портом Роттердам (Нидерланды). Если по соображениям безопасности Китай примет решение о создании коридора, последний будет построен в кратчайшие сроки. Стратегическая значимость этого коридора заключается в том, что по нему Китай обеспечит себе прямой выход к нефтегазовым ресурсам Ирана, а возможно, и нефтеэкспортерам Персидского залива через территорию стран, находящихся в критической зависимости от экономических связей с КНР.

Подводя итоги, авторы констатируют, что два фактора определяют характер и структуру экономического взаимодействия Китая и Центральной Азии в ближайшее десятилетие. С одной стороны, китайская экономика в возрастающей степени зависит от импорта нефти, а в перспективе, возможно, и газа. С другой стороны, мотором экономической динамики КНР является промышленный экспорт, который расширяет совокупный спрос и тем самым позволяет преодолеть относительную ограниченность внутреннего рынка из-за низкой покупательной способности основной массы населения, а главное, обеспечивать ускоренную модернизацию технологически и технически отсталой производственной базы. Сохранять высокие темпы роста и поддерживать интенсивные структурные и технологические сдвиги экономика Китая может только за счет экспортной экспансии, которая в значительной мере базируется на импорте сырья.

Экономическое сотрудничество Китая с государствами Центральной Азии полностью подчинено общим задачам развития китайской экономики. Освоение Центральной Азии идет тем темпом, который соответствует китайским возможностям, при этом Китай

стремится минимизировать издержки по поддержанию своего неспешного экономического продвижения в регион. Нарастающая экономическая активность КНР вблизи центральноазиатских границ порождает дополнительный спрос, который в возрастающих объемах закрывают сырьевые евразийские экспортеры.

Представляет значительный интерес следующий вывод: с одной стороны, глобализация дает Китаю, располагающему гигантскими резервами дешевой и качественной рабочей силы и готовому к практически неограниченной экспортной экспансии на любые рынки, дополнительные преимущества. С другой стороны, Центральная Азия и Евразия сталкиваются с конкуренцией иного нерыночного порядка. Не связанный либеральной идеологией Китай широко использует в своей экономической политике подходы и рычаги из арсенала командно-административной экономики. Само стремительное развитие СУАР в значительной степени зиждется на нерыночном базисе.

К сожалению, нельзя не согласиться с авторами в том, что закрепление за Центральноазиатским регионом функции сырьевого придатка Китая (и не только его) имеет объективную природу и в конкретных исторических условиях ему нет альтернативы. Значительная и растущая часть платежеспособного спроса населения во всех странах региона, за частичным исключением Туркменистана и Узбекистана, удовлетворяется за счет импорта китайских промышленных изделий, причем в существенной мере в обход легальных торговых каналов. Китай все успешнее справляется с ролью промышленной мастерской постсоветского пространства, не оставляя последнему шансов на развитие сколько-нибудь значимого обрабатывающего сектора.

В случае продолжающегося опережающего роста западных провинций Китая, Синьцзян имеет все шансы превратиться в ведущий финансово-экономический центр Центральной Азии и прилегающих и близко географически расположенных российских регионов, иначе говоря, закрепить свое положение в качестве экономического центра формирующейся «большой Центральной Азии». Если же говорить о более отдаленной перспективе, то не исключено, что Китай может рассматривать Центральную Азию как естественный сухопутный проход к нефтяным месторождениям Ближнего Востока. Через Каспийское море и территорию Казахстана и Туркменистана Китай напрямую выходит на Иран. Но при этом для КНР центральноазиатская нефть, а в перспективе, возможно, и газ, важны скорее в качестве вспомогательного источника первичных энергоресурсов. Дополнительную ценность тесному энергетическому взаимодействию Китая с Центральной Азией придает и возможность использовать его в качестве рычага нажима на Россию.

В концентрированном виде выводы к книге сформулированы авторами следующим образом:

Во-первых, экономическое взаимодействие Китая и Центральной Азии в ближайшем десятилетии будет развиваться быстрыми темпами. Такой ход событий отражает глобальную тенденцию: Китай продолжает превращаться в мощный экономический центр современного мира.

Во-вторых, притом, что потоки товаров, услуг, инвестиций и технологий по линии Китай — Центральная Азия будут нарастать, в силу несопоставимости масштабов экономик, значимость экономических связей для участников этого процесса является резко асимметричной. Для стремительно

превращающегося в глобальный центр экономического притяжения Китая экономические связи с Центральной Азией не имеют сколько-нибудь серьезного макроэкономического значения.

В-третьих, главные экономические интересы Китая в Центральной Азии по объективным причинам завязаны на экономического лидера региона — Казахстан, который останется основным экономическим партнером Китая и на обозримую перспективу.

В-четвертых, как и другие центры глобальной экономической мощи, Китай заинтересован практически исключительно в природных ресурсах Центральной Азии, в первую очередь в нефти Казахстана и природном газе Туркменистана.

В-пятых, для политического сопровождения своих экономических интересов в Центральной Азии (хотя и не только по этой причине) Китай пошел на создание Шанхайской организации сотрудничества. Механизмы многосторонней дипломатии и риторики позволяют Китаю обеспечить «мягкое обволакивание» Центральной Азии в неконфронтационном режиме.

В-шестых, растущий внутренний спрос в Китае на практически всю группу сырьевых товаров закрепляет превращение Центральной Азии в сырьевой придаток не только европейской, но и китайской экономики. Глобальная неконкурентоспособность центральноазиатских экономик в срав-

нении с географически близкой китайской предельно затрудняет для них, если не полностью закрывает, возможности диверсификации экономической структуры вне сырьевого сектора.

Таким образом, заключают наши российские коллеги, все перечисленное вкуче с другими факторами подтверждает то обстоятельство, что адаптация к экономическому возвышению Китая представляет собой основной вызов для Центральноазиатского региона. И последнее, на что обращают внимание авторы: нарастающее экономическое взаимодействие в связке Китай — Центральная Азия напрямую затрагивает интересы России. С одной стороны, в своей практической политике ей необходимо учитывать тот факт, что КНР де-факто является главным игроком на центральноазиатской экономической сцене, а в ближайшей перспективе имеет все шансы превратиться в доминирующего игрока.

С другой стороны, будучи открытой сырьевой экономикой, Россия во взаимодействии с Китаем сталкивается с проблемами, которые в значительной мере аналогичны проблемам, возникающим в связке Китай — Центральная Азия. Поэтому авторы апеллируют к руководству своей страны, настоятельно рекомендуя последнему учитывать опыт экономического взаимодействия Центральной Азии с Китаем при формулировании долгосрочных целей национального развития России.